

ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

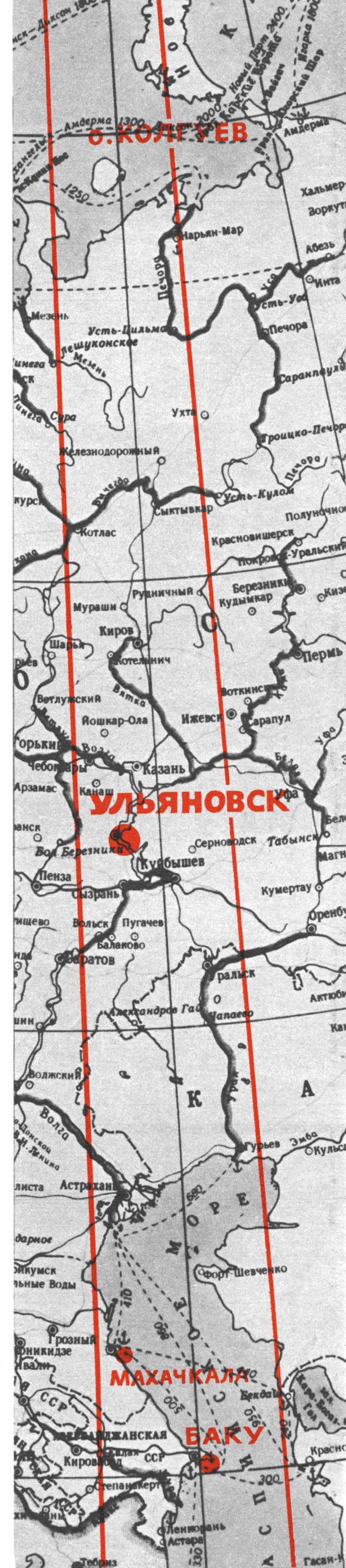
Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2193)

12 ИЮЛЯ 1969

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Этот портрет Владимира Ильича Ленина с его автографом хранится в краеведческом музее Махачкалы.

Чох поднимается на вершину горы двадцатью четырьмя этажами...

В ЧОХЕ, НА ГОДЕКАНЕ

Н. ХРАБРОВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ДАЛЕКО И ВЫСОКО

Горячий ветер хлещет в лицо, и наш «газик» мчится вверх по горячей земле, по той самой земле, о которой горцы говорят: «Что может быть прекраснее гор?» «Только горы». «А что может быть прекраснее самых прекрасных гор?» «Только горы Дагестана». Человека с равнины они ошеломляют.

Далеко и высоко, за родниковой прохладой перевалов,— Чох. Он поднимается на вершину горы двадцатью четырьмя этажами построенных друг над другом крепких, истинно восточных домов, и днем, когда окна не светятся электричеством, аул кажется живым продолжением островерхой каменной горы.

В этом горном ауле события бурлят точно так же, как в Махачкале или в Москве. На годекане — месте для беседы — в эти дни активно обсуждаются проблемы, волновавшие тех, кто в Моск-

Чохские последователи Пифагора восьмиклассники Магомед Гасанов и Зоя Залова.

Позади школьные экзамены, впереди экзамены в институт. Преподаватель химии, мастер спорта Муса Омаров по-прежнему будет учительствовать в чохской школе. А его питомцы — Сулейман Шахназаров, Мусит Мурилова и Асият Шахназарова — пока прощаются с горами: их ожидает новая жизнь.

ве собрался на международный форум коммунистических и рабочих партий. Обсуждаются горячо, с той заинтересованностью, что всегда отличает человека государственного.

А мимо годекана плавной вереницей идут горянки, и узкогорлые кувшины за их спинами закреплены цветными лентами. Наверное, до тех самых пор, пока в каждой чохской кухне не появится свой кран, воду будут носить в кувшинах — ни капли не расплещешь на спусках и подъемах.

Трудовой день здесь начинается с восходом солнца. На рассвете по каменным улочкам белым потоком текут отары на альпийские луга и коровы, ловкие, быстрые, как скалолазы, карабкаются по вершинам в распадки, где густые травы полынно-горьки и медовосладки. А женщины соберутся в холодке у источника, который на годекане называют «Чохинформбюро», и несколько минут будет звучать негромкая речь и девичий смех.

Потом аул затихнет. Надев папахи, горцы поведут на свои поля-террасы буйволов, потому что тракторам тут нечего делать, тракторы внизу, в долине, в другом отделении колхоза, а на террасах могут развернуться только буйволы с поворотными плугами. Горянки, закутавшись от солнца большими, в алых розах платками, выйдут на прополку полей и садов. Привычные к жаре люди будут работать и здесь, на полях-террасах; и в другом отделении колхоза, в «Чох-коммуне», где зеленеют молодые хлеба и абрикосовые сады — главное богатство колхоза: и на кутане — на пастбищах, где находятся молочнотоварные фермы.

В этом колхозе люди умеют работать упорно, много, и результат их труда уже не раз государство отмечало высокими наградами. Колхоз Омарова-Чохского получил за перевыполнение производственного плана 1968 года первое место и первую денежную премию — и это не по Дагестану и даже не по РСФСР, а по всему Советскому Союзу. Но аварский аул знаменит не только тем, что люди его усердно трудятся. Чох — это и отличные животноводы, и пытливые ученые, и прекрасные учителя, врачи, инженеры. Чохцы тянутся к знаниям.

Ибрагим ШАХНАЗАРОВ:

— Экзамены идут,— говорит завуч чохской школы.— Представьте себе: 58 выпускников сдают экзамены в нашей школе; сто студентов сдают экзамены в разных техникумах и институтах; двое готовятся к защите кандидатской диссертации. И все — выпускники нашей школы.

Ученые наши — и в Махачкале, и в Ростове, и в Баку, и в Москве. А 26 выпускников чохской школы, получивших высшее и специальное образование, работают в самом ауле: в колхозе, школе, больнице.

...Учится старинный аварский аул. И по вечерам экзаменационные отметки ребят становятся главной темой разговоров на годекане. Под вечер сюда первым приходит Рапиалав Арбуханов, старый партизан, ныне персональный пенсионер. Усаживается на прочной, длинной скамье и пристально глядит на дорогу, пока не подойдет, не сядет рядом старый друг его, тоже партизан, коммунист Ибрагим Гусейнов — вот уже, кажется, сорок лет работает он заведующим фермой. Оба они были организаторами колхоза, и оба внимательно следят за судьбами младших чохских поколений.

Вот что рассказал однажды вечером на годекане.

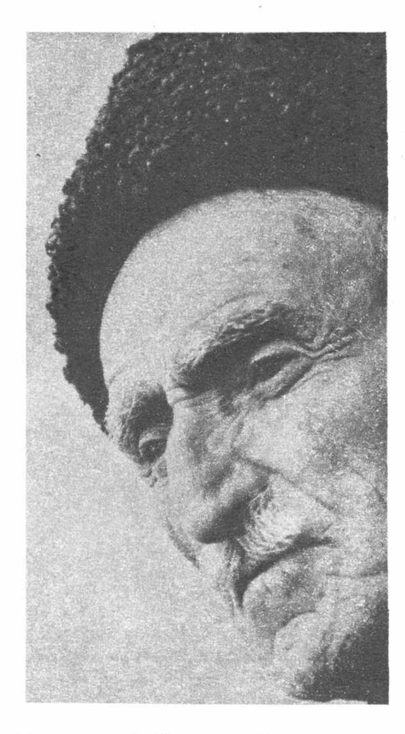
Рапиалав АРБУХАНОВ:

— Мы революцию делали, нам интересно знать, что будет дальше. Запомни: революция у нас в Чохе была такой же, как и в России. На две половины разделился Чох — на богатых и на бедняков. Богачи хотели защищать свои богатства и пошли к Деникину. Бедняки пошли к Саиду Омарову. Саид был рабочим в Баку, вернулся к нам коммунистом и организовал партизанский отряд против имама Гоцинского. Двести человек ушло из Чоха в партизаны. Погиб Саид Омаров. Позднее мы его именем назвали колхоз. Крепла Советская власть в Чохе, и все у нас в горах изменилось. К электричеству уже давно привыкли. А ты только подумай, каких сил стоило поднять электричество в горы на этакую высоту. Водопровод? Видела источник? Серп и молот на камне вырезали, дату — 1927 — поставили. Тоже все привыкли, что чистая горная вода прямо из трубы идет в кувшин. А раньше, может быть, целую тысячу лет, и люди и скот из одного ручья пили. И радио давно в Чохе, никто не представляет себе, как это можно жить без радио. Дороги? В Махачкалу надо — пожалуйста: на самолете — 30 минут, на машине — несколько часов. А три дня и три ночи пешком, как раньше, не угодно ли? До революции здесь, в горах, для бедняков ничего не менялось, а пришла она — и всего половины человеческой жизни хватило для того, чтобы сорок мальчишек и девчонок из одного только нашего аула стали большими учеными. Значит, жизнь идет правильно, вверх, как тропинка в гору.

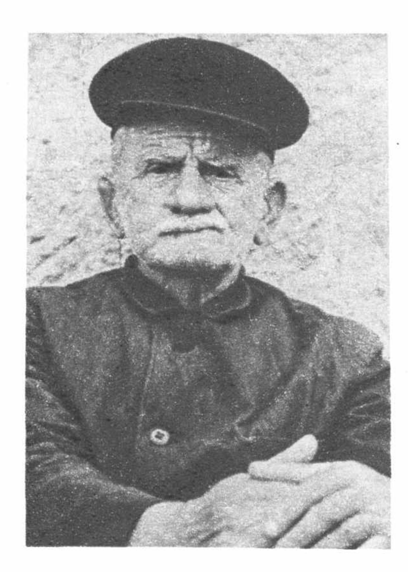
А главное, что надо знать,— Ленин очень уважал Дагестан!

Ученые-чохцы — преподаватели махачкалинских институтов.

Рапиалав Арбуханов, бывший партизан и один из организаторов колхоза.

Сорок два года назад Ибрагим Гусейнов вступил в партию.

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

Может быть, оттого, что у революции был свой язык — краткий и предельно ясный, над нами особую власть имеют слова этого языка. Достаточно прочесть документы тех времен — и оживут огненные годы, зашумят на ветру простреленные знамена, и комиссары в кожаных тужурках, перевернув старый мир, поведут людей к новой жизни.

ЛЕНИН:

Г. К. Орджоникидзе Реввоенсовет Кавказского фронта

Не позднее 25 апреля 1920

Уполномачиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов.

ЛЕНИН

ОРДЖОНИКИДЗЕ:

Темир-Хан-Шура, Финансовый Отдел Дагестанского Ревкома, Президиуму Дагревкома. Копия Ростов, Совтрударм.

Согласно распоряжению Предсовнаркома товарища Ленина Дагестанскому ревкому отпущено 100 миллионов рублей на восстановление разрушенных аулов. Из этой суммы 50 миллионов Дагестанским ревкомом получено, надлежит еще выдать 50 миллионов, почему предлагаю открыть кредит Дагестанскому ревкому в 50 миллионов.

Член РВС Кавфронта и Совтрударма Орджоникидзе

СТЕНД В МУЗЕЕ, В МАХАЧКАЛЕ:

«По распоряжению В. И. Ленина в 1921 году в Дагестан было отправлено 1,5 миллиона аршин мануфактуры, около 15 вагонов земледельческих орудий и фруктосушилок, 23 тысячи пудов хлебозерна и много лекарств».

Д. Коркмасов (из воспоминаний дагестанского делегата, побывавшего 12 февраля 1921 года у Ленина в Кремле).

«...— Неужели дошло до того, что верующие идут против духовенства? — возбужденно спросил Ильич.

— Не только идут против духовенства, но и отбирают у него земли и имущество. У самого имама Гоцинского партизаны забрали всю баранту, а население — земли.

— Даже конфискуют имущество! — радостно воскликнул Ильич.— Это хорошо. Это совсем хорошо,— повторил он оживленно».

Владимир Ильич Ленин шлет помощь горским беднякам, шлет помощь красному Дагестану.

Рашад МАХАЧЕВ,

кандидат сельскохозяйственных наук, один из сорока ученых, вышедших из Чоха:

— Мой отец, революционер Салман Махачев, в годы гражданской войны был продкомиссаром Гунибского округа. Я был совсем мальчишкой, а детская память, как известно, крепка. Я помню отца, его преданность революции, его заботу о тех, кто был на стороне Ленина и революции. Продкомитет по-революционному строго распределял помощь аулам.

Ибрагим-Халил ХАЛИЛОВ,

доктор медицинских наук:

— И я помню. Осенью, когда мы пришли в школу, нам выдали по нескольку мерок зерна, по дватри аршина бязи, обмотки и карандаши. Это было большим материальным поощрением, и, кто знает, скольким послужило толчком — учиться! Ни в ком из нас не простыл след революции, след нашего детства. Те годы открыли нам путь в науку.

Мусит МУРИЛОВА,

десятиклассница, выпускница чохской школы:

— Мы писали сочинение на тему «Вечно будет ленинское сердце клокотать у революции в груди». Весь класс выбрал именно эту тему. И было у нас двойственное чувство: вроде и экзамен, но вместе с тем словно и праздник. У каждого из нас есть свои мысли о ленинизме. И каждый из нас, выбирая свою дорогу в жизни, помнит заветы Ильича. Я, наверное, буду врачом. Врач нужен людям в минуту болезни, в трудную минуту. А быть нужным людям — хорошо.

СЧАСТЛИВОЙ ТЕБЕ ЖИЗНИ, ЧОХ! СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ЧОХЦЫ!

Своей важной задачей мы считаем дальнейшее укрепление союза всех наций и народностей нашей многонациональной страны.

Из выступления Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий.

СОЛИДАРНОСТЬ

Свыше 20 лет продолжается оккупация Южной Кореи американскими войсками. Корейский народ ведет упорную борьбу за вывод американских войск с юга — главное условие объединения родины.

Советские люди горячо поддерживают призыв Совещания коммунистических и рабочих партий к активной солидарности международной общественности с борьбой корейского народа. Об этом говорят резолюции многочисленных собраний и митингов, проходящих сейчас в нашей стране в рамках месячника солидарности с борьбой корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи и объединение родины.

О месячнике солидарности мы попросили рассказать Семена Григорьевича Цыпленкова, заместителя председателя центрального правления Общества советско-корейской дружбы.

— В соответствии с решением III конференции солидарности народов Африки и Азии в Моши и Гаванской конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки мировая общественность ежегодно проводит месячник солидарности с борьбой корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи.

В этом году месячник открылся собранием общественности Москвы, которое состоялось в Центральном доме литераторов. Собрания, митинги, вечера, лекции, беседы, фотовыставки намечены в Казахстане, на Украине, в Ленинграде, Иркутске, Омске, в Приморском крае.

Наше общество насчитывает около 250 коллективных членов. Отделения общества созданы во многих городах нашей страны.

Митинги солидарности состоялись на предприятиях, в колхозах, учебных заведениях, являющихся коллективными членами Общества советско-корейской дружбы. Вот что пишут в своей резолюции участники митинга в колхозе «Трудовик», Курдайского района, Джамбулской области: «Горячо приветствуем корейский народ, который борется за вывод американских войск с территории Южной Кореи. Труженики нашего колхоза, как и все советские люди, полностью поддерживают братский корейский народ, борющийся против американского империализма, за объединение Кореи на демократических началах. Все мы уверены в том, что корейский народ одержит победу и вся Корея будет единой».

Нашу страну с официальным визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства посетила партийно-государственная делегация Сирийской Арабской Республики, возглавляемая Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), главой государства и Премьер-Министром САР Нуреддином Атаси.

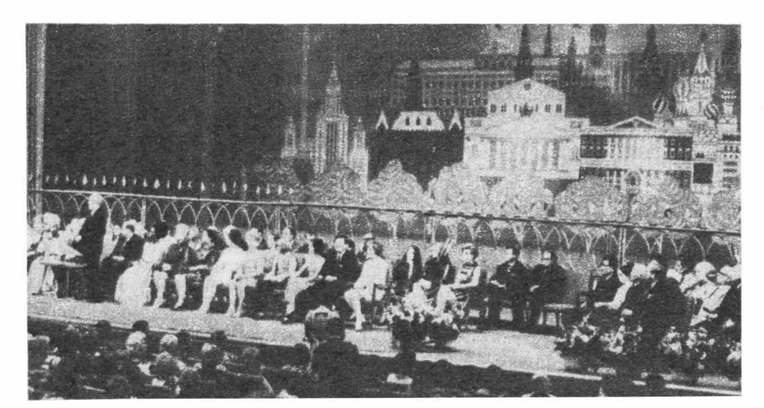
На Внуковском аэродроме столицы сирийских гостей встречали товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный и другие официальные лица.

4 июля партийно-государственная делегация Сирийской Арабской Республики, возглавляемая Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения, главой государства и Премьер-Министром Нуреддином Атаси нанесла визит в Кремле Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

В Москве состоялись советско-сирийские переговоры, прошедшие в дружественной, сердечной обстановке. В ходе переговоров имел место плодотворный обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между двумя странами, а также по важным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

На снимке: советско-сирийские переговоры в Кремле.

Фото А. Гостева.

ОТКРЫТ VI МОСКОВСКИЙ

Вечером 7 июля в Кремлевском Дворце съездов собрались представители киноискусства более 70 стран. Торжественно открылся VI Международный форум кинематографистов. Каждый день будут просматриваться здесь, в Кремлевском Дворце съездов, произведения мирового художественного кинематографа. В состав жюри — под председательством народного артиста СССР Сергея Герасимова — вошли крупнейшие мастера большого кино; им предстоит просмотреть и по достоинству оценить более 30 полнометражных лент.

Не менее сложная задача стоит и перед кинодокументалистами. Из опыта прошлых лет известно, что документальные и хроникальные фильмы завоевывают все большую популярность. Тем труднее будет выбрать лучшие из лучших. Значит, у Романа Кармена и его коллег — членов жюри короткометражного кино задача не из простых. Но, пожалуй, уж самое «хитрое» дело у Сергея Михалкова: ведь детские фильмы, а их тоже около 40, надо оценивать с воспитательной точки зрения, учитывая в то же время и реакцию детворы.

Итак, яркий праздник кино начался. В следующем номере мы расскажем о том, как он проходит.

Н. ЗЫБИНА

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Наш взгляд

ОТРАВА И ПРОТИВОЯДИЕ

Викентий МАТВЕЕВ

Пустыня Грейт-Солт-Лейк в западной части штата Юта в США малообжита. Это район, годный лишь для овцеводства.

В марте прошлого года многие американцы заговорили о Грейт-Солт-Лейк. Там, в долинах Скалл-Велли и Раш-Велли, стали гибнуть овцы. За несколько дней пало свыше шести тысяч. Прививки не дали результатов. Ни одна из вакцин не оказалась эффективной.

Лишь благодаря чистой случайности общественность узнала правду. Сенатор Фрэнк Мосс, представляющий штат Юта, запросил в числе других учреждений и Пентагон о возможности отравления овец каким-либо препаратом. В ответе Пентагона сообщалось, что 13 марта в районе пустыни Грейт-Солт-Лейк, находящемся в 30 милях к западу от Скалл-Велли и в 45 милях от Раш-Велли, испытывали весьма стойкий смертоносный газ нервно-паралитического действия. Над зоной цели реактивный самолет распылил 320 галлонов газа. В тот день ветер дул с запада, достигая скорости 35 миль в час. Эта информация была помечена грифом «служебной» и не предназначалась для печати. Но молодой пресс-секретарь сенатора, по соображениям, о которых история умалчивает, передал ее журналистам. Когда несколько часов спустя военные власти пытались вернуть документ, было поздно.

Армейские ведомства, ответственные за эксперименты, были вынуждены признать: полигон Дагвей в Грейт-Солт-Лейк является центром испытаний химического и бактериологического оружия США. Одно из таких испытаний вышло из-под контроля...

Совсем недавно аналогичные события произошли в одном из самых густонаселенных районов Западной Европы — в Голландии и в прилегающих к Рейну областях Западной Германии. 24 июня на протяжении более чем трехсот километров поверхность Рейна стала

В Москву 7 июля с официальным дружеским визитом по приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства прибыла партийно-правительственная делегация ГДР, возглавляемая членом Политбюро ЦК СЕПГ, Председателем Совета Министров ГДР Вилли Штофом.

7 июля Вилли Штоф, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, член Политбюро ЦК СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ Г. Миттаг и другие члены партийно-правительственной делегации ГДР нанесли визит Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу и члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

Затем в Кремле начались переговоры с партийно-правительственной делегацией Германской Демократической Республики. С советской стороны в переговорах принимают участие Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и другие.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото А. Гостева.

Типография в Сокольниках

В Сокольниках за считанные дни была смонтирована и открылась одна из крупнейших типографий. Даже специалистов она поражает своим совершенством. Один из цехов печатает многоцветный журнал на полиэтиленовой пленке, в другом установлена ротация, мгновенно выдающая большой тираж газеты.

Эта типография называется «Инполиграфмаш-69», и все, что тут собрано, составляет выставку современной полиграфической техники. Здесь представлены почти семьсот фирм из 20 стран — Ленинградский завод полиграфических машин и английский «Ротапринт», предприятия полиграфического машиностроения ГДР и Венгрии, Франции, Швейцарии, Швеции...

На выставке представлена и малая техника — средства оперативной полиграфии, все то, что крайне необходимо канцелярии, конструкторскому бюро, министерству, нотариальной конторе, крупному магазину, сервисной фирме, школе, институту. Оперативная полиграфия позволит моментально получить сотенный тираж только что прочитанного доклада; она не исказит ни одной черточки в чертеже; облегчит работу научного симпозиума; сделает достоянием каждого блистательное открытие.

Самым крупным разделом «Инполиграфмаш-69» является советский. В нем — 1 700 экспонатов. Внимание привлекает газетная ротационная машина «ПВГ-84-4». Она-то и печатает ту самую четырехстраничную многоцветную иллюстрированную газету, о которой уже упоминалось. Уникальны по своим достоинствам наборные машины класса «Россия». Это скоростные машины — 16 строк в минуту.

Хайнрих Эльстнер, возглавляющий экспозицию ГДР, отмечает, что продукция полиграфического машиностроения его страны получила в Лейпциге на традиционных ярмарках 14 золотых медалей. Качество полиграфической продукции Германской Демократической Республики широко известно.

Диапазон нынешней полиграфии — от газет до почтовых марок, от рекламных проспектов до высокохудожественных репродукций, от упаковки изделий до поздравительных открыток. Полиграфия заботится о каждом из нас, поэтому и выставка интересна каждому.

К. БАРЫКИН

заполняться мертвой рыбой. Река несла по течению и другую погибшую живность. Домашняя птица, прикасавшаяся к воде, немедленно умирала. Подсчитали, что к 26 июня более 40 миллионов единиц рыбы и другой живности погибло, на отрезке от Бингена в ФРГ до устья реки в Голландии! Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило 24 июня из Дюссельдорфа о том, что власти были бессильны справиться с бедствием, причину которого сразу не удалось установить, хотя данные указывали на действие какого-то «нервноубивающего яда». Последующий анализ показал, хотя и не окончательно, что отравление вызвано препаратом эндульсван, изготовляемым химическими концернами ФРГ во Франкфурте и Дюссельдорфе. Печать утверждала, что он используется для борьбы с сорняками и вредителями садов и огородов. Однако эти сообщения противоречили тому, что говорилось в первые дни об источнике бедствия, — о «нервно-парализующем препарате». Видимо, соответствующие ведомства в ФРГ старались замести следы этой истории. Не секрет, что влиятельные политики в Бонне относятся к химическому и бактериологическому оружию так же, как и к ядерному: они стремятся заполучить его в свой военный арсенал.

Проблема борьбы против угрозы химической и бактериологической войны очень серьезна. Видные советские ученые подняли голос против этой угрозы, призвав к конкретным мерам для запрета такого оружия. 3 июля в Женеве возобновил свою работу Комитет по разоружению. В докладе, подготовленном по просьбе генерального секретаря ООН У Тана экспертами из Венгрии, Голландии, Индии, Чехословакии, Франции, Японии, Канады, СССР, США, Мексики, Швеции, Эфиопии, Польши и Англии, подчеркивается, что широкое применение в военных конфликтах химического и бактериологического оружия имело бы самые пагубные последствия для воюющих сторон, для всего мира.

«Борьба идет за самое важное — за будущее человечества», — указывается в Воззвании в защиту мира, принятом Международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 16 июня. Фронт этой борьбы велик и разнообразен. И борьба за эффективное международное запрещение всех видов химического и бактериологического оружия должна стать неотъемлемой частью усилий всех, для кого прочный мир не пустая фраза, а насущная задача сегодняшнего дня. Дело в том, что такое оружие уже используется во все более широких масштабах. Вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Сеймур Херш в книге «Химическая и биологическая война», изданной в прошлом году, пишет, что еще в 1956 году вооруженные силы США получили директиву «в случае необходимости» первыми применить химическое и биологическое оружие. И применили! С октября 1961 года, отмечается в книге, дефолианты и гербициды широко используются американцами во Вьетнаме для уничтожения растительности и посевов. В 1956 году американские генералы начали применять во Вьетнаме отравляющие вещества во время военных действий. Сперва — слезоточивые газы, потом — рвотные. В последнее время прейскурант заокеанских отравителей пополнился новой графой: «Газы для борьбы с беспорядками». Эти газы не раз пускались в ход во время недавних студенческих волнений в американских университетах.

Женевская конвенция 1925 года о запрещении применения отравляющих газов и бактериологического оружия до сих пор не ратифицирована Соединенными Штатами. Кое-кто там хотел бы легализации этого оружия. Вот почему борьба миролюбивых сил в этой области приобретает такое значение. У гидры милитаризма много голов, цепкие шупальца. Однако ее можно и нужно обезвредить во имя будущего нашей планеты.

Кабул одевается мрамором

Д. ЛОЗИНОВ

Масса небольших глинобитных домиков, взбирающихся по крутым склонам горы, где, очевидно, нет ни водопровода, ни электричества; сравнительно большие дома, обмазанные глиной и отделенные от улицы и соседей высокими массивными заборами из камня, скрывающими жизнь за ними от посторонних глаз; тучи пыли на улицах, поднимаемые порывами сухого ветра,— все это Кабул, пришедший из вчерашнего дня, но и Кабул сегодняшний. И шумные восточные базары, и жизнь летом под открытым небом, и женщины в чадре, и степенные ослики, шагающие по оживленным улицам,— тоже Кабул. Неповторимо красочное лицо столицы Афганистана, растянувшейся в обширной долине между гор, где, переливаясь по камням, бежит река.

И тем не менее Кабул одевается в мрамор. На его улицах появляется все больше и больше зданий, отличающихся от своих глинобитных собратьев так, как двуколка, запряженная осликом, отличается от обгоняющего ее автомобиля последней модели.

Это учебные заведения и больницы, министерства и банки, гостиницы, магазины, жилые дома микрорайона, построенного с помощью Советского Союза.

При сооружении всех новых общественных зданий используется много мрамора. Его в Афганистане, нам говорят, достаточно, и он все шире применяется на стройках. Прекрасные мраморные полы, лестницы, облицованные мрамором стены залов и фасады домов особенно бросаются в глаза, если рядом с новым зданием притулилось старое глинобитное строеньице.

Пожалуй, подобные контрасты лучше всего характеризуют Афганистан сегодняшнего дня. То, что глинобитный Кабул постепенно превращается в современный город, одетый в мраморные одежды, символично. Ведь мрамор — естественное богатство Афганистана. Его широкое применение сегодня — это не прихоть и не дань моде, а отражение нового этапа в развитии страны, когда ее естественные богатства начинают служить афганскому народу.

Сейчас в Кабуле часто слышишь шум моторов реактивных пассажирских лайнеров. А всего пятнадцать лет назад одна английская газета писала: «Вы не можете отправиться в Афганистан по железной дороге, так как ее не существует; вы не можете поехать пароходом, так как нет порта; вы не можете полететь по воздуху, так как отсутствуют аэродромы; и вы не можете отправиться автомашиной, так как нет дорог». Это в прошлом. Сегодня из Советского Союза, например, в Кабул можно доехать по прекрасной автомобильной дороге, сооруженной при нашей помощи, или же прилететь на самолете прямо в современный кабульский аэропорт.

Разве не показательно, что страна, в которой раньше вообще отсутствовали дороги, в короткий срок изменила это катастрофическое положение!

На помощь афганцам, напрягающим усилия по преобразованию своей страны, пришли друзья из Советского Союза.

Недавно, в дни празднования годовщины независимости Афганистана и пятидесятилетия установления дипломатических отношений между нашими странами, когда Афганистан горячо принимал прибывшего по приглашению Премьер-министра Нур Ахмеда Эттемади Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, кабульская газета «Парчам» опубликовала «карту дружбы», на которой были указаны объекты, построенные при технической помощи СССР. На карте нанесены дорога Кушка — Герат — Кандагар, высокогорный тоннель в Саланге, ирригационный Джелалабадский канал и ферма Газиабад, электростанция в Наглу и другие объекты. В столице Афганистана при участии и с помощью нашей страны были сооружены элеватор и хлебокомбинат, политехнический институт, аэропорт, авторемонтный завод. Другая газета — «Анис» — писала, что советская экономическая помощь вызвала качественные изменения в экономике страны. Около 70 процентов всех советских кредитов было направлено на развитие и расширение промышленности.

Столица, где проживает сейчас свыше полумиллиона из пятнадцати миллионов афганцев, в концентрированном виде как бы представляет всю страну, где происходят примечательные изменения.

Эти изменения характеризуются невиданным для Афганистана размахом строительных работ, направленных на создание собственной экономики, что в конечном итоге будет означать рост благосостояния населения. Эти изменения характеризуются, далее, бурным ростом количества учащихся. Их было 100 тысяч в 1950 году, а сейчас уже свыше 600 тысяч, причем количество учащихся в высших учебных заведениях за десять лет увеличилось в три с половиной раза.

Опубликованная газетой «Парчам» «карта дружбы» — красноречивое свидетельство того, что советские люди, питающие самые дружественные чувства к афганскому народу, не остаются в стороне от той борьбы, которую ведет Афганистан с вековой отсталостью — наследием колонизаторов.

Политехнический институт в Кабуле.
Фото В. Маевского.

Уроки

Многое связывает болгарский народ с народами нашей страны: историческое прошлое Руси и Болгарии, древняя славянская письменность, культура, героические события русско-турецкой и Великой Отечественной войн, социалистическая новь. Давняя близость народов предопределила особую атмосферу дружбы и доверительности в работе советско-болгарского клуба творческой молодежи, созданного по инициативе ВЛКСМ и Димитровского коммунистического союза молодежи Болгарии. Пятая встреча его участников, проходившая с 21 июня по 4 июля в Тбилиси, Батуми, Ростове и Новочеркасске, была уже как бы маленьким юбилеем. На гостеприимной земле Советской Грузии встретились молодые писатели, архитекторы, художники, режиссеры, артисты, критики, чтобы обсудить насущные проблемы современной литературы и искусства. Среди наших болгарских гостей — секретарь ЦК ДКСМ Минчо Чунтов, поэты Л. Левчев, М. Шопкин, Х. Константинов, молодой график В. Гривишка, искусствовед Э. Бакалова. В советской делегации — директор издательства «Молодая гвардия» В. Ганичев, поэты В. Сидоров, лауреат премии Ленинского комсомола В. Фирсов, Л. Васильева, лауреат конкурса имени Н. Островского Ф. Чуев, лауреат премии узбекского комсомола Р. Фархади, лауреат премии грузинского комсомола и президент клуба Р. Амашукели, художник-монументалист лауреат премии Ленинского комсомола А. Чернобровцев, лауреат конкурса имени Н. Островского прозаик В. Колыхалов, литературные критики П.

«Ждем вас в Болгарии»: болгарский поэт Л. Левчев, М. А. Шолохов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, президент клуба Р. Амашукели, секретарь ЦК ДКСМ М. Чунтов, Герой Советского Союза Ю. Бабанский.

М. А. Шолохов: Ответственность писателя... это не просто и в шестьдесят четыре года.

...И эту проблему решает каждый для себя.

дружбы

Палиевский, А. Ланщиков, А. Ушаков и др. В работе клуба приняли участие, и надо сказать, самое активное, представители творческой молодежи Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии.

Успеху Пятой встречи членов клуба способствовала уже сама тема творческой дискуссии: «Ответственность художника перед народом и историей в период строительства социализма и коммунизма». Рабочие заседания, состоявшиеся в столице Аджарии Батуми, вылились в прямой и откровенный разговор. В выступлениях ленинградского историка С. Семанова, литературного критика В. Кожинова и других особо подчеркивалась мысль о необходимости служения художника-творца своему народу, о бережном отношении к историческому наследию, о национальном содержании искусства, о воспитании истинно патриотических традиций. Одновременно участники клуба ознакомились с творческими портретами молодых болгарских и советских поэтов, артистов, режиссеров.

Центральным, значительнейшим днем в работе клуба явилось 2 июля, когда в Ростове, городе-побратиме болгарского Плевена, мы встретились с М. А. Шолоховым. Разговор с автором «Тихого Дона» ощущался всеми как некая строгая проверка проделанного, как подведение важных итогов. Именно об этом говорили первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, венгерский литературный критик Имре Такмаш, болгарский поэт Л. Левчев, поэт В. Сидоров.

Большое, глубокое по содержанию выступление М. А. Шолохова прозвучало как прямое продолжение генеральной темы дискуссии.

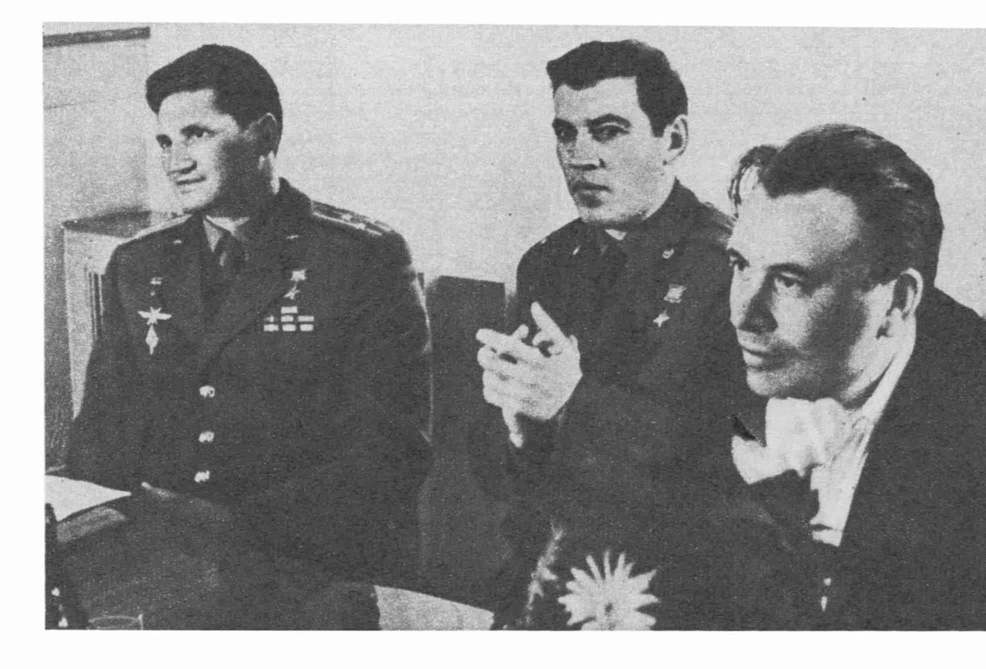
По словам М. А. Шолохова, ответственность художника, писателя перед историей и народом сегодня приобретает новый смысл. Некоторые явления в современной литературе уже тревожат. Тревожит близорукость, беспомощность, излишний либерализм. Тревожит легкомысленность некоторых поэтов. Неужели вчерашние юноши, повзрослев, еще не понимают происходящего? Хочется спросить их словами М. Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Порою иной писатель стремится самоцельно заострить произведение. Но против кого направлено такое заострение? Далее М. А. Шолохов отметил свежие, отрадные голоса в современной советской поэзии и прозе. Ответственность писателя, сказал М. А. Шолохов, это не просто и в шестьдесят четыре года. В заключение своего выступления М. А. Шолохов рассказал об эпизодах написания им последних отрывков романа «Они сражались за Родину».

Решением участников Пятой встречи М. А. Шолохов был избран почетным членом советско-болгарского клуба творческой молодежи. Было предложено, чтобы встречей с ним завершалось каждое новое заседание. От имени болгарских писателей Л. Левчев пригласил М. А. Шолохова посетить Болгарию. С заключительным словом выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

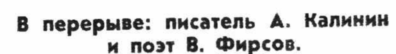
Встреча с М. А. Шолоховым явилась ярким завершением плодотворной работы клуба, члены которого вынесли новые, важные уроки — уроки дружбы наших стран. В Москве под председательством секретаря ЦК ВЛКСМ А. И. Камшалова состоялся последний обмен мнениями советско-болгарской делегации, где была намечена проблематика новой творческой дискуссии очередного 6-го заседания клуба.

О. МИХАЙЛОВ

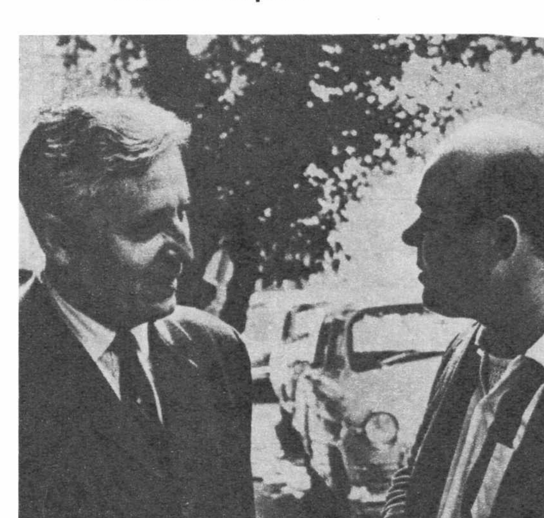
Фото А. Гостева.

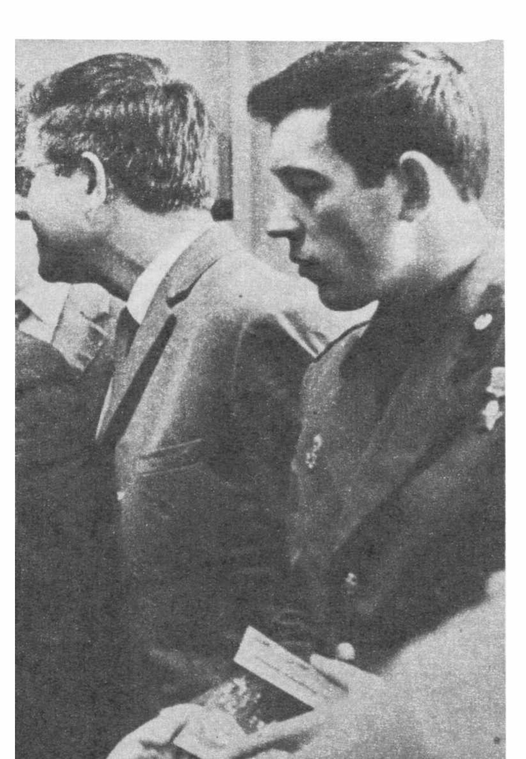

Участники встречи: Герой Советского Союза летчик-космонавт Б. Волынов, защитник острова Даманский Герой Советского Союза Ю. Бабанский и поэт В. Сидоров.

В перерыве: писатель А. Калинин и поэт В. Фирсов.

Г. КОРЖЕВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР, председатель Союза художников РСФСР.

Высокий строй чувств

Есть русская школа живописи. Со своим началом, со своими традициями. Вехи ее отмечены именами великих, всемирно известных художников. Живописец Виктор Иванович Иванов — верный ученик этой школы. Я не знаю сегодня другого человека, который бы в молодые годы столько копировал русских художников — древнюю живопись, картины Репина, Сурикова, Врубеля, Петрова-Водкина... Копировал творчески, чтоб учиться, чтобы постигать различную технику различных мастеров одной школы — исток его творчества. Талант охранял его от заимствования. Он изучал живопись классиков, но не переносил ее на свои полотна. В творчестве Иванова гармонично сочетаются такие явления, как традиционность и новаторство, современность и извечные начала, он — следующее звено русской живописной школы.

...Самым известным рисовальщиком в нашей школе был Витя Иванов. Несмотря на ершистость наших характеров, несмотря на обычную отроческую нетерпимость, присущую вообще начинающим, мы сходились на одном: Витя Иванов — рисовальщик номер один.

В 1939 году в Москве была основана первая художественная школа. Рисование, живопись — то, чем еще недавно можно было заниматься после уроков,— теперь стали нашими обязательными предметами.

Сейчас только я понимаю, какую роль сыграл в нашем формировании Игорь Эммануилович Грабарь. А тогда мы просто радовались каждому его появлению в школе, каждой его беседе с нами. Он рассказывал нам про своих учителей и товарищей — Репина, Серова, Сурикова, Врубеля, Бенуа, Кустодиева...

Эти великие художники кажутся нам жившими очень давно. Но, когда мы слышали, как Грабарь говорил: «Репин учил нас...» или «Серов мне как-то сказал...»,— мы словно приобщались к их жизни и становились их современниками.

От Грабаря мы узнавали о пластических задачах, которые ставили перед собой эти живописцы, и оказывалось, что общее у них было одно — они были великие художники. Все же остальное: и творческие задачи, и пути их решения, и способ видения были у них разные. Так исчезали наши наивные, хрестоматийные понятия о художнике вообще, и рождалось уважение к творческой личности каждого художника, к его индивидуальности, к его выбору своего пути в искусстве.

Виктору Иванову всегда была свойственна целеустремленность. Эту целеустремленность, снискавшую ему признание сверстников, он принес с собою в институт, и, я полагаю, уже на первых курсах его можно было считать зрелым рисовальщиком.

Остались в истории искусства слова живописца Жака Луи Давида: «Рисунок, друг мой, рисунок и еще тысячу раз рисунок». И Иванов выполнял этот завет.

На последних курсах института Иванов стал углубленно осмысливать живопись, постигать величайшие возможности живописной пластики, размышлять. Он как бы отливал свой талант в новые, современные формы.

Когда человек приходит в искусство с очень самостоятельным, ярким характером, со своим собственным почерком, совершенно естественно, его не сразу принимают. Можно вспомнить и о том, как была встречена одна из первых живописных работ Иванова «Семья. 1945 года». Эту картину упрекали за мрачность, главным образом потому, что она отошла от традиционного изображения победы. Но глубокая, мудрая картина через некоторое время получила признание.

На ней изображен солдат, прошедший всю войну и вернувшийся в круг семьи. Рядом за столом сидит жена, которая вынесла все невзгоды и сохранила ему детей. Семья-то большая, говоря словами Некрасова, да два человека всего мужиков-то: солдат и его мальчишка, сидящий на почетном месте, между отцом и матерью. А слева от отца четыре дочки. И о каждом из героев картины можно рассказать, как он жил, какой у него характер. Это очень точная, я бы сказал, очень русская картина. Прошли тяжелые испытания, их вынесли спокойно, мужественно, достойно. Сдержанность и в горе и в радости. О запасе прочности в народе, о судьбе солдата-крестьянина это произведение. Иванов говорит: «Для меня возвращение солдата в семью — это победа. Выразить основные черты характера народа, лучшие его черты — эту задачу я ставил перед собой».

Живописец пишет современников, пишет свое время и передает его точно, выражая его в фигурах, движениях, состоянии своих героев, и в то же время стремится передать самые постоянные качества народа, которые переходят из поколения в поколение и которые будут жить дальше. Поэтому и в композициях и в цвете его произведений — определенность, устойчивость.

Очень искренний человек, искренний художник, он пишет то, что знает наилучшим образом, что дорого ему, что вызывает у него желание творить. Рязанская деревня — родина его матери, но он считает ее и своей родиной, так как много лет жил там, среди людей, которых он отлично понимает и они понимают его. Его глубоко огорчают их беды и радуют их радости. Он знает их изнутри, и поэтому картины его, в которых живут такие понятные, близкие ему люди,— это живой мир характеров, мир человеческого тепла.

За серию картин «Русские женщины» Иванов получил в 1968 году звание лауреата Государственной премии.

Живопись Иванова в определенном смысле документальна. Интересно, что его зарисовки с натуры иногда точно ложатся в основу картины. Так было, например, с композицией «Полдник». На листе появился быстрый, острый рисунок, который затем почти без изменений повторился на полотне. И началась удивительная работа мастера. Правда жизни превращалась в правду искусства. Конкретная зарисовка конкретных людей перерождалась в обобщающий образ, дающий представление о народе. Большая семья, в центре которой — мать, жена, хозяйка. Особая привязанность Иванова к образу женщины, стоявшей в центре семьи, проявляется и в этой картине. Она средоточение, крепость семейных устоев. Здесь можно сказать об особенностях ивановского жанра. Ему как-то удается наряду с пафосом показать будничность. В семье, как говорится, может быть и ссора и недомолвки. Но мать есть мать — она хранитель очага, она разламывает хлеб.

На картине взрослые сыновья изображены как бы тянущимися к матери. Действие происходит у шалаша, который сам по себе тоже олицетворяет очаг. Все окружающие мать — работники. Сейчас они пополдничают и возвратятся в жаркую страду, и снова пойдет работа. Даже младшенький, уютно прислонившийся к матери, тоже работник, четвертый брат, полноправный член семьи.

В этой композиции гармоничной, весомой, Иванову особенно удалось передать постоянство традиции, любви, уважения в семье, целомудрие.

«На покосе. В шалаше». Покой, счастье, красота любви. Покос — это радостная ритмичная работа, в буквальном смысле слова, без всякого пафоса — трудовой праздник. В эти дни женщины надевают свои лучшие платья. И мы, смотря на картину, радуемся отдыху этой молодой женщины, ее счастью, потому что женщина эта — великая труженица.

Точен интерьер пахнущего сеном шалаша, конкретны портреты реально существующих людей, и в то же время это картина-обобщение. О всегда существующем, непреходящем — о женственности, счастье любви, о гармонии здоровья, молодости...

Иванов сейчас зрелый мастер. Глядя на его картины, нельзя не отметить их особого свойства — художник рассуждает, размышляет. Он стремится выразить в живописи моральные ценности народа, изобразить лучшее в его характере при различных обстоятельствах — любовь, труд, радость, печаль.

Его живопись современна. Его произведения именно 60-х годов XX века. Своеобразна пластика. Художник размышляет не только о содержании картин, но и об их форме. Можно ли сказать о произведениях Иванова, что это жанровые картины? Да, пожалуй. Это новый жанр — с высоким строем чувств, с некоторой торжественностью и с бытовой заземленностью. Он требует и новой изобразительной формы. Поэтому художник уходит от иллюзорности и строит пространство цветовыми планами, придавая большое значение ритму в рисунке, в колорите, в композиции.

За последние годы ушли из жизни многие прекрасные мастера, у которых училось наше поколение: Владимир Фаворский, Сергей Герасимов, Павел Корин, Александр Дейнека. И достойные преемники этих мастеров из следующего поколения, среди которых видное место занимает Виктор Иванов, творчески продолжают их благородные традиции, традиции русской живописной школы.

В. Иванов. НА ПОКОСЕ. В ШАЛАШЕ.

В. Иванов. ПОЛДНИК. Из цикла «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ».

ДУМАЯ о ЛЕНИНЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

В свое время — в начале 40-х годов прошлого столетия — английский публицист Томас Карлейль написал книгу под названием «Герои и героическое в истории», в которой подверг анализу само понятие героя и обрисовал те качества, которыми, по его мнению, герой должен обладать. Карлейль обращается в своей книге к древнескандинавской мифологии, к языческим верованиям и обрядам, ссылается на коран, цитирует Данте, Шекспира, пристально рассматривает историю Реформации, сочинения Лютера, приводит данные из движения пуритан. Он характеризует таких исторических деятелей, как Кромвель, Руссо, Наполеон, и, завершая свои изыскания, определяет, каков же он, современный ему герой — революционер.

В этих рамках Карлейль, англичанин ранней викторианской эпохи, развивал свои идеи о значении индивидуума в историческом процессе. Для меня это было увлекательное чтение. В особенности интересно было сравнивать впоследствии Карлейля с выдающимся русским материалистом Плехановым, который полстолетия спустя написал небольшую работу на ту же тему — «К вопросу о роли личности в истории».

Книга Карлейля была одной из тех, на которых я воспитывался в юности. Она и по сей день сохранилась у меня — отец подарил ее моей сестре, когда той исполнилось четырнадцать. С трудом Плеханова я познакомился намного позже, но, читая и перечитывая обе книги, испытывал то чувство воодушевляющего, жадного любопытства, какое испытывает путешественник, отправляясь открывать неведомые земли, в данном случае — страну героизма и величия. Больше всего я был захвачен тем, что составляло для меня сердцевину этого вопроса: какие же особенные личные свойства делают человека великим, героем того или другого исторического периода? И как рождаются в нем эти свойства при тех или иных исторических условиях?

Ни Карлейлю, ни Плеханову не довелось отыскать среди великих людей, о которых они пишут, законченный образец, отвечающий высоким требованиям авторов к героям и героическому. Что касается меня лично, то я давно уже понял: есть единственный человек в современной истории, который полностью соответствует таким требованиям. Этот человек — **Ленин.**

Утверждая это, спешу добавить: я далек от мысли героизировать Ленина вплоть до религиозного поклонения или украшать его чело лавровым венком — на манер того венка, который надевал на свой розовый лоб Наполеон, подражая не то римским императорам, не то языческим божествам. Я хочу лишь сказать, что согласен с тем суждением о Ленине, которое с каждым днем все больше подтверждает сама история: Ленин был историческим героем **нового** типа. Героическое в нем носит на себе отблеск революционного пламени, оно взращено научной мыслью Маркса, которую Ленин не только развил и обогатил своим гением, но и претворил в живую действительность истории.

Ленин потому и не является героем старого классического образца, что свершенное им коренным образом отличается от подвигов и деяний героев прошлого. Неразумным и даже смешным было бы сравнивать с Лениным героев античности, или романтических рыцарей средневековья, или великих философов прошлого, или вождей религиозных движений. Различие между Лениным и историческими личностями, предшествовавшими ему, как раз и лежит в том, что, стараясь понять и оценить героическое в Ленине, надо сначала найти **новое** толкование понятия героя и героизма.

Что делало в глазах людей античных героев Греции образцом героизма, благородства и доблести? Их физическое совершенство и личная отвага перед лицом Судьбы, которая обычно хотела их погубить. Столкновение и борьба классического героя с так называемым роком становились не только основой античной морали, но и идеалом человеческого характера. Те трудные драматические положения, в которые Гомер ставит своих героев, всегда связаны с непредсказуемыми действиями суровых богов, постоянно вторгающихся в жизнь людей и пренебрежительно третирующих человека как марионетку, которой не дано поколебать авторитет могущественных обитателей Олимпа.

По сути дела, человечество оставалось в плену убогого представления о ничтожестве и бессилии людей перед лицом Судьбы до тех пор, пока Маркс не открыл **научный** путь для выхода из этого тупика. Ленин же сделал следующий шаг: он показал людям, как этот выход может быть осуществлен. Точнее говоря, Ленин стал вдохновителем, главнокомандующим и признанным героем тех неисчислимых людских масс, которые начали изменять мир и освобождать человечество из паутины обреченности, из состояния игрушки «высших сил», от роли смиренной жертвы непреклонных богов.

Были, правда, и классические герои, призвание и подвиг которых заключались в том, чтобы помочь людям вырваться из темноты и невежества. Прометей, украсивший огонь с неба и отдавший его людям, всегда считался идеалом открытого вызова судьбе. Однако боги наказали Прометея. Они приковали его к скале в горах Кавказа и повелели орлам выклевывать у него печень...

Я всегда очень любил сказание о Прометее, уносящем небесный огонь и отдающем его людям. И я всегда считал, что Ленин вручил человечеству его судьбы, когда в 1917 году призвал Россию восстать и начать строить новое человеческое общество. Ведь зовя народ порвать цепи беспомощности и смирения, Ленин тем самым разрушил миф о предначертанности судеб, тысячелетиями гипнотизировавший людей труда и державший их в цепях рабства. Ленин не только унес небесный огонь и бросил вызов богам — он впервые в истории по-настоящему сверг богов.

Я не знаю героя, который мог бы свершить это когда-либо раньше. Великие люди всегда являются зачинателями. Они творцы великих исторических перемен. Это весьма далеко от классического понятия героя. Античные герои не могли да и не пытались менять устои общества. Ленин лучше и глубже многих понимал, настойчиво проповедовал и обогащал мысль Маркса о том, что преобразование общественного строя может создать предпосылки для того, чтобы мог перемениться человек. И Ленин, прибывший на Финляндский вокзал Петрограда в 1917 году, засучив рукава принялся за преобразование общества, иначе говоря, стал делать то, чего не делали никакие герои или божества.

Больше всего привлекало и привлекает в Ленине то, что он ни у кого не вызывает представления о себе как о боге, полубоге или каком-то мессии. В наше время немало «мыслителей» из интеллигенции пытаются присвоить себе роль непререкаемого божества. Они в ущерб для общества считают безупречным только то, что нравится им лично, и объявляют, что это и есть наилучшее для народа. Вообще говоря, привычка действовать в манере богов или божков — это старая, укоренившаяся скверная привычка буржуазной интеллигенции. И именно эту привычку Ленин не только изобличал, но и гневно высмеивал на протяжении всей своей жизни.

Немало можно насчитать мыслителей, которые старались обожествить мысль, превратить нашу грешную землю в «царство мысли». Ленин же — именно как мыслитель — упорно, титанически боролся за то, чтобы революционная мысль была накрепко связана, слита с тем классом, который не верит в королей и прелатов и видит свое историческое назначение в том, чтобы создать нечто неизмеримо более широкое, чем любые великие империи или храмы обожествленной мысли.

В наше время многих увлекает образ «антигероя». Я не собираюсь здесь спорить на эту тему, я хочу только сказать, что личный мой вкус всегда склонялся к героическому. Поэтому я бережно храню в себе образы двух моих героев — Прометея и Ленина. Я готов, правда, понять некоторых из молодых, которые стоят

за «антигероя»,— этим они, видимо, демонстрируют свое желание все ощупать, попробовать на вкус, прежде чем уверовать. Это не такая уж плохая идея, если говорить о способе мышления. Однако часто тут не хватает мерила хорошего и дурного. И у них часто получается, что между хорошим и плохим нет никакой разницы.

Я всегда старался подражать Ленину в его четком и опять-таки исторически новом разграничении добра и зла. Ленин показал и доказал делом, что добро и зло — вовсе не религиозные или философские абстракции, что они продукт, результат конкретных политических, классовых отношений. Это и есть та новая мораль, которую определил Маркс и которую Ленин сделал достоянием и оружием миллионов. Ленин никогда не уклонялся в область моральных абстракций, которыми пользуются угнетатели, чтобы держать в узде угнетенных.

Когда после Октября Россия переживала жестокие и неисчислимые трудности, когда на нее со всех сторон ополчились силы старого, когда ее народ голодал, отдавая последнее во имя победы в гражданской войне,— от каждого мыслящего человека требовалось по-новому понять и оценить такие слова, как «демократия», «гуманность», «справедливость». Надо было почувствовать эти понятия в их подлинном значении, а не в прежнем лживом, обманном одеянии. Требовалась большая внутренняя сила от каждого, чтобы принять и удержать в себе ту новую мораль, которую несла в себе русская революция. Надо было не поддаться лживым уговорам и легкому соблазну—вернуться к привычной, уклончивой и фальшивой морали буржуазного общества. В борьбе за новую мораль революции Ленин полностью проявил то, что Карлейль и Плеханов считали признаками величия. Он сражался за новые человеческие идеалы как подлинный герой.

Мне кажется, что величие и повседневное мужество были неотделимы в Ленине. Личная храбрость Ленина как революционера была очень велика. Он не раз глядел в лицо опасностям и самой смерти; но он никогда не выставлял этого напоказ и не шел на риск, если в том не было подлинной необходимости. Главное, что выковывало в Ленине его героический характер,— это полное и строгое подчинение себя, своего «я» тому, что нужно и полезно для дела революции и освобождения народа. Находясь постоянно в центре политической борьбы, среди пестрых столкновений идей, в тяжелых условиях личной жизни, Ленин никогда не забывал главного: глядеть дальше, за горизонт, видеть новые исторические перспективы, раскрывающиеся перед человечеством. Действуя в строгом соответствии с практическими требованиями каждой данной ситуации, он неизменно словом и действием учил борцов революции смело вторгаться в неизведанные дали истории.

Мы, люди литературного труда, всю жизнь живем вместе с нашими героями. Идея героя неотделима от сути художественного творчества. Да и сама художественная литература родилась из легенд и мифов об античных героях. То, что литература давала и дает людям для понимания самих себя, обычно воплощается в том или другом герое, будь то старик рыбак Хемингуэя, или Артур Ситон, «героический антигерой» Силлитоу, или святая Иоанна у Шоу, или классические Агамемнон или Орест. Писатели всегда придают широту, обогащают, сгущают облик изображаемого героя, поднимают его над уровнем обыденной жизни. Вот почему, как мне думается, такое трудное и бесконечно ответственное дело — дать в литературе художественный образ Ленина: ему ведь нельзя, просто невозможно, придать бóльшую широту, чем та, которой он располагал на самом деле.

Так представляется мне героическое и великое в Ленине. И каждый трудовой человек, живущий на земле, должен понимать, что это величие и героизм Ленина уже давно и непосредственно воздействуют на него. Ибо Ленин был и остается для нас великим образцом **нового** человека, меняющего облик планеты, облик всего человечества, борющегося за то, чтобы навсегда освободить себя и всех людей от железной хватки старых и новых «богов», которые все еще не оставляют надежды уничтожить нас.

Перевел с английского Л. Чернявский.

Свобода, обретенная в боях

Вильнюс в день освобождения от оккупантов.

Три года топтали немецкие оккупанты молодые республики Советской Прибалтики, но им не удалось осуществить бесчеловечный план онемечения прибалтийских народов, уничтожить их национальную культуру. Четверть века назад, летом 1944 года грянул час расплаты. Советская Армия, завершив разгром гитлеровцев в Белоруссии, с боями ворвалась в Литву. Войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий, ныне Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян) стремительно наступали, разрезав железную дорогу Даугавпилс — Вильнюс и шоссе Даугавпилс — Каунас. Одновременно войска 3-го Белорусского фронта (командующий генерал армии И. Д. Черняховский) начали бои за столицу Советской Литвы—Вильнюс.

Это была одна из крупнейших наших стратегических операций летом и осенью 1944 года. Подготовку к ней и общее руководство 1-м, 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами Ставка возложила на Маршала Советского Союза А. М. Василевского. И вскоре фронт оккупантов затрещал под ударами Советской Армии. Действиям освободителей помогали отряды народных мстителей. Под откос летели воинские эшелоны гитлеровцев, рушились мосты...

Наш корреспондент обратился к Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР товарищу М. Ю. ШУМАУСКАСУ с просьбой рассказать об огненных днях лета 1944 года, об освобождении республики, о народных мстителях Советской Литвы.

На вопросы корреспондента «Огонька» отвечает Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР товарищ М. Ю. ШУМАУСКАС.

Вопрос. Вы были одним из организаторов партизанского движения в Литве. Расскажите, пожалуйста, о его зарождении, о создании подполья.

Ответ. Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, создались необычайно трудные условия для организации борьбы против оккупантов. Почти вся территория нашей республики уже в первые часы войны стала ареной военных действий — именно здесь фашистские войска нанесли один из основных ударов. В течение недели была оккупирована вся территория Литвы. Положение осложнилось тем, что правительство нашей молодой Советской республики и ЦК партии заранее не предпринимали никаких шагов к созданию организованного звена сопротивления, ибо даже мысли не допускалось о возможности ведения войны на нашей территории. Однако события приняли совершенно неожиданное направление. В отличие от других советских республик, в которых социализм завоевал непоколебимые позиции, в Литве в начале Великой Отечественной войны происходила ожесточенная классовая борьба. Свергнутая в 1940 году буржуазия, националистические элементы оказывали сопротивление и саботировали экономические и политические мероприятия Советской власти, направленные на перестройку народного хозяйства и политической жизни на социалистических началах. Эти враждебные элементы с первых дней войны активизировали свои действия и вместе с оккупантами жестоко расправлялись с советскими активистами.

Несмотря на сложность обстановки, на жесточайший террор, трудовой литовский народ поднялся на борьбу против оккупантов и их прислужников — буржуазных националистов. Коммунисты с первых же дней войны начали восстанавливать на оккупированной территории партийные организации и создавать подпольные группы борцов-антифашистов, партизанские отряды, которые повсюду наносили врагу чувствительные удары. Партизанский отряд, организованный в первые месяцы войны коммунистом Пятрасом Сименасом, в районе города Каунаса уничтожил крупные продовольственные склады гитлеровцев, потопил в Немане транспорт с зерном, отобранным у крестьян. В Алитусском уезде развернула борьбу группа партизан, сформированная Алексасом Ражанаускасом. Оказавшийся в тылу врага советский офицер Федор Дьяков, бывший студент Каунасского университета Ионас Восилюс и другие советские патриоты организовали партизанскую группу, которая стала действовать в Рокишкском уезде. В Укмергском уезде партизанскую группу организовал коммунист Владас Вильджюнас, в Кедайнском — Владас Иешманта, в Мариямпольском — Каролис Петрикас. В Вильнюсе и Каунасе начали действовать антифашистские подпольные организации, возглавляемые Юазасом Витасом и Лейбой Соломинасом. В 1941 году в городе Паневежисе и в Паневежском уезде была создана подпольная организация, руководимая коммунистом Пятрасом Вайчюнасом. В том же году в окрестностях города Ионавы был организован сильный партизанский отряд «Ляудес кяршитояс» («Народный мститель»), в городе Шяуляй действовала подпольная организация «Штаб четырех А». Таким образом, в конце 1941 года и в начале 1942 года на территории Литвы против оккупантов боролись 14 партизанских групп и несколько подпольных организаций.

Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство Литвы, находясь в эвакуации, с первых же дней войны принимали все меры к тому, чтобы помочь поднявшемуся на борьбу народу и объединить его усилия. Для руководства деятельностью партийного подполья и партизанских отрядов в июле и в начале августа 1941 года ЦК КП Литвы направил в оккупированную республику 6 групп партийных и советских активистов, а в марте 1942 года сюда были переброшены две большие группы руководящих партийных и комсомольских работников во главе с секретарем ЦК КП Литвы Мескупасом-Адомасом и Юозасом Дашкаускасом. Летом того же года в Литву направилось еще 7 групп организаторов партизанской борьбы.

Большую роль в сплочении сил народа на борьбу с оккупантами сыграло создание в 1942 году Штаба партизанского движения Литвы.

Для установления более тесных контактов с борющейся Литвой в начале 1943 года в тыл врага была переброшена оперативная группа ЦК КП и Штаба партизанского движения. Руководство этой группой было поручено мне. Вслед за нами прибыли еще несколько групп и отрядов партийных и советских активистов. Всего с начала войны до января 1944 года в Литву были посланы 42 группы.

Благодаря всему этому партизанское движение в Литве быстро разрасталось. В семнадцати уездах и городах Литвы работали подпольные партийные и комсомольские организации.

Силами этих подпольных организаций и партизанских отрядов Коммунистическая партия Литвы проводила большую массово-политическую работу. Распространялись сотни тысяч экземпляров антифашистских воззваний и газет, отпечатанных в Москве и в прифронтовой полосе. Издание коммунистической печати наладилось в партизанских отрядах и подпольных антифашистских организациях. На захваченной врагом территории республики подпольщики выпустили несколько сот воззваний, периодически выходили 15 газет и других изданий. Подпольные организации, партизаны, коммунистическая печать сплачивали население, поднимали его на борьбу с врагом, призывали оказывать сопротивление оккупантам, рассказывали правду о положении на фронтах, о кровавых злодеяниях и о коварных замыслах врага.

Вопрос. В чем заключалась главная задача обкомов партии, действовавших в Литве в период оккупации? Какие важнейшие моменты в борьбе литовских партизан и подпольщиков вы считаете необходимым отметить?

Ответ. Вместе с ростом недовольства, возмущения «новым порядком» и злодеяниями, чинимыми фашистами на литовской земле, ширилась и крепла борьба народа против оккупантов. Оперативной группе все труднее было охватить своим влиянием разросшуюся сеть

партийных организаций, партизанских отрядов и подпольных групп. Особенно осложняли дело большие расстояния. Поэтому в целях усиления партийного руководства все нарастающим всенародным сопротивлением в январе 1944 года было принято решение о создании двух подпольных обкомов партии — Южного и Северного. Мне было поручено руководить деятельностью Северного обкома. Главная задача обкомов заключалась в повседневном руководстве подпольными комитетами партии и партизанскими отрядами, массовыми антифашистскими организациями.

Борьбой литовского народа против оккупантов постоянно руководила Коммунистическая партия, и это было одной из важнейших особенностей этой борьбы. К моменту освобождения на территории Литвы действовало 20 укомов и 29 волостных комитетов партии, объединявших 218 первичных партийных организаций. Партия возглавила борьбу литовского народа против фашистских оккупантов и их пособников — буржуазных националистов. Это обеспечило широкий размах и высокую результативность партизанского движения. Подпольные партийные организации были ведущей силой народа, поднявшегося на борьбу против фашизма.

Партизанская борьба связана с неимоверными трудностями и потребовала много жертв. В подполье и в партизанских боях сложили головы второй секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы Ицикас Мескупас-Адомас, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета республики Домас Роцюс, секретарь Швенчёнского укома комсомола Вилюс Кудаба, отважная подпольщица Гесе Лейзерите, партизанский врач Александр Куцевалов и многие другие верные сыны и дочери советского народа. О массовом героизме и мужестве говорит и тот факт, что Советское правительство наградило орденами и медалями 1 800 литовских партизан.

Партизаны и подпольщики пользовались широкой поддержкой трудящихся масс, а это было очень важно в тех трудных условиях. В этом-то и заключались сила и непобедимость партизан, всего антифашистского движения.

Советская Литва оказывала мужественное сопротивление немецким захватчикам. Во имя победы литовский народ шел на огромные жертвы. Но только благодаря самоотверженной борьбе всех советских народов, их нерушимому единству, героизму Красной Армии Литва сумела освободиться от гитлеровского ига.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о подвигах и судьбах героев подпольной и партизанской борьбы в Литве.

Ответ. Сопротивление оккупантам носило упорный характер. В городе и деревне, ночью и днем враг не знал покоя. Дни великих испытаний выявили целый ряд замечательных людей. Посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза славной дочери литовского народа Марите Мельникайте. Неоднократно отважная комсомолка успешно выполняла задания партизанского командования, участвовала во многих схватках с врагом. Бесстрашную и находчивую Марите уважали и любили не только соратники по борьбе, но и жители окрестных деревень, в которых она часто бывала и куда доставляла сообщения Совинформбюро.

8 июля 1943 года Марите и пять других партизан отряда имени Кестутиса попали в засаду. Враг, в несколько раз превосходивший по численности партизанскую группу, окружил отважных патриотов. Партизанам было предложено сдаться. Ответом были шесть длинных автоматных очередей. Завязался неравный бой. Все пятеро друзей Марите погибли. Девушка осталась одна, но автомат ее не умолкал ни на минуту. Кончились патроны. Марите пустила в ход гранаты. Одну, последнюю, оставила для себя... Но вражеская пуля опередила намерения партизанки. Марите ранило. Окровавленная, в бессознательном состоянии она попала в руки врага. Ее долго и жестоко пытали, требуя выдать партизан, назвать имена и явки. Но фашистам не удалось сломить волю храброй девушки. Смерть она встретила с гордо поднятой головой. В самую последнюю минуту она воскликнула: «Я борюсь и умираю за Советскую Литву!»

Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены посмертно каунасские комсомольцы-подпольщики Губертас Бориса, Альфонсас Чепонис, Юозас Алексонис и бесстрашный вожак вильнюсского подполья Юозас Витас.

Я назвал лишь несколько имен. А таких героев — мужественных, беспредельно преданных партии и народу было у нас многие сотни... Все они до конца были верны делу справедливой борьбы против фашистских захватчиков, все достойно встречали опасность, а если требовалось — и смерть. Многие операции подпольщиков и партизан были сопряжены с большим риском, а порой и с верной гибелью. Очень трудно поэтому выделить кого-либо из этой плеяды бесстрашных героев.

Все оставшиеся в живых участники движения сопротивления сразу же включились в мирную жизнь республики и своим трудом и личными качествами снискали заслуженное уважение.

Звания Героя Социалистического Труда удостоен бывший партизан, ныне председатель передового колхоза Пятрас Бучинскас. Народ избрал его в Верховный Совет республики. Участник сопротивления Марионас Мартинайтис руководит одним из крупнейших высших учебных заведений страны — Каунасским политехническим институтом. Партизанский радист Витаутас Уогинтас — ныне ректор Вильнюсского государственного педагогического института. Командир партизанского отряда, Герой Советского Союза Стасис Апивало успешно трудится в органах социального обеспечения. Командир крупного партизанского соединения Ионас Вильджюнас стал заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР. Секретарь Южного обкома партии Генрикас Зиманас — главный редактор республиканской газеты «Тиеса».

Не могу не сказать, что в числе участников подполья и партизан насчитывалось немало женщин. Смелостью и находчивостью отличались комсомолки Янина Бащюлене, Веруте Петраускене, Ядвига Сташкевичюте, Броне Зайкайте и многие другие. Броне приобрела специальность врача и ныне успешно работает в одной из больниц Вильнюса. Янина стала председателем Республиканского комитета профсоюзов работников связи. Многие другие участники партизанской борьбы и члены антифашистского подполья занимают ответственные партийные, государственные и хозяйственные посты.

Мне часто приходится встречаться с боевыми товарищами — партизанами, подпольщиками, связными, которые трудятся сегодня на предприятиях, на полях колхозов. Повсюду о них идет добрая молва. Трудолюбие, чувство долга, героизм этих людей, так ярко проявившиеся в те памятные дни, сегодня направлены на беззаветное служение делу партии, делу народа.

Особенно тесно была связана борьба литовских партизан с боевыми действиями белорусских народных мстителей. «Наши пущи — сестры, наши поля — братья, наши люди — одна семья» — так в суровые дни испытаний говорили белорусские товарищи по оружию.

Первые группы литовских партизан, перешедшие линию фронта, обрели пристанище в белорусских лесах. У белорусских патриотов они учились сложному искусству партизанской борьбы. С их помощью мы пополняли свои запасы и все глубже проникали в самые отдаленные уголки Литвы. Нельзя без волнения вспоминать те памятные дни, невозможно забыть бескорыстную и поистине неоценимую помощь, которую оказывали литовским партизанам русские и белорусы.

Литовские и белорусские партизаны провели не одну совместную операцию, они громили фашистов под литовскими городами Швенчёнисом и Вареной, пускали под откос вражеские поезда на литовских железнодорожных магистралях.

В отрядах литовских партизан и антифашистском подполье вместе с литовцами героически сражались русские, белорусы, поляки, сыновья и дочери многих других народов. В рядах отважных народных мстителей боролись бесстрашные русские — братья Кудряшовы, армянин Сарабян, грузин Двалядзе, украинец Басюк, белорус Архимович, татарин Катеев, полячка Козловска и многие другие прекрасные сыны и дочери нашей многонациональной Родины. Не щадя жизни, били они врага на литовской земле, мстили фашистам за страдания и слезы литовских матерей, за муки своих земляков, проявляли образцы мужества и героизма. Вот один из таких эпизодов.

Летом 1943 года в лесу, недалеко от литовского местечка Адутишкис, многочисленный отряд фашистов окружил небольшую группу из отряда «Вильнюс». Для того, чтобы вырваться из окружения, необходимо было отвлечь основные силы врага. Три комсомольца — русский Федор Алексеев, белорус Павел Клушин и поляк Иполитас Шабонас, заранее зная свою участь, залегли с пулеметом, открыли огонь по врагу и до последнего дыхания били фашистов, чтобы помочь своим вырваться из кольца.

Подобными примерами богата история партизанского и подпольного движения. Верные идеям дружбы и интернационализма, сыны разных народов во имя великой победы, во имя счастья и независимости Неманского края не колеблясь совершали героические подвиги.

Вопрос. Из истории известно, что литовские партизаны принимали участие в боях за освобождение Вильнюса. Вы участник тех боев. Как они протекали?

Ответ. Долгожданный час освобождения мы встретили недалеко от нынешнего районного центра Игналина, в 90 километрах от Вильнюса. Сразу же получили приказ принять участие в освобождении Вильнюса, вокруг которого уже шли ожесточенные бои. Фашисты, потерпев поражение под Минском, Витебском, Великими Луками, стремились любой ценой сдержать наступление наших войск. Они решили превратить Вильнюс в один из опорных пунктов обороны.

Гитлер лично приказал удерживать Вильнюс до последнего патрона. Почти каждый дом, каждый подвал был превращен в хорошо оборудованное укрепление, где засело более 15 тысяч вооруженных до зубов фашистов.

Штурм города начался 7 июля 1944 года. Наши войска к 10 июля обходным маневром продвинулись далеко на запад, освободили близлежащие северные и южные районы республики. Таким образом, вильнюсская группировка гитлеровцев оказалась в кольце окружения. Час расплаты приближался. К этому партизаны и участники сопротивления готовились со всей тщательностью: собирали данные о дислокации врага, складов, аэродромов и оперативно передавали их частям Красной Армии. Люди, хорошо знающие местность и дороги, посылались навстречу нашим войскам, чтобы помочь им с наименьшими потерями проникнуть в тыл врага и уничтожить до прихода основных сил огневые точки, опорные пункты.

Вот что вспоминал об этом один из участников освобождения Вильнюса, бывший командир бригады механизированного корпуса Герой Советского Союза С. Кремер.

«Утром в лесу ко мне подошли двое молодых литовцев. Они сказали, что им дано партийное поручение провести нас в город кратчайшим и менее опасным путем. В разгар боя я не спросил их имен, а ведь они поступили по-геройски. Утром мы были уже вблизи центра города».

Но особенно все ждали момента, когда каждый сможет лично участвовать в освобождении древней литовской столицы. И этот час настал. Рано утром 9 июля первые отряды Тракайской бригады овладели улицей Лепкальнё и расположили здесь свой штаб. Фашисты к этому времени были выбиты из центра города. Они сконцентрировали свои силы в районе Жверинаса, парка Вингис и кладбища Расу. Все эти пункты были сильно укреплены. Город горел — отступающие фашисты поджигали и взрывали дома. Простреливались все улицы. Гитлеровцы время от времени предпринимали яростные контратаки. Не считаясь с потерями, фашисты любой ценой стремились вырваться из окружения. Нужно было зорко следить за их перегруппировками, чтобы вовремя дать отпор. Поэтому особенно много хлопот было у разведчиков, которые под руководством начальника разведки бригады Золотова и командира отряда «Ишлайсвинимас» («Освобождение») Извекова мастерски проникали в район обороны врага, приводили «языков», добывали немало важной информации, освобождали загнанных в подвалы жителей Вильнюса.

Ожесточенные бои между партизанами и гитлеровцами завязывались в районе кладбища Расу и у вокзала.

Одиннадцатого июля, в полдень, фашисты начали новую атаку, но безуспешно. Ночью они еще трижды пытались пойти на приступ в районе, охраняемом партизанами. Под утро опять возобновили свои атаки, но партизаны вместе с частями Красной Армии не отступили ни на шаг. Вечером 12 июля, после мощной артподготовки и обработки позиций врага с воздуха, партизаны и войска перешли в наступление. Ранним утром следующего дня этот участок города был полностью освобожден от врага.

Хорошо помню то утро. Вместе с товарищем А. Снечкусом я посетил только что освобожденный район. Всюду валялись трупы гитлеровцев, в воздухе пахло гарью. На кладбище Расу нас радушно встретил командующий армией, ныне Маршал Советского Союза Н. И. Крылов — здесь был оборудован наблюдательный пункт. В парке Вингис еще шли ожесточенные бои. Командиры и бойцы выглядели устало, но глаза сияли радостью победы.

Партизанские отряды, действовавшие в Швенчёнском районе, принимали участие в ликвидации фашистской группировки в районе Жверинаса.

Основной задачей партизанских отрядов, вступивших в Вильнюс, было восстановление Советской власти в городе и в освобожденных близлежащих районах. Необходимо было организовать питание измученных и истощенных жителей города, узников многочисленных тюрем и концлагерей, нормализовать жизнь. Наряду с исполнением основных обязанностей на посту заместителя Председателя Совета народных комиссаров республики мне было поручено временно исполнять обязанности председателя Вильнюсского горисполкома.

В ходе освобождения Вильнюса советские воины проявили не только бесстрашие и находчивость. Как известно, Вильнюс — древний город. В нем много архитектурных памятников страны, значительная часть которых была уничтожена гитлеровцами. Поэтому нас до глубины души тронули забота командиров и рядовых бойцов о культуре Литвы, их желание во что бы то ни стало сохранить исторические и культурные ценности литовского народа. Вот пример.

Почти в самом центре города стоит поросшая деревьями гора, на которой возвышается старинная башня Гедиминаса. История горы и башни тесно связана с борьбой литовского народа за создание независимого Литовского государства, с его многовековой борьбой против крестоносцев, меченосцев и других поработителей. Фашисты превратили гору и башню в неприступную крепость. Несколько попыток штурмом овладеть горой окончились безуспешно и стоили немало жизней. Казалось, проще всего артиллерийским огнем смести с лица земли башню и окопавшихся на горе фашистов. Но советские бойцы взяли гору и башню Гедиминаса без артиллерийского обстрела. Исторические памятники были сохранены. Этот и множество других примеров удесятеряли значение великого подвига славных сынов совет-

ского народа, принявших участие в освобождении древнего литовского города,— живых и тех, кто пал смертью храбрых на поле боя.

Вопрос. Оккупанты нанесли Литве, ее народу огромный урон. Расскажите, как с помощью всей страны республика залечивала раны и шла по пути расцвета экономики, культуры, науки.

Ответ. Война и фашистская оккупация причинили литовскому народу огромный экономический и моральный урон. По неполным данным, ущерб, нанесенный оккупантами Литве, составил почти 17 миллиардов рублей (в ценах 1941 года). Было разрушено большинство промышленных предприятий —75 процентов производственного потенциала республики, приведено в упадок сельское хозяйство. Фашисты вывезли более половины имевшегося в Литве количества крупного рогатого скота и лошадей, более трех четвертей всего поголовья свиней. Были сожжены и разрушены десятки городов и сотни деревень. На территории республики фашистские варвары уничтожили свыше 700 тысяч человек, в том числе было истреблено более полумиллиона местного населения, то есть погиб каждый шестой житель Литвы. В деревне Пирчюпис были заживо сожжены все жители без исключения. А чем измерить муки, горе и слезы тысяч людей, угнанных на каторжные работы в Германию?

А как подсчитать ущерб, причиненный фашистами науке, культуре, политической и духовной жизни республики? Гитлеровцы надеялись, что после столь тяжких разрушений и потерь Литва на долгие годы будет обречена на полуголодное существование. Но их расчетам не было суждено осуществиться. Враг не понял, да и не мог понять, на чем зиждется советский строй, не понял, что его непобедимость кроется в нерушимом братстве и дружбе советских народов. Руку помощи Литве протянули все братские республики нашей необъятной Родины. На западе Литвы еще шли бои, а в восточных районах уже кипела восстановительная работа. С помощью инженерно-технических работников России, Украины, Белоруссии и при активном содействии саперных частей Красной Армии мы восстановили почти все основные железнодорожные линии, отремонтировали шоссейные дороги, мосты. С далекого Урала, из Горького, Днепропетровска, Харькова потянулись в Литву эшелоны, груженные станками, машинами, топливом. Только за три первых послевоенных года Литва получила из других братских республик промышленного оборудования, машин, механизмов, промышленных и продовольственных товаров на сумму пятьсот миллионов рублей. К концу 1947 года в республике действовало более трех тысяч предприятий, а к концу 1950 года был не только достигнут, но и превзойден довоенный уровень производства промышленной продукции.

Но это было лишь начало. Достаточно сказать, что промышленность Советской Литвы за 16 дней выпускает в настоящее время продукции больше, чем выпустила ее за весь 1940 год, и что производство электроэнергии увеличилось за этот же период более чем в 74 раза! В годы Советской власти в Литве не только развивались традиционные виды промышленности, такие, как легкая и пищевая, но и возник целый ряд новых, современных отраслей. Продукция литовских станкостроителей, изделия радиотехнической промышленности, а также предприятий большой химии и многих других впервые сформировавшихся в нашей республике отраслей промышленности хорошо известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Более 70 стран покупают продукцию наших предприятий. Корабли, построенные литовскими судостроителями, бороздят океаны и моря почти всех широт нашей планеты.

С помощью братских республик мы оснастили новейшей техникой и механизмами сельское хозяйство нашего края. И тем самым заложили прочную основу социалистических преобразований в деревне. Именно благодаря этой братской помощи Литва в сравнительно короткий срок смогла не только залечить раны, нанесенные войной, но и добиться значительных успехов в развитии производительных сил, в повышении благосостояния жителей села.

Прогресс в развитии экономики, как известно, немыслим без высококвалифицированных кадров. И в этом ответственном и сложном деле мы чувствовали и чувствуем помощь друзей. В высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Одессы и многих других городов овладевают различными специальностями сотни юношей и девушек Литвы. Тысячи рабочих перенимают передовой опыт на предприятиях Горького, Львова, Днепропетровска, Грозного и других городов страны. С помощью всех братских республик в Литве создана широкая сеть высших учебных заведений, которые сегодня успешно готовят высококвалифицированные кадры почти для всех основных отраслей народного хозяйства. С чувством глубокой признательности мы отмечаем, что благодаря великой дружбе и братской помощи республика добивается новых успехов во всех областях нашей многогранной жизни.

Наш народ хорошо понимает важность этой дружбы, ибо она является для нас залогом процветания, свободы и независимости, ярчайшим проявлением бессмертия идей великого Ленина.

Вопрос. Литовский народ свято бережет память о тех, кто отдал жизнь за освобождение Литвы от гитлеровского порабощения. Скажите несколько слов о сложившихся в послевоенные годы традициях, отражающих благодарность народа героям-освободителям.

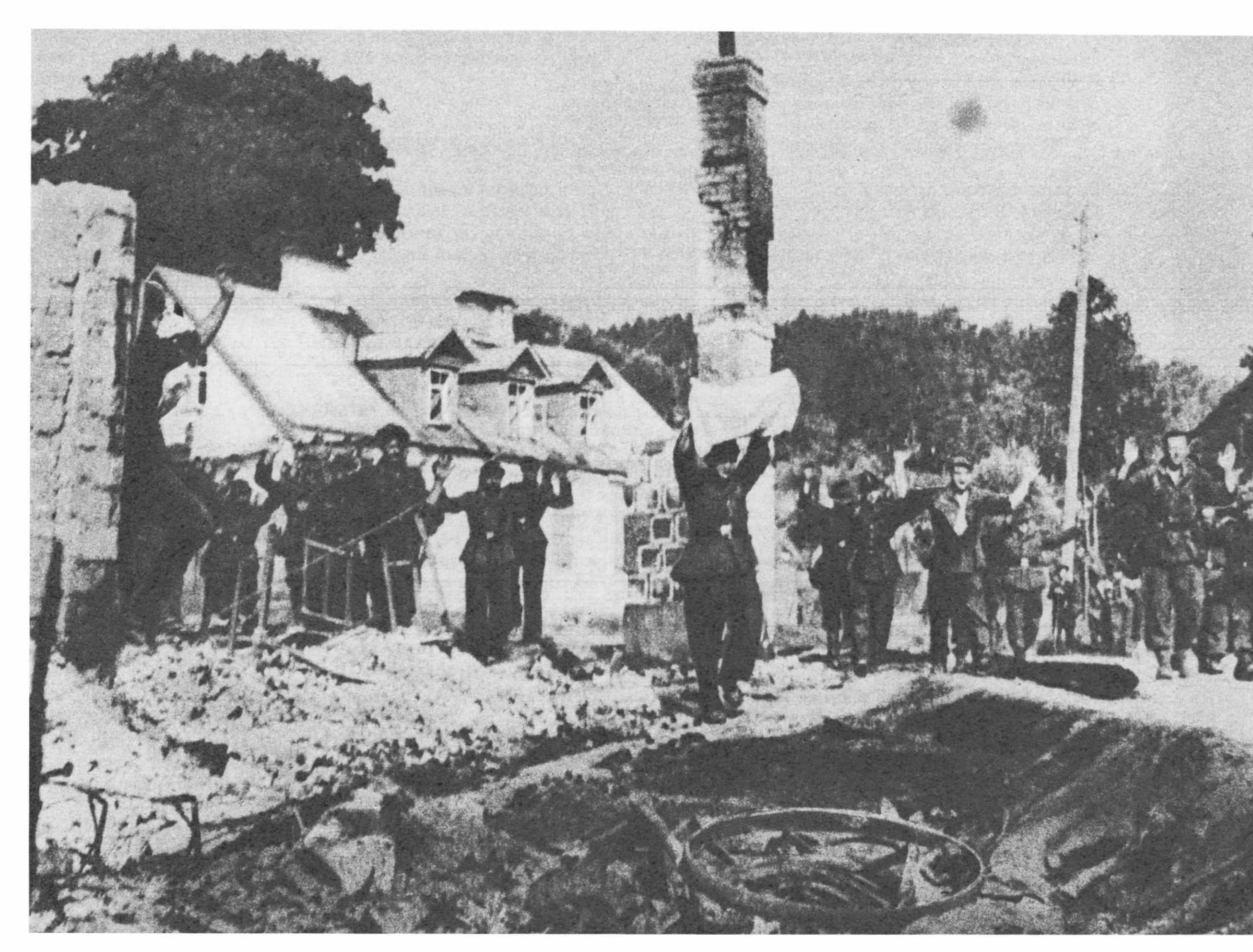
Ответ. Многим из тех, кто мужественно сражался за свободу родной земли, не довелось увидеть радостного салюта Победы. Они навеки остались лежать под курганами на литовской земле, и благодарный народ Неманского края склоняет голову перед их памятью.

Героям, овеянным легендарной славой, народ воздвигает памятники, зажигает вечные огни — символ немеркнущей памяти освободителей, их именами названы улицы, школы, пионерские дружины. Никто не забыт, и ничто не забыто. Наши краеведы по крупицам воскрешают эпизоды незабываемых военных лет, открывают народу неизвестные доселе имена героев и восстанавливают картину их подвигов. И не только краеведы. Безграничная любовь к борцам, павшим за свободу нашей Родины, жива во всех поколениях. В школах республики прививаются новые прекрасные традиции, воспитывающие нашу молодежь в духе советского патриотизма и дружбы народов. Наши юные пионеры-следопыты находят в различных уголках Советской страны людей, отцы, братья и мужья которых погибли в боях с врагом и похоронены на литовской земле. Пионеры ухаживают за могилами героев, сажают на них цветы и как самых дорогих гостей приглашают к себе родных и близких погибших воинов.

В центре старого Вильнюса, окаймленный зеленью, стоит монумент дважды Герою Советского Союза, генералу армии Ивану Даниловичу Черняховскому. Его именем названа площадь, на которой стоит памятник. Летом и зимой у памятника лежат живые цветы.

В другом красивом уголке Вильнюса, в районе Антакальниса, находится воинское кладбище. На мраморных плитах высечены фамилии воинов и партизан, павших в боях с фашистскими захватчиками. В дни торжеств сюда собираются вильнюсцы, чтобы почтить память тех, кто отдал свою жизнь во имя светлого будущего.

Столь же торжественно отдаются почести борцам, павшим за свободу родимой земли, во всех уголках нашей республики. Дни памяти павших героев стали у нас в Литве поистине народной традицией.

11 июля 1944 года в Вильнюсе. Они предпочли плен смерти...

Фото М. Савина.

Петрусь БРОВКА

Лирики тепло живое...

* * *

Когда меня уже не будет,
Сады проснутся по весне
И май цветы подарит людям...
И кто-то вспомнит обо мне.

К исходу дня иль утром ранним
Затянет небо влажной тьмой
И первый гром за тучей грянет...
И станет слышен голос мой.

Беседа жаркая, прямая
О славе, о былой войне
Вдруг вспыхнет, чарки поднимая...
И кто-то вспомнит обо мне.

Друзья в кругу сойдутся тесном,
Как будто снова станут в строй,
Затянут фронтовую песню...
И станет слышен голос мой.

В сосновой роще над рекою
Стихи возникнут в тишине,
Строка польется за строкою...
И кто-то вспомнит обо мне.

И лирики тепло живое
Двоих согреет в час ночной.
От ветра шевельнется хвоя...
И станет слышен голос мой.

А утром вновь дела, заботы,
И трезвый свет в большом окне,
И гул движения... Но кто-то,
Я верю, вспомнит обо мне.

* * *

Годы ушли, забывается юность,
Мокнет в бору опустевшая хата.
Где вы, друзья? Отзовитесь, молю вас!
Хоть на денек соберемся, ребята.

Вдосталь надышимся свежестью ранней,
Росных цветов ароматом рассветным.
Если от песен и воспоминаний
Слезы нахлынут,— смахнем незаметно.

Вспыхнет костер, как и смолоду, жаркий
Где-нибудь в чаще еловой, сосновой.
Сядем, ольховые скрутим цигарки,
И затуманятся головы снова.

Утром, проснувшись под гомон зеленый,
Мы восхитимся, как будто впервые,
Вкусом картошки, в золе испеченной...
Хоть на денек соберемся, родные!

ПЕРВАЯ ЗАПИСКА

Все к сердцу принимаю близко,
На нем немало давних мет.
Но первая твоя записка
Оставила особый след.

Я ждал ее, как путник влаги,
Но медленно она брела.
На крохотном клочке бумаги
Она написана была.

Лоскут, что вырван из тетради
Несмелой девичьей рукой,
Я целовал по сто раз на́ день,
Строку читая за строкой.

Я был записке той подвластен,
Как талисман, ее берег.
Но о моем нежданном счастье
Никто узнать в селе не мог.

Я в чащу убегал, бывало,
Там в полутьме среди ветвей
За каждой буковкой сияло
Лицо избранницы моей.

Я все любовные посланья
Перечитал в десятках книг.
Они речистей и пространней,
А все ж бледнее строк твоих.

...Увы, не вечно продолжалось
То празднество. Пришла зима.
Сперва записка затерялась,
Потом исчезла ты сама.

Все к сердцу принимаю близко.
И мне, хоть жизнь почти прошла,
Приятно, что была записка,
Что ты, далекая, была.

* * *

О этот ствол, звенящий, рослый,
Упругий, с кроною сквозной!
Меня вы покорили, сосны,
Гвардейской выправкой лесной.
Оттенок меди, сила стали —
Отменной прочности залог.
Вы нас надежно прикрывали
В минуты гроз, в часы тревог.

Но прошумело лет немало,
К вам старость горькая пришла,
Вас, поседевших, доконала
Своими зубьями пила.

У ног моих ветвей сплетенье...
В последних отблесках зари
Вы — словно павшие в сраженье,
Недвижные богатыри.

* * *

Брожу по книжным магазинам,
Лишь выпадет свободный час.
Меня влечет к томам старинным,
К новинкам тянет всякий раз.

Страницы медленно листая,
Стою, теряю книгам счет.
И вдруг находится такая,
Что сразу за́ сердце берет.

Не расставайся с ней. Дружи с ней.
Листай в ночи, забудь про сон.
Нет, не одну, а сотни жизней
Я прожил, в чтенье погружен.

Свободный день случится — снова
К заветным стеллажам прильну.
Да что там я!.. Титаны слова
Не зря спешили к Смирдину.

ПЯТРАСУ ЦВИРКЕ

Ты, хоть зима уже настала,
Все с непокрытой головой.
Сойди, дружище, с пьедестала,
Давай поговорим с тобой.

Давай побродим, как бывало,
Ведь мы по-прежнему в родстве,
Пройдем по вильнюсским кварталам,
По всей, как есть, твоей Литве.

Сегодня сокрушить легко мне
Молчанья каменного власть.
Ведь ты любил, я это помню,
Поговорить с друзьями всласть.

Пройдем по скверам убеленным,
Вдоль старых зданий и садов,
По новым городским районам,
Где не найти твоих следов.

Но есть твое живое слово.
В какой бы дом ты ни вошел,
Тебя обнимут, как родного,
И старожил и новосел.

Зовет Литва. Давай сначала
Заглянем в Каунас. Потом
К знакомым клайпедским причалам
Придем испытанным путем.

С тобою встретиться мечтают
Односельчане и друзья.
Не оскудела в отчем крае
Земля — кормилица твоя.

...А после двинемся к соседям.
Черед республики моей.
Мы в Белоруссию приедем,
Ты верным другом был и ей.

Ты был в числе гостей желанных
И, верно, не забыл о том,
Как девушки у нас в Ошмянах
Тебя назвали Петрусем.

...Не просто цоколь тот покинуть,
Куда народ певца вознес.
С Литвою слитый воедино,
Ты в почву вильнюсскую врос.

Но, сколько б лет ни миновало,
Душа не признает разлук.
Сойди на время с пьедестала,
Давай побродим, старый друг.

* * *

Весенний ветер так упрямо
Взлетел, на зиму ополчась,
Что в доме заскрипели рамы,
В саду рябина затряслась.

Клен посинел, как будто в стужу
Прошел по роще босиком.
Петух дрожит, косясь на лужу,
Еще прикрытую ледком.

Зима, пустив слезу скупую,
Молчит, прикинулась глухой...
Лишь воробьи, весну почуя,
Галдят под старою стрехой.

* * *

Весна на лед речной вступила,
И стали рушиться, звеня,
Пласты студеного настила,
Осела зимняя броня.
Из-под обломков гулкой ранью
Возникло пенье ручейка.

Так, пробивая лед молчанья,
На свет рождается строка.

* * *

Да, мы любили, это было,
Но вот иссяк запал былой.
Не зря пословица твердила:
Ничто не вечно под луной.
Расстанемся, коль песня спета,
Не нанося друг другу ран.
Ведь разошлись и части света,
И между ними — океан.

* * *

Куда ни глянешь, неизменно
На крышах в дружной тесноте
Сегодня высятся антенны,
Похожие на букву «Т».

Экраны голубеют в хатах.
И, где б мы ни были, везде
Сквозь нас проходит век двадцатый
Во всей красе, во всей беде.

В ЗАМКЕ РАДЗИВИЛЛА

...Иди, рабочий,
и ложись
в кровать
великокняжью.

В. Маяковский

Матери и не снилось
Все то, о чем расскажу.
В покои Радзивилла,
Как в хату свою, вхожу.

Вступил я под своды парка,
Не испытав хлопот,
Свободно прошел сквозь арку
Средневековых ворот.

На эти замшелые камни
Столетий легла печать.
О наших печалях давних
Могли б они рассказать.

Здесь мост в старину вздымался
И ров глубиной дивил.
Так это ж он нас боялся,
Вельможный Радзивилл.

Кто нынче о князе помнит?
Истории шаг упрям.
И мост упразднен подъемный,
И ров не преграда нам.

История переступила
Решающую межу.
По замку Радзивилла
Хозяином я хожу.

Он заново разукрашен,
Уютней стал и светлей.
Встречаю в покоях княжьих
Не чванных князей, а друзей.

Сюда приезжают на отдых
Минувшему вопреки
Пахари и пчеловоды,
Монтажники и рыбаки.

Мне все в этих стенах мило,
На все с одобреньем гляжу.
По замку Радзивилла
Хозяином я хожу.

* * *

Я по натуре молчаливый,
Но не бездействует душа.
Молчанье не нарушат нивы,
Пока погода хороша.

Но при мгновенных вспышках молний,
Заслышав грозовой раскат,
Хлеба, прервав свое безмолвье,
Вдруг заштормуют, зашумят.

Немногословный, непугливый,
Я говорливых не корю,
Но сам сродни молчащим нивам:
Ударит гром — заговорю.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский.

Искусство древней Руси

Такая выставка создана впервые. Никогда еще народное творчество Руси не заявляло о себе так полнокровно, в таком едином потоке, как на этой экспозиции, открытой сейчас для всеобщего обозрения в Манеже,—«Культура и искусство древней Руси».

Грандиозен диапазон времени, с которым знакомится здесь посетитель: три тысячи лет до нашей эры — XIX век. Разнообразны области творчества: резьба по дереву, ковка, иконы, деревянные скульптуры... И везде вкус, изящество, фантазия и удивительная ясность и простота, свойственные таланту. Возникает точное ощущение — у всех авторов этих произведений самых далеких времен и более близких, была одна цель — радовать красотой. Сколько прошло веков и даже тысячелетий, а жива эта красота, жив талант, жива душа художников, создававших обычные бытовые вещи,— миски, ворота, скворечники, седла, дуги, создававших их на радость современникам. Радость эту ощущают и сегодня все посетители выставки.

Экспозиция выявила и подчеркнула преемственность в русском искусстве, традиции веков, которые переходили вместе с любовью к своей культуре от одного поколения к другому.

Можно вспомнить письмо Гете, которое он в 1815 году прислал в Министерство иностранных дел России с просьбой рассказать ему о суздальских иконописцах. У него вызвала восторг икона суздальского мастера, которую он случайно увидел у священника. Его поразило пластическое совершенство древнерусской живописи, в котором так ощутима была красота античного мира. К сожалению, в то время Гете никто не мог рассказать о мастерах из Суздаля. Н. М. Карамзин ответил, что на страницах древних летописей он часто встречает имя великого Рублева, а о суздальских мастерах никаких упоминаний нет. Но, конечно, такие живописцы были, только мы пока о них ничего не знаем, писал он.

И вот сейчас в Центральном выставочном зале представлен целый ансамбль икон из Суздаля. Есть здесь и прекрасные иконописные работы московских и новгородских мастеров.

Это все великолепное свидетельство труда советских исследователей и реставраторов. Из-под многих слоев разновременных записей современный художник своей ювелирной работой открывает для нас подлинную историю.

Особенно пышно расцветает искусство XVII века: в это время, по утверждению ученых, творчеством занимался каждый третий взрослый человек.

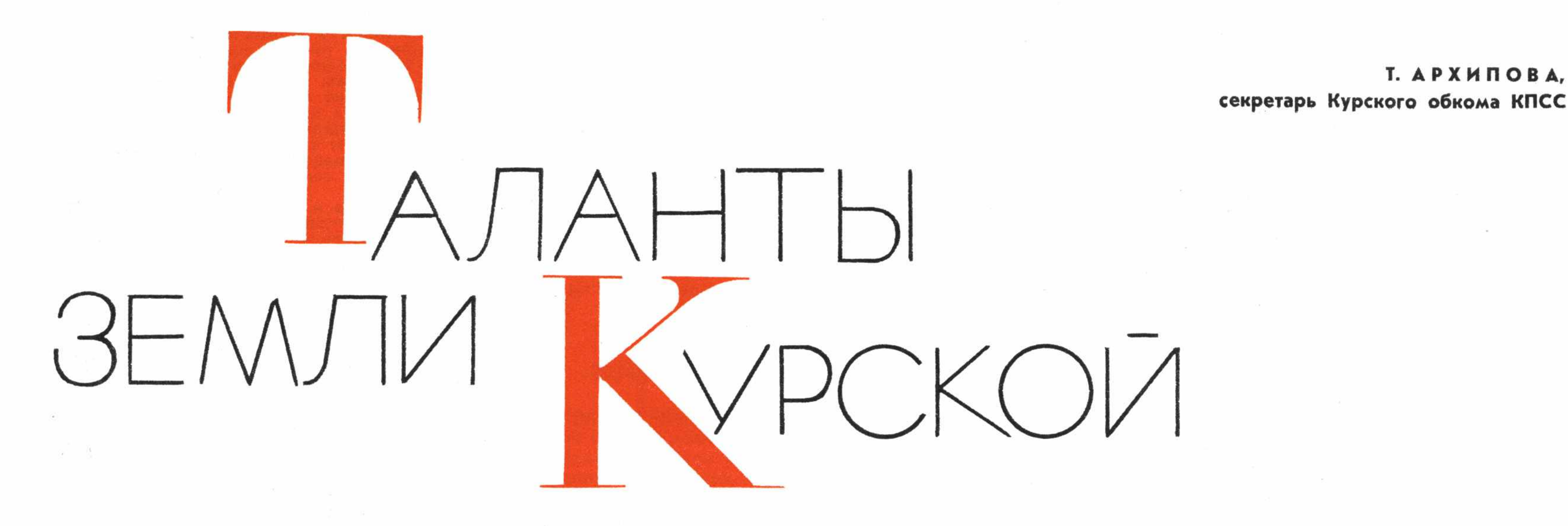
Главный экспозиционер выставки Ирина Александровна Иванова рассказывает, с какой радостью устроители работали на выставке и преодолевали сложность совмещения разнообразия времен и видов искусств.

Звон ростовских колоколов сопутствует осмотру. Зрители переходят от одного экспоната к другому, от одной витрины к другой, и каждый раз перед ними появляются новые красивые интерьеры, плоскости разноцветных перегородок. По воле художников-оформителей посетители двигаются так, что невольно следуют за временем, и перед ними разворачивается прекрасное течение истории культуры, истории русского народного искусства.

Интерес к выставке велик. И «Огонек» еще вернется к ней.

Н. СВЕТЛОВА
Фото А. Гостева.

Т. АРХИПОВА,
секретарь Курского обкома КПСС

одобно жизни народа, вместе с нею, движется жизнь творчества, искусства. Движется, ни на мгновение не прерываясь, не останавливаясь, зная свои радости и трудности, свои взлеты и падения. Это удивительный процесс, поражающий разносторонностью и многообразием.

Но является ли он некой неуправляемой стихией? Или же мы, коммунисты, как говорил Владимир Ильич, должны и здесь быть коммунистами — не «стоять, сложа руки», позволяя «хаосу развиваться куда хочешь», а «вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Вероятно, не ошибусь, если скажу, что великая дата приближающегося ленинского юбилея впрямую обязывает нас, коммунистов, имеющих отношение к культуре, искусству, творчеству, пристально, без скидок посмотреть: как мы руководим этими сложнейшими процессами? Насколько нам удается формировать результаты этих процессов? Умеем ли мы добиваться результатов, которые несли бы народу эстетическую радость, духовно поднимали бы и обогащали народ?..

Благородное всенародное стремление добиться к ленинскому юбилею высочайших новых рубежей во всех сферах деятельности не прошло мимо людей творчества и культуры, работников литературы и искусства.

Взыскательно и серьезно они оглядываются на пройденный ими путь. Всматриваются и в то, что уже выполнено ими, что уже сделано на том безбрежном поле деятельности, которое зовется искусством. Видят и то, что, по правде говоря, еще остается порою забытым, упущенным и где, значит, уж обязательно появляются — как это всегда бывает, если у нас, коммунистов, что называется, руки не доходят,— всяческие, бойко растущие, хоть и недолговечные сорняки.

Вот такая взыскательная самопроверка, самоконтроль, обращенные людьми, связанными с формированием творческих процессов, прежде всего к самим себе,— думается, и составляют главный смысл того своеобразного смотра талантов, смотра живых результатов искусства, который идет по всей стране накануне ленинского юбилея.

Принимая самые разнообразные формы, такой смотр проходит и у нас, в Курской области. Проходит в виде фестивалей и конкурсов, выставок и слетов, грандиозных певческих праздников и творческих встреч... Иногда только диву даешься, видя, насколько же неистощима фантазия, какого расцвета может достигнуть народная инициатива и выдумка. И думаешь: как бы радовался, наверное, Владимир Ильич, если бы и он смог увидеть нынешнее искусство — содержательное, полнокровное, устремленное в завтрашний день, прочнейшими узами связанное и с неумирающими традициями прошлого и с нынешними героическими делами.

Однако же и у нас, конечно, тоже далеко не все процессы, связанные с творчеством, развиваются планомерно. И у нас, конечно, много недоделанного, недодуманного. Поэтому кажется мне, что, проверяя практические результаты творческой деятельности, да и всей работы, связанной с культурой и искусством, следует изучать их, знакомиться с ними не по отчетам и докладным запискам. Надо обязательно видеть эту работу своими глазами. Видеть воочию людей, которые отдают себя искусству, покоряя и трогая зрителя самобытностью и свежестью, искренностью отношения к этому искусству.

Рост его удивляет. И даже сравнивать смешно лапотное, убогое прошлое сплошь неграмотного народа, забитого и темного, с грандиозным величием результатов, достигнутых в искусстве и культуре.

Конечно, все ростки нового, все сегодняшние проявления талантов и способностей народа неразрывно связаны с искони присущими ему задатками: с его живой сметкой и одаренностью, с его любовью к песне и танцу, с его умением быть красивым и любить красоту вокруг себя... Все идет из глубин народной жизни. Но вот те крохотные творческие родники, которые упрямо сохраняли себя в прошлом, те живые искорки народного искусства, которые мерцали, не угасая ни в какую лихую годину,— во что же превратились они сегодня, какую поразительную силу обрели, с каким могучим напором забили из почвы родной, сегодняшней, социалистической народной жизни!..

Прекрасной стороной нынешнего народного творчества представляется мне его неподдельный оптимизм, праздничность. Будучи исполненным глубокого содержания, всегда тесно связанное с насущными задачами сегодняшнего дня, оно берет на вооружение веселье, смех, шутку; оно заразительно, и если даже «со стороны» смотришь на него, все равно как бы становишься его участником, мысленно став в хоровод, или, как по-старинному говорят еще в курских деревнях, «в корогод»...

* * *

В воспоминаниях о В. И. Ленине меня взволновал рассказ Вл. Бонч-Бруевича о том, как однажды он наблюдал Владимира Ильича в Женеве, на народном празднике, называющемся «Эскаляда». Праздник этот проводился в честь освобождения швейцарской республики от нашествия австрийских войск. В празднике, рассказывал Бонч-Бруевич, «принимают участие все сословия населения города и в том числе рабочие. Вечером устраивается громадный карнавал. На улицах множество масок, шутящих, острящих, веселящихся. Поют песни. Появляются хоры. Выступают певцы с мандолинами, гитарами. И вот здесь, на этом празднике... Владимир Ильич увлекался народным весельем, прислушиваясь к этим неизвестным певцам и музыкантам, бродившим по всему городу, внедрявшимся в толпу, разрезавшим ее и образовывавшим вокруг себя импровизированные хоры».

Таких праздников, такого народного веселья, такой полной свободы проявления народных талантов предреволюционная Россия не знала, да и не могла знать. Люди творчества, искусства думали о них, но еще долгие годы они рисовались им несбыточной мечтой, вроде фантастических городов Александра Грина...

Большевики-ленинцы осуществили многое из того, что казалось фантастикой. И хоть мы, куряне, очень скромные люди, но, думается, не стыдно было бы и нам, если бы вдруг Владимир Ильич появился у нас, на главной площади Курска, поздним воскресным вечером 29 июня 1969 года. Площадь наша с незапамятных времен, как и в Москве, называется Красной... Всюду свет, яркие вспышки фейерверка, громадные охапки цветов и зелени, гирлянды огней на стенах и крышах домов, на фонарных столбах, на эстрадах... Всюду музыка. Поют и танцуют даже на тротуарах соседних улиц. Поют и профессиональные артисты, певцы филармонии, и самодеятельные вокалисты, и просто парни и девушки, вышедшие с гитарами, в народных костюмах на свой праздник — День советской молодежи.

К таким Дням, объявленным в календаре,— а их теперь стало много,— наши творческие коллективы, конечно, готовятся заранее, стремясь к тому, чтобы эти праздники были всегда красивыми и разнообразными, радовали людей и весельем и богатым содержанием.

Всегда хорошим подарком к такому празднику бывает новая песня, которую иногда подхватывают все слушатели, и новый танец, и новая музыка.

А иногда люди предпочитают совсем старую, древнюю песню либо частушку, совсем старый, даже древний народный танец; это тоже бывает хорошо. Но и к этому тоже надо суметь заранее подготовиться.

Рост коллективов, посвятивших себя, свой досуг собиранию фольклора, возрождению того поэтического богатства, которое создавали куряне еще в незапамятные времена, ставит нас порою в трудное положение — все участники требуют: «Приезжайте к нам, поглядите!»

Что ж, они правы.

И вот мы с Иваном Митрофановичем Сеиным, секретарем Суджанского райкома партии, подчиняясь такому настойчивому приглашению, приезжаем в село Будище, в Дом культуры колхоза имени 50-летия Октября. Здесь собрала своих танцоров пожилая крестьянка Евдокия Ивановна Голубович, руководительница самодеятельного коллектива. Ее танцоры — и старые и молодые — будут исполнять «Тимоню».

В России это, может быть, старейший танец — шуточный, искони курский, с прибаутками. В прибаутках на все лады прославляется народный герой Тимоня; а Тимоней может

На концерт!

Валя Сухорукова из колхоза «50 лет Октября».

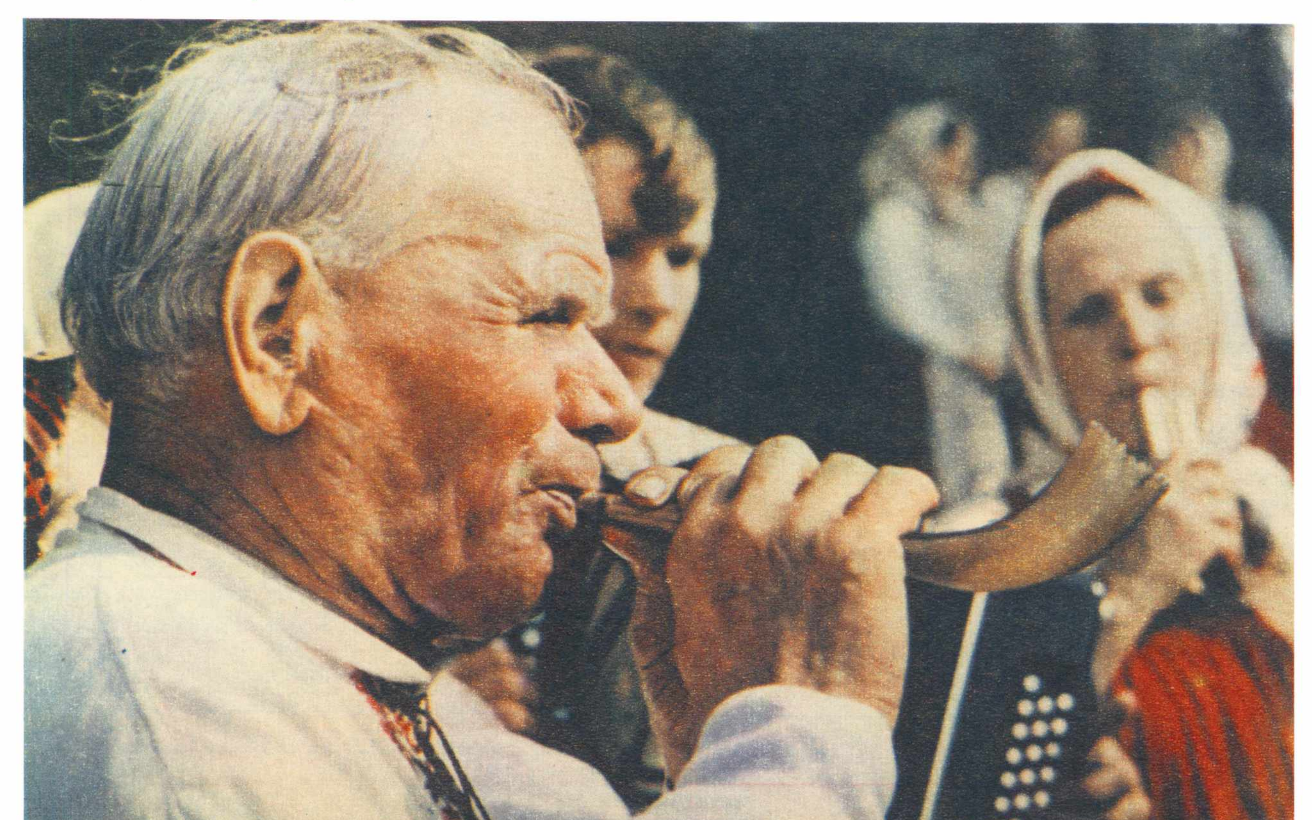

Река Псел.

Вечер.

Михаил Ефимович Крюков играет на жалейке.

Школьники колхоза имени Кирова исполняют старинный танец «Тимоня».

Школьники Катя Шелепова и Ваня Вожжов из села Будище.

Выступление самодеятельности колхоза имени Кирова.

Фото М. САВИНА.

В центре — Вера Скобелева...

считать себя каждый мужчина, который входит в круг и участвует в пляске. Красивые, разнаряженные женщины и девушки павами плавают вокруг нескольких Тимонь, а те, показывая свою удаль и молодечество, выкидывают всяк свои, особо замысловатые коленца.

Главная же прелесть этого танца в том, что он сохраняет хороводную, «коллективную» основу: в нем практически может участвовать вся деревня и даже несколько деревень сразу.

В этот воскресный, теплый и ясный день на танцоров прямо-таки заглядишься: глаз радуют торжественные, обрядные сарафаны, тканые ручные пестрые пояса, широченные, как полотенце, или, наоборот, совсем узенькие, но зато оканчивающиеся целой охапкой разноцветных кистей, или «махров». На шляпах у парней — ленты, цветы, крашеные перья.

Девочки-школьницы — в здешнем коллективе их более тридцати — ухитряются искусно использовать вполне современные капроновые платки и шарфики ярких расцветок, распуская их по сарафану либо завязывая крупными бантами на поясе. А сколько лент в косах!

Приемная внучка Евдокии Ивановны Голубович Верочка тоже танцует «Тимоню». Вот она стоит на большой фотографии в центре, а вокруг нее веером — все подружки. Тут можно увидеть и Евдокию Ивановну; очень довольная всем происходящим, она (слева) улыбается своей внучке. Вера же не самая младшая участница коллектива; здесь есть способнейшая четырехлетняя танцорка Анюта Щетинина. Похожая на куклу, эта девчушка — настоящее чудо природы; все здесь ее зовут шутя Анной Ивановной за серьезность и за талант...

«Тимоню» пляшут и поют не одни только суджанцы. Без «Тимони» сейчас не обходятся, пожалуй, ни в одном районе; это любимейший хороводный праздник курян. Профессор Московской консерватории Анна Васильевна Руднева считает «Тимоню» бесценной жемчужиной народного творчества; а ее оценка имеет для нас важное значение. Руднева много лет связана крепкой творческой дружбой с нашими коллективами: изучает музыку, записывает текст припевок. Мне кажется, что этот текст замечателен еще и тем, что, постепенно осовремениваясь, все же не теряет ни присущего ему обаяния, ни фольклорного духа. Древние припевки раньше носили шутливый, любовный или чаще всего просто бытовой характер. Зато сейчас «Тимоня» все заметнее обретает черты смелого воина, борца.

Раньше про Тимоню пели, например, так:

Поехал Тимоня жениться,
Купил себе белы рукавицы...

Или просто восхищались красотой Тимони, его приятной внешностью:

Ах, Тимоня, ты Тимонюшка,
Кучерявая головушка...

Теперь же мы узнаем о Тимоне нечто очень важное:

Воевал Тимонюшка за крестьян,
За себя, за Родину, за курян!

Ну и, конечно, героизм Тимони не остается не замеченным танцорами:

Наш Тимонюшка в блестящих сапогах,
А вся грудушка в геройских орденах!..

Старушки и молодежь, тесно заполнившие Дом культуры в Будище, сказали нам, когда в зрительный зал не то что новым зрителям войти, но уже и яблоку упасть было некуда:

— Теперь на волю плясать отправятся! На воздух... Там попросторнее будет. И до вечера не угомонятся. Лиха беда — начать, а уж после не остановишь...

* * *

Есть у нас «Тимони», ставшие лауреатами самых различных фестивалей, в том числе Всесоюзных. Есть коллективы певческие и танцевальные, есть струнные народные оркестры. Есть Народные Театры, имеющие звание лауреатов.

Особенно радостно, когда самодеятельные артисты достигают высокого уровня мастерства и глубокого понимания классики, как, например, Льговский народный театр. Этот коллектив стал лауреатом на Всесоюзном смотре народных театров к 50-летнему юбилею Советской власти, показав спектакль «Васса Железнова». Талантливые льговцы, работающие с полной творческой самоотдачей, — наша гордость. И кажется примечательным то, что театр растет и набирает силы, существуя при Доме культуры как его любимое детище.

Мы считаем Дома культуры, Дворцы культуры тем самым центром духовной, идеологической жизни народа, центром народного искусства, народного творчества, где, при любви к делу, при желании и умении руководить этим делом, верно направлять его, результаты будут поистине глубокими и серьезными, а не рождать временные показатели для галочки в отчете...

И когда мы говорим, что сегодня у нас сорок тысяч участников самодеятельности, эта цифра не с потолка. Тут сосчитаны только постоянные участники народного творчества, люди, активно работающие в народных самодеятельных коллективах. Только те, кого мы можем назвать по фамилии, узнать в лицо... Короче говоря, только те, кто работает по-настоящему.

Именно эту работу значительно облегчают нам Дома культуры. И мне кажется очень важным, что теперь Дом культуры есть у нас в каждой колхозной центральной усадьбе, буквально в каждой.

Иногда нам говорят, что, мол, Дома культуры еще долго не окупятся в смысле затраченных на них средств. А мы считаем, что в идеологии не всегда надо добиваться быстрой окупаемости.

Пошли мы на большие затраты и когда построили в Курской области 500 «Спутников». Это маленькие клубы, созданные в деревнях, куда может приехать кинопередвижка, где есть библиотечка, куда приносят свежие газеты и журналы... Правда, не всегда еще в каждом «Спутнике» есть хорошо подготовленные кадры, хороший актив. Но это, как говорится, дело наживное. Кадры мы готовим непрерывно, да не хватает их — вот в чем беда...

* * *

Существование большой культуры немыслимо без профессионального искусства. Курянам и тут есть чем гордиться. У нас писал свои деревенские очерки Валентин Овечкин. Мы строим картинную галерею имени Дейнеки: покойный художник был нашим земляком, мы имеем много его картин...

Один из крупнейших советских композиторов, Георгий Свиридов, тоже наш земляк; его знаменитые Курские песни пользуются у нас большой популярностью. Свиридов — лауреат Ленинской премии.

Словом, курская земля талантами не обижена!

Хорошо, интересно работает наш областной драматический театр; только что прошли с большим успехом гастроли театра в Азербайджанской республике. Главный режиссер нашего театра Николай Григорьевич Резников уже много лет работает в Курске; это художник серьезный и требовательный, не снижающий зрительского уровня постановкой пьес, имеющих незначительное, мелкое содержание, а то и вообще непригодных по идейным качествам.

На счету у Курского театра немало масштабных, значительных спектаклей, в том числе вся погодинская Лениниана: «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая»...

Но вот сейчас театр начинает всерьез беспокоить отсутствие новой полноценной пьесы, посвященной жизни В. И. Ленина. Такой пьесы, которая могла бы ответить на все требования зрителя, — став вровень с возросшим, многократно углубившимся пониманием бессмертного ленинского образа, — у нас пока нет.

Я понимаю, что тут мы, как говорится, не одиноки. К сожалению, новой пьесы, какая нужна нам, пока еще, насколько нам известно, нет вообще ни у одного театра. Но тут уж мы никак не можем пойти на какие-либо уступки или компромиссы... У нас ставили пьесу А. Штейна «Между ливнями», но, к огорчению своему, убедились, что она не отвечает нашим требованиям, нашему представлению о работе и жизни вождя революции. Не подошла нам и пьеса А. Шатрова «Шестое июля», о которой в журнале «Коммунист» (№ 3) было сказано, что в ней имеются серьезные ошибки: главное ее внимание сосредоточено не на деятельности В. И. Ленина и ЦК партии большевиков, возглавивших разгром левоэсеровского контрреволюционного мятежа, а на лидере левых эсеров Спиридоновой и ее окружении.

И хотя эти недостатки не были преодолены и в фильме «Шестое июля», к нашему удивлению кое-где в печати и сейчас еще встречаешь иногда такие отзывы, которые могут сбить с толку актеров и режиссеров, художественных руководителей театров, ведущих напряженные поиски пьесы, отвечающей ленинской теме.

Так что мы пока находимся в ожидании... Но, конечно, не сидим сложа руки, а ищем: просматриваем все, что может помочь театру добиться необходимых творческих результатов.

...Большую работу ведет обком с художниками. Еще в нынешнем году Курск станет центром большой зональной выставки, где будут представлены все виды и жанры изобразительного искусства — живопись, скульптура, графика.

Многие наши художники получили творческие командировки. Ко многим мы обратились с социальным заказом, побуждая их взяться за большие, масштабные темы и проблемы. Мы не побоялись такого прямого вмешательства, памятуя о словах Владимира Ильича, что, если будешь сидеть сложа руки, может взять верх «хаос», пусть даже и тематический. Обком партии в специально принятом решении прямо сказал, что в творчестве художников еще слабо утверждается современная жизнь, слабо пропагандируется победа коммунистических идеалов, провозглашенных В. И. Лениным. Когда же, если не в канун ленинского юбилея показать современный пейзаж, пронизанный приметами нового; живой портрет современника — человека, созидающего жизнь по заветам Ленина?..

Правда, есть у нас хорошие виды на несколько работ. Например, очень перспективно работает скульптор Роза Владимировна Трегуб; она уже создала портрет народного героя Николая Чаплыгина, председателя колхоза, зверски убитого кулаками в первые годы коллективизации. Сейчас Роза Владимировна ведет поиски типажа для нового портрета — курянки-свекловичницы. Вместе с семьей художница живет в палатке на берегу реки Псел; ее натура — кругом: это живые люди, куряне, которые давно знают и любят Розу Владимировну; они приходят к ней в гости, зовут ее к себе; это обаятельный человек, талантливый художник, деятельная коммунистка, долгое время возглавлявшая творческую партийную организацию...

Близ шоссе Москва — Симферополь, со стороны Северного въезда в Курск заложен камень, где будет воздвигнут монумент в честь разгрома фашистских войск на курской земле... Всегда тут можно увидеть свежие цветы, скромные полевые букетики, заботливо связанные ленточкой, ветви, положенные к мраморному подножию камня доброй рукой. Но вот монумента пока еще нет. И это тоже нас тревожит. Тем более что куряне уже имеют интересный проект, предложенный нам скульптором-монументалистом Е. Вучетичем.

Думается, уже самое имя этого известного советского художника достаточно убедительно говорит за себя. Мы провели широкое обсуждение проекта; в нем участвовало много народа. А так как куряне — большие патриоты, горячо любящие свой край, свою землю, гордящиеся подвигами земляков-героев, то обсуждение вызвало прямо-таки взрыв энтузиазма. И мы уже готовились начать работы по установлению монумента, надеясь закончить их к ленинскому юбилею, — ведь за короткое время с осуществлением такого большого замысла невозможно справиться... Но проект, столь полюбившийся курянам, еще не утвержден.

* * *

Мне кажется, «Огонек» делает интересное дело, давая возможность не только обменяться опытом, накопленным в народном творчестве, но как бы заново пересмотреть его, подвести его итоги. Правда, надо еще и то сказать, что самый этот опыт, пока мы на него смотрим, продолжает расти и меняться.

Он бесконечен, как я уже говорила, по самой своей природе. Бесконечен, подобно самой жизни, поскольку призван отражать и воспевать эту жизнь.

Африканский лев на австралийской земле.

коврами местной выделки. Нам не пришлось быть в семьях бедняков, а их, конечно, немало, поэтому мы не можем сказать о коврах в этих домах.

Член парламента господин Ридифорд вооружил нас некоторыми статистическими данными. В Новой Зеландии с населением всего около 3 миллионов более 60 миллионов овец.

Другие члены парламента, которые во время нашей беседы были в кабинете Ридифорда, интересовались больше международными проблемами. Они задавали вопросы, показывающие абсолютную путаницу в их представлениях о внешней политике Советского Союза. Проблемы мирного сосуществования государств с различными социальными системами были главной темой нашей беседы и с заместителем министра иностранных дел (пост министра занимает сам премьер) господином Лейкингом.

Мы встречались с журналистами, дискутировали с государственными деятелями страны. Они старательно обходили проблему войны во Вьетнаме. Многие сами понимали ее непопулярность в народе. Лозунги на стенах домов — хорошее тому подтверждение.

В ДАЛЬНИХ СТРАНАХ

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Путевые заметки журналиста

Лет пятнадцать назад в почте журнала «Огонек» мы обнаружили письмо рабочего с Урала. Он просил редакцию сообщить, сохранились ли в Новой Зеландии маори, как они живут. Этот давний случай припомнился, как только я узнал, что мне предстоит поездка в далекую страну.

И, конечно, вопрос уральского читателя всплыл в памяти, когда мы оказались в небольшом курортном городке Новой Зеландии — Роторуа. Городок этот с населением не более чем в 20 тысяч, пропитанный запахом горячих серных источников, знаменит и тем, что там существует музей — деревня маори — Вокареварево. Тут можно увидеть хижины, домашнюю утварь, кустарные изделия маори, которые поселились здесь восемьсот лет назад.

Вокареварево означает в переводе «пляска», или «опускаться и подниматься». Дело в том, что деревня раскинулась на участке, богатом гейзерами. Земля здесь буквально дышит — булькает, пыхтит, время от времени извергая высокие фонтаны горячей воды и пара.

Деревня хранит множество занимательных легенд, написанных или вырезанных на старинных досках. Одна из таких легенд рассказывает, как несколько веков назад моряк-маори любил по утрам захаживать в чужие сады, чтобы полакомиться фруктами. «Гостя» каждый раз узнавали по следам его огромных сапог. Проходило время. Фрукты по-прежнему исчезали, но следов сапог «капитана», как звали непрошеного гостя соседи, обнаружить уже не удавалось. Оказалось, что «капитан», желая сбить со следа хозяев, поднялся на ходули. Хитрость была разгадана, а изображения человека на ходулях можно увидеть и поныне на многих изделиях местных мастеров.

В музее-деревне существует специальное художественное училище (здесь его называют институтом). В нем обучаются резьбе по дереву, кости, выделке и тиснению кожи несколько молодых маори из разных краев Новой Зеландии. Фигурки человека с высунутым языком (чтобы отпугивать злых духов) и перламутровыми глазами, изображения птицы киви характерны для творчества маори. Киви — своего рода символ Новой Зеландии, как кенгуру Австралии.

Маори напоминают по внешнему облику цыган, они красивы, общительны. Говорят, что в Новой Зеландии их 250 тысяч, большинство живет в сельской местности. Культурный уровень маори, как признают и они сами, более низок по сравнению с некоренным населением, ставшим теперь хозяином страны.

Когда мы осматривали деревню-музей, директор Ваака сказал:

— Вы видите, как жили маори многие столетия назад, прежде чем из дикости прийти к нынешнему состоянию.

Его соплеменник, участвовавший в беседе, улыбаясь добавил:

— Чтобы прийти еще всего-навсего к полудикости.

Так закончилось наше знакомство с народом маори, когда-то освоившим этот остров. Участь маори, как и еще более печальный удел аборигенов в Австралии (их там насчитывают всего не более 50 тысяч),— следствие «цивилизаторской миссии» империализма.

В Новой Зеландии мы оказались в середине апреля. Это красивая, зеленая страна. К Веллингтону мы подлетали вечером и, выйдя из самолета, сразу почувствовали, что здесь прохладно и дышится удивительно легко. Здесь была осень.

Лишь в центре столицы можно увидеть многоэтажные дома. Весь остальной город — одноэтажные коттеджи с садиками. Еще с воздуха мы любовались разноцветными крышами домиков, раскинутых по берегам заливов. Не только Веллингтон, но и все остальные города Новой Зеландии в основном одноэтажные. Вся жизнь многих новозеландцев посвящена тому, чтобы стать владельцем собственного домика, садика, начинить свою «крепость» возможно большими удобствами.

В центре Веллингтона, там, где столица похожа на крупные современные города, нам в глаза бросились надписи, сделанные белой масляной краской на стене массивного дома близ парламента: «Немедленно убирайтесь из Вьетнама», «Работа, а не оружие».

На шумной торговой улице мы столкнулись с юношей в плавках (несмотря на осеннюю прохладу) и с разрисованной грудью. Голова его была покрыта каким-то тряпичным устройством, изображавшим наполеоновскую треуголку. Нам разъяснили: это студент. Он рекламирует свой студенческий журнал, который выходит раз в год. Это традиция. Да, у студентов в разных странах разные традиции: благородные и смешные, а порой слишком вольные.

Известно, что ведущее место в экономике Новой Зеландии занимает овцеводство. Стоит отъехать от столицы всего несколько километров, и на зеленых или слегка пожелтевших лугах, на просторных загонных выпасах вы увидите крупных, чаще всего белых овец. Зайдите в любой городской дом — полы устланы шерстяными

В 450 километрах от Веллингтона — городок Роторуа, о котором я упоминал в начале этих путевых заметок. Мы остановились в небольшом одноэтажном отеле «Бренс» примерно на 200 номеров. Как здесь, так и в других гостиницах, где потом нам пришлось останавливаться, очень хорошее обслуживание. Чтобы не потерять клиентуры, владельцы отелей тщательно продумывают все детали обслуживания. Номера комфортабельны. По желанию приезжих по утрам в номер приносят чай и легкую закуску.

В некоторых отелях около каждого номера — стенной шкаф, в котором утром гостя ждет завтрак и чай. Потом потрудитесь сами убрать посуду в стоящий рядом шкафчик. Здесь довольно широко внедряется самообслуживание. Сами погладите сорочку — утюг в отдельной комнате, ботинки почистите в номере, сами прихватите и свой чемодан.

Чтобы закончить рассказ об обслуживании туристов, хочу вспомнить и мотели в Австралии, куда мы заезжали на обратном пути из Новой Зеландии. В мотелях Сиднея, Канберры, Мельбурна вас поражает такая же чистота, как и в отелях. Такой же порядок, построенный на доверии,— приезжай, заплати (документы можешь не показывать), приходи когда угодно, когда угодно и уезжай. Но обязательно приведи в порядок посуду на кухне (а кухня при каждом номере). Утром в холодильнике вы найдете на завтрак молоко или сливки, масло, сыр, джем, мед, кукурузные хлопья. На кухне — посуда, так сказать, на любой случай, электроплита, электрочайник, аппарат для приготов-

ления тостов (для этого припасен специально нарезанный белый хлеб, упакованный в целлофан). В пакетиках — чай, кофе, сахар. Нередко бывают и фрукты — яблоки, бананы. В мотелях «Коала» интересная традиция. Когда турист уезжает (сколько бы он ни жил — день или неделю), в столовой-кухне ему оставляют бутылку вина, фрукты, печенье, шоколад. Это, разумеется, реклама компании «Коала», но, видимо, она оправдывает себя.

...Хозяева прессы постоянно ссылаются на так называемую свободу печати в Австралии и Новой Зеландии. На словах — свобода, на деле — полное подчинение хозяевам: «кто платит, тот и заказывает музыку».

Хочу привести лишь один пример. Газета Веллингтона «Доминион» сообщала заведомо тенденциозную информацию о социалистических странах, публиковала антисоветские письма. Один «читатель» даже угрожал нашему посланнику Дорофееву. А когда мы разговаривали в редакции газеты с журналистами, выяснилось, что так рассуждают не широкие массы, а те, кто «заказывает музыку».

В Веллингтоне докер рассказал нам, что рабочие должны **обязательно** состоять в профсоюзах, а если кто-то не хочет вступать, он должен на суде доказать, что в этом самом профсоюзе руководство захватили коммунисты... Забавная демократия!

На приеме у советского посла в Канберре мы разговаривали с членами парламента. Многие гости пришли прямо с заседания парламента. Они были довольны критикой, которой подвергся премьер-министр за участие страны в грязной войне во Вьетнаме. Вот, мол, какая у нас демократия!

— А во имя чего вы воюете во Вьетнаме, кому нужна эта война, раз ваш народ восстает против нее?

На наш вопрос ответа не последовало: демократия, если она на словах, мало может помочь делу.

Один из собеседников объяснил нам причину безнаказанности «неизвестных», которые пытаются сеять вражду к СССР.

— Мы уверены,—сказали нам,— что «неизвестные» известны. Но в нашей стране нельзя предпринять решительных мер по отношению к иммигрантам. Нам нужны квалифицированные специалисты, мы заинтересованы в их притоке.

Так называемые перемещенные лица, то есть военные преступники, бежавшие от справедливой кары на родине, тоже нашли себе приют в «свободной» Австралии, и их, оказывается, «нельзя тронуть» даже в случае совершения заведомо преступных действий.

...Живописны дороги Новой Зеландии. Из Роторуа на машине мы выезжали в Тасман на известную в стране бумажную фабрику. По дороге — богатые виллы, уединившиеся в лесу. По обочинам — таблички с именами владельцев этих вилл, лесных участков, лугов.

В Тасмане живут главным образом рабочие-бумажники. Среди них иммигранты из Скандинавии, Италии, Франции, Югославии и других стран.

Конечно, среди пришлых есть и такие, которые почувствовали себя хозяевами, приехав сюда со своим капиталом. Он быстро открывает все двери.

— Дорогой от Роторуа до Гамильтона и Оклэнда можно увидеть настоящую Новую Зеландию,— сказал нам Росс Аннабел, очеркист газеты «Дейли пост» (Роторуа), приглашая совершить поездку в его машине.

Прежде чем направиться в Гамильтон, мы решили воспользоваться благами выходного дня и поехали на озеро, чтобы попытать счастья в ловле форели. Поймали двух пятнистых красавцев примерно по полтора килограмма каждый. Владелец моторной лодки, поздравив с удачей, сообщил, что, по подсчету чиновников, туристу одна форель обходится в 10 долларов. Так выгоден туризм! Мы поймали еще одну рыбу, но, поскольку она весила всего 350 граммов, а не 500, как разрешает закон, пустили ее обратно в озеро.

Много живописных мест в Новой Зеландии. Она убрана, подстрижена, застроена по английскому типу. Смотришь на домики, ярко-зеленые лужайки и мучительно вспоминаешь: где-то видел такое? Да, на окраине Лондона, по всей Англии, а значит, и по всем ее «владениям»...

Небольшой городок Кембридж, недалеко от Гамильтона, не только по названию, но и по виду британский. Виллу гостеприимного редактора «Войката таймс» Филиппа Харкнесса оказалось нетрудно разыскать.

Кстати можно сообщить, что газета «Войката таймс» чаще других печатает высказывания людей против войны во Вьетнаме.

Накануне по телевидению Веллингтона выступил журналист АПН Николай Дьяконов. Он убедительно вел дискуссию с комментаторами. Об этом вспомнили и за обедом у Харкнесса. Объективно оценивая выступление советского журналиста, собеседники критиковали своих коллег, местных комментаторов, которые пытались возместить отсутствие убедительных аргументов бестактными замечаниями.

Журналисты одобрительно отозвались о появлении в новозеландских газетах корреспонденций агентства печати «Новости». Представляющий интересы агентства в Новой Зеландии Евгений Поздняков рассказал о письмах, которые он получает с островов Самоа, Кука, Фиджи. Многие читатели проявили живой интерес к более широким сведениям о жизни советского народа.

...В Оклэнд ехали глубоким вечером. Помимо редакций местных газет, посетили оклэндское отделение общества «Новая Зеландия — СССР». Возглавляющая его Дафния Бодуин познакомила с работой общества, где можно получить советскую книжку, посмотреть советские фильмы.

Главный редактор газеты «Нью-зеланд геральд» О. Хинту расспрашивал об Игоре Моисееве. Он встречался с нашим талантливым артистом, знает его и с нетерпением ждал тогда приезда труппы Игоря Моисеева. («Сорок звезд советского балета», как сообщали афиши.)

Не без законной гордости показывал хозяин свою редакцию. Здесь недавно закончено микрофильмирование всех газетных и журнальных архивов. И теперь вместо огромных стеллажей бывшей библиотеки архив занимает несколько небольших шкафов, и в маленькой комнате с помощью просмотрового аппарата вы можете воспользоваться фильмолентой любого органа печати.

Крайстчёрч — на юге Новой Зеландии — излюбленное место туристов. Красивые заливы, озера, реки, леса... В Крайстчёрче мы подружились с местными приветливыми журналистами.

Из Крайстчёрча наш путь лежал в Австралию. Там мы посетили Сидней, Канберру и Мельбурн. В Сиднее видели демонстрации протеста против войны во Вьетнаме. Сиднейские журналисты рассказывали, что из двенадцати миллионов населения в этой богатой стране — один миллион живет в абсолютной нищете. Здесь тоже много иммигрантов из Европы, и они составляют основную массу бедняков.

В то же время страна все больше и больше утрачивает контроль над своими богатствами. Национальные достояния все больше переходят в руки американских, английских, западногерманских, японских и других чужеземных компаний.

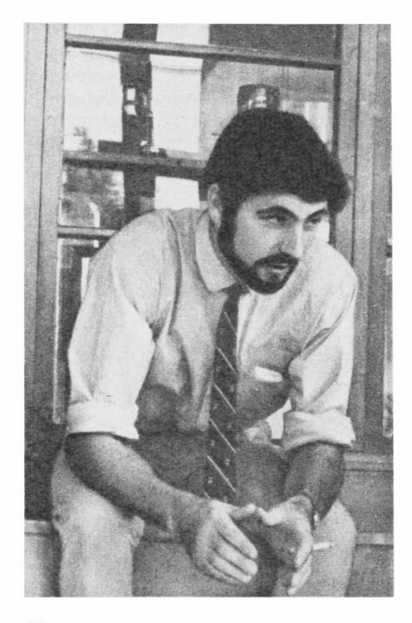
Австралийский журналист Руперт Локвуд хорошо написал об этом недавно в своей корреспонденции для АПН: «Официальная пропаганда, желая привлечь иммигрантов для заселения огромных пространств пятой части света, называет Австралию землей «молока и меда». Правда, наши рабочие без юмора добавляют: «Все это так, лишь при условии, если прихватить с собой корову и пчел».

В Австралии мы видели свободно гуляющих... львов. Нужно проехать от Сиднея всего километров 50—60, и вы (конечно, за плату) въезжаете на огромную территорию, по которой гуляют африканские львы. Из машины можете свободно фотографировать царей природы, тщательно закрыв все стекла, как того требуют писаные инструкции и часто передаваемые радиопризывы.

Конечно, мы открывали стекла. Львы лениво прогуливались, нахально зевая, или просто спали. Рабочий на тракторе разъезжал по всей территории и тормошил спящих львов: съехалось много туристов, а дикие звери, которые, видимо, должны бы были нападать на машины или хотя бы рявкать на них, не обращали никакого внимания на «смельчаков».

В Сиднее нам часто встречались длинноволосые юноши и девушки, причудливо и нарочито небрежно одетые, — хиппи. Как известно, хиппи своим странным видом и всем своим поведением пытаются выразить протест против буржуазного общества.

Заходили мы в Сиднее в магазинчик хиппи. Торгуют здесь разными изданиями, сувенирами по весьма высоким ценам.

Председатель студенческого комитета сельскохозяйственного училища (около Крайстчёрча) рассказал нам, как живет молодежь.

В Австралии было много встреч. Глава крупнейшей издательской компании «Геральд энд уикли таймс» сэр Джон Вильямс выразил уверенность в пользе контактов между советскими и австралийскими журналистами.

— Советский Союз—гарант мира,— сказал сэр Джон,— роль вашей страны в деле укрепления мира чрезвычайно велика.

Секретарь Ассоциации австралийских журналистов Сидни Крослэнд от имени своей организации тоже высказал надежду на возможность сотрудничества.

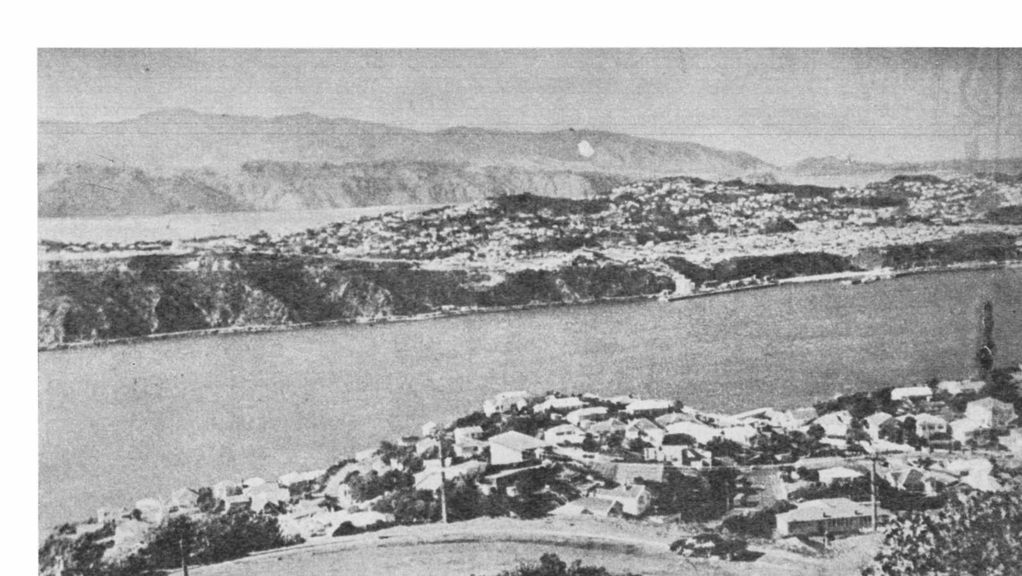
Люди проявляли к нам гостеприимство, и мы каждый раз вспоминали посла Австралии в Советском Союзе господина Блэкни, который, пригласив нас в Москве к себе, накануне поездки заверил, что его народ всегда хорошо относился к нашему народу.

На Родину мы возвращались через Индию, через Дели.

...В тени густой кроны цветущего дерева — фотовитрина службы информации Советского посольства. Она посвящена дню рождения В. И. Ленина. Вверху развевается советский флаг, под ним — большой портрет создателя первого в мире социалистического государства.

Каждый, кто проходит здесь в эти дни, обязательно остановится, чтобы прочитать об успехах нашей страны, посмотреть на фотографии Владимира Ильича Ленина. Честные люди мира чтят память великого вождя международного революционного движения.

Веллингтон — столица Новой Зеландии.

«...возрастают требования к культурно-техническому уровню рабочих, и получение среднего образования становится необходимым условием для подготовки квалифицированных рабочих по наиболее сложным профессиям».

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования».

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Есть в Кишиневе район с немного странным названием — Ботаника. Здесь раскинулась долина роз, шалфейная плантация и живописное озеро. А вокруг новые жилые дома, больницы, школы, магазины. Чуть поодаль светлое четырехэтажное здание городского профессионально-технического училища № 3 — ГПТУ-3, выпускники которого строят дома и школы не только в Ботанике, но и в самых отдаленных уголках республики.

Семь лет работает ГПТУ-3. Шесть лет оно ничем не отличалось от других. В прошлом году стало экспериментальным. Через несколько лет, когда опыт кишиневцев и их собратьев по эксперименту возьмут на вооружение остальные училища, ГПТУ-3 опять станет обычным учебным заведением. Целый год тут изучалась новая система профтехобразования. Теперь рабочих наиболее сложных строительных профессий будут готовить не за год, а за три. Кроме разряда, выпускники получат аттестат зрелости. Это послужило своеобразным стимулом, и в училище потянулись юноши и девушки, отлично окончившие восьмилетку.

Именно такой отличницей была и Зина Додон, которую я застал за очень важным делом — она сваривала решетку для ограды спортивного комплекса.

— Почему вы избрали такую горячую профессию? — спросил я.

— Раньше я любила шить,— улыбнулась Зина,— уж очень интересно было видеть, как лоскутки превращаются в платье. Однажды я наблюдала, как из лоскутков собирали дом. Оказывается, и здесь без швеи-электросварщицы не обойтись! Решила заменить иглу сварочным аппаратом...

Я отправился осматривать тот самый спортивный комплекс, ограду к которому делала Зина. Огромный спортивный зал, отличное футбольное поле, баскетбольные и волейбольные площадки, зал для борцов и боксеров... А чуть поодаль корпус учебных мастерских. Мы заглянули в столярный цех. За верстаком молоденький парнишка не спеша, с какой-то осанистой степенностью орудовал рубанком и стамеской. Потом отложил инструменты и начал варить клей: смотрел его на свет, нюхал, проверял вязкость.

Мы пошли в другие цехи: электромонтажный, сантехнический, отделочный. А когда снова заглянули в столярку, в руках молодого краснодеревщика был отличный табурет.

— А садиться на него можно будет, не развалится?

— Слона выдержит! — бросил Гриша Дони — так звали будущего мастера.— Мне еще дядя Гриша говорил: «Главное для столяра — твердая рука и теплый глаз».

— Как это понять: теплый глаз?

— Ну, значит, делать надо не только прочно, но и красиво, чтобы глаз радовался. Это тоже дядя Гриша говорил.

— Кто он, дядя Гриша?

— Сосед. Я приехал из села Гордынешты, а рядом с нами жил столяр-краснодеревщик дядя Гриша. Он-то и посоветовал поступить в это училище.

Есть в ГПТУ-3 несколько групп, в которых учатся только девушки. Не знаю, в чем тут дело, но ни один юноша не избрал профессию штукатура-маляра.

Мы зашли в общежитие. Представьте пять просторных комнат, совершенно одинаковых по размеру и планировке и абсолютно непохожих одна на другую. В первой комнате на стенах — буйство красок, много солнца, зелени и спелого винограда. В другой — строгие, неяркие тона, поздняя осень, улетающие аисты. Вот, оказывается, какой интересной может быть профессия штукатура-маляра! Девушки сами придумывали рисунки, изготовляли трафареты, подбирали краски и превращали стены своих комнат в сады и виноградники.

Чтобы увидеть, как работают слесари-электрики, пришлось шагать на самую окраину Ботаники. На днях здесь сдали новый дом, и в электропроводке участвовали Гриша Боцан и Емельян Сажин. Опускался вечер, и во многих окнах зажглись огни. Я представляю, как приятно ребятам пройти мимо этих светящихся окон и с гордостью думать, что это они дали новоселам свет. Гриша и Емельян в тот день устанавливали уличные фонари.

Длинный разговор был у меня с директором училища И. И. Шимко. Речь шла о проблемах, которые приходится решать в связи с переходом на новую систему обучения.

— Наш эксперимент показал, что пересматривать надо очень многое. Взять хотя бы проблему самоокупаемости училища. В течение года мы должны заработать ни много ни мало 200 тысяч рублей! А единственный источник дохода — работа учащихся во время практики. Вот и получается, что во имя выполнения плана мы частенько нарушаем учебную программу. Допустим, штукатуры-маляры должны осваивать малярное дело, а в это время на стройке много штукатурных работ. Можем мы пропустить такую возможность заработать? Ни в коем случае.

Проблемы, проблемы, проблемы... И каждую вовсе не просто решить. Где, например, взять квалифицированных преподавателей? Обыкновенный школьный учитель тут едва ли справится, нужен, скажем, инженер-электрик, но с педагогическим талантом. А мастера? Мастер — он и воспитатель, и руководитель, и, самое главное, знаток своей профессии. Причем не просто хороший практик, а практик с хорошей теоретической подготовкой. Десятикласснику мало показать, как соединить провода или подобрать колер краски, ему надо объяснить, почему это делается так, а не иначе, какими законами оптики или электротехники руководствоваться.

— Или вот еще проблема — продолжает И. И. Шимко.— Как правило, в наши мастерские поступает старое, списанное оборудование. Освоят его ребята, набьют, как говорится, руку, потом придут на завод или стройку, а там все другое, новое и незнакомое. Естественно, приходится переучиваться. Разве это правильно?

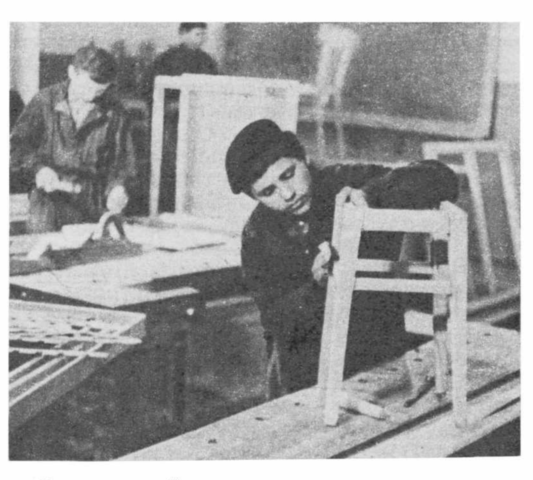
Любой эксперимент для того и нужен, чтобы решить самые разнообразные проблемы, которые приносит с собой новинка. Именно с таких позиций и следует подойти к молдавскому профессионально-техническому училищу.

А пока учащиеся ГПТУ-3 бегают на лекции, корпят в мастерских, и каждое утро их будит старая песенка трудовых резервов: «Пройдут года, настанут дни такие, когда советский трудовой народ вот эти руки, руки молодые руками золотыми назовет».

◀ **В классе программированного обучения царствует электроника: вопросы задает машина, отвечать надо машине, оценку выставляет тоже машина.**

...РУКАМИ ЗОЛОТЫМИ НАЗОВЕТ

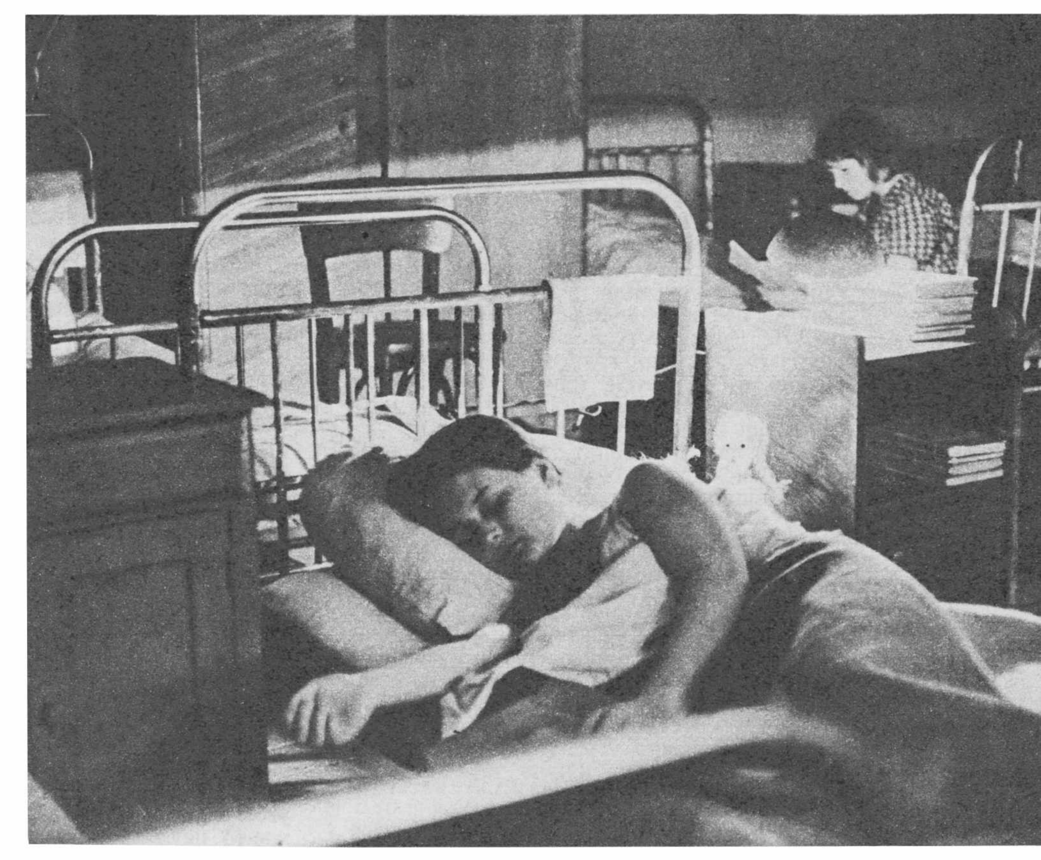
Еще мгновение — и в руках Зины Додон вспыхнет тысячеградусное пламя электросварки.

С верстака Гриши Дони сходят самые красивые и прочные табуреты.

Последний штрих — и дом готов.

Так заканчивается день.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Рисунок В. Юдина.

Закон времени

Как всегда, к матовым стеклам раздевалки с проскобленными дырочками прижимались ребячьи любопытные носы и тут же, вспугнутые кем-то, исчезали, чтобы через минуту прилипнуть снова. Как всегда, доносилась, будто откуда-то из очень далекого далека, музыка, гремевшая там, в огромном просторе стадиона.

Как всегда... Было лишь одно необычное обстоятельство. В этот сырой, с дождем и порывистым ветром вечер он, Григорий Любушкин, готовился к последнему в своей долгой футбольной жизни выходу на поле. Да и то была это пустая формальность. Он только появится на поле, введет символически мяч в игру. Потом судья остановит матч, и по радио будет торжественно объявлено...

До чего ж все-таки коротка жизнь в спорте! Беспощадно коротка и несется удивительно быстро. Наверное, как всякая вообще молодость? Наверное. Но, право, не легче ему, Григорию Любушкину, от сознания, что все на свете стареет, что и до него удивлялись, грустили и негодовали люди, заметив нежданно-негаданно: молодости уж нет. Не легче от сознания, что и впредь, всегда будут люди грустить и негодовать: «Давно ли? Кажется, только вчера...» Слабое это утешение: понимать, что твоя потеря отнюдь не исключение.

Давно ли? Вот сидит, вытянув сильные, в многочисленных белых шрамиках ноги, постаревший футболист. Вокруг него привычно и вроде буднично готовятся к игре его дружки-приятели. Они делают вид, будто ровным счетом ничего сегодня не случится особенного, что их Гриша Любушкин действительно, как написано во вчерашней спортивной газете, не уходит с футбольного поля, что остается с ними, разве только меняет назначение: был футболист, нападающий, становится тренером.

Что тут грустить? Это почетно и совершенно естественно. Ты, Марат, открытая твоя душа, вовсе не нужно тебе поглядывать исподтишка на Григория такими несчастными, тоскующими глазами, будто человека хоронят. Еще, не дай бог, это заметит твой хороший друг, а ему и так несладко... Надо, чтобы все было совсем просто, обычно. И это самое нормальное дело, что Валька Истомин натягивает футболку с номером «12», каждый раз кто-то натягивает футболку запасного, на тот весьма вероятный случай, если кто-то в ходе матча получит травму или по иной какой-нибудь причине покинет поле. Валька держится сейчас отлично, с полным тактом. У него совершенно равнодушная физиономия, он даже позевывает и потягивается, будто недоспал, и только, если подойти к парню очень близко и ненароком заглянуть в сияющие глаза, можно увидеть затаенное — пугливую радость и надежду: кажется, дождался своего часа!

Что ж, Вальку можно легко понять и, поняв, простить. Без обиды, без досады старается думать о нем Григорий Любушкин. Давно ли он сам точно так же разыгрывал показное равнодушие, скрывая с трудом надежду, что вот сегодня, именно сегодня, тренер наконец скажет: «Центральным нападающим заявим на игру Любушкина...»

Григорий помнит, кого он тогда сменил на поле. Еще бы ему не помнить!.. Самого Всеволода Федосова. Из тех великих, которые потрясали своим мастерством Лондон и Париж, Вену и Стокгольм, кого считали за честь пригласить в сборную мира. Григорий отлично помнит, какой бурей восторга встречал стадион одно только появление на поле знаменитейшей «девятки». Как он играл! Григорий видит перед глазами один эпизод. Хорошо закрученный мяч стремительно летел с края на полуметровой высоте от земли. Два защитника кинулись на перехват, и казалось, что ничто не помешает им отбить мяч, ничто не угрожает воротам. И вдруг в мощном, стелющемся прыжке, «бреющим полетом», как метко сказано было в газетном отчете, Федосов головой направляет мяч точно в незащищенный угол ворот! Все это было совершено в какое-то неуловимое глазу мгновение. Какое чувство времени, расстояния, какая замечательная отвага...

Разве ему, великолепному футболисту, хотелось уходить? Разве он не считал дьявольской несправедливостью, злой насмешкой природы то, что движения стали вдруг не так быстры, а дыхание, еще совсем недавно свободное, вдруг стало короче и тяжелей, словно вдвое поубавилось воздуха в мире? И это как раз тогда, когда пришла мудрость опыта.

Григорий прекрасно помнит тот день и руки мастера помнит, неожиданно задрожавшие, когда там, на поле, мастер, сняв свою футболку с номером «9», надел ее под овации трибун на плечи сменившего его юнца.

— Смотри, Гришка,— сказал тогда знаменитый форвард,— осрамишь мою футболку — голову оторву...

Он, наверное, хотел сказать что-то поласковее и поторжественнее, но само собой вырвалось то, что в тот момент думалось.

Давно ли это было! Давно ли тот самый Вячеслав Петрович, который второй уж, кажется, год со свойственной ему деликатностью нет-нет да предложит Григорию стать помощником, возился с новичком, оставался на лишний час после общей тренировки поработать, так сказать, персонально, отточить удар с лета, с любого положения, повторить неудающийся стремительный финт. Учил его, способного, конечно, но вовсе еще зеленого, быть смолоду не послушным первым учеником, сующим в глаза поднятую руку, а дерзким фантазером. Сердился, когда, казалось, должен бы похваливать: «Ты мне что-то свое покажи, свое! А не то, что другими найдено и жевано-пережевано!..»

Давно ли?

В общем, давно. Чего уж там заигрывать с прожитыми годами, сетовать на то, что, мол, хороши они были, да мало их отмерено. Все равно не выпросишь лишку.

В последнее время Вячеслав Петрович все чаще называет Григория на людях Григорий Иванович, советуется постоянно и умело намекает на то, что не сегодня-завтра

Из повести «Футболист», выходящей в издательстве «Физкультура и спорт».

Григорий станет его правой рукой. Конечно, Вячеслав Петрович и прежде относился с уважением к Любушкину, стараясь всячески укрепить его авторитет капитана команды. Но почему-то всегда так выходило, что Григорий не имел своего собственного мнения, точнее, не умел да, пожалуй, и не пытался отстоять мнения, хотя порой оно и возникало и казалось единственно верным. Как получилось, например, с теми ребятами, которых предложил отчислить из команды Вячеслав Петрович? Год прошел с тех пор, но Григорий так до сих пор понять не может, отчего, вместо того чтобы спорить, он малодушно, сам того не ожидая, согласился с Вячеславом Петровичем, что дурную траву надо действительно с поля вон... Дурную траву! Была ли она такая уж дурная? Всего-то было греха, что выпили чудаки по случаю дня рождения одного из трех... Правда, зря, что произошло это в чужом городе, на выезде, что, выпив, болтались по улицам, затесались сдуру к каким-то девчатам и в довершение всего едва не опоздали к поезду. Но ведь повинились же, просили у всех прощения, всплакнули даже... Он, Григорий, не был добреньким, нет, не был! Не он ли первый на правах капитана и старшего отчитал несчастных гуляк так, что они едва живыми выскочили из купе и до самой Москвы прятались на своих полках, побаиваясь даже появиться в вагон-ресторане, куда все пошли обедать. Выгонять их из команды? Нет, с этим он, Григорий, согласиться никак не мог. Они же в первый раз! Два дня готовил Григорий свое выступление в защиту провинившихся.

А что же получилось на обсуждении? Встал Вячеслав Петрович, заговорил. И пока он говорил, проникновенно, с хорошо скрываемым волнением, о высоком и славном имени — спортсмен, о ничем не запятнанной чести одного из старейших футбольных клубов, в котором им всем выпало счастье находиться, линяли все до единого доводы и возражения Григория. Ведь именно к нему, Григорию Любушкину, равно, как и к другим ветеранам команды, обращался Вячеслав Петрович, вызывая в памяти самые трудные, самые яркие эпизоды в большой жизни «Авроры».

— Я к тебе обращаюсь, Григорий Иванович,— говорил тогда Вячеслав Петрович и ловил пристальными, грустными глазами взгляд Григория.— Помнишь, в каком состоянии играл ты матч с «Динамо», матч, который решал: быть или не быть нам в классе «А»? Я как сейчас слышу: «Категорически против!» — заявил врач. А ты что на это?..

Еще бы, такое не помнить Григорию! Ему накануне крепко нездоровилось, поднывал правый бок, простывший, наверное. Все тело казалось битым и ломаным. Померил тайком температуру: что за пропасть, ртуть подползла к 39!.. Полночи ставили ему банки ребята, стащив из медицинской комнаты, укрывали чуть ли не двадцатью одеялами, чтоб пропотел. Вроде помогло, прояснилась голова. Только вот слабость... И надо же было попасть на глаза врачу! Обычно Матвей Осипович не очень приставал с осмотром. За многие годы работы с командой знал, старый, каждого, как говорится, наизусть, знал, что здоровы, в общем, ребята, как буйволы, и, кроме частых травм голеностопов, коленных чашечек и прочего такого, в медицинской помощи не нуждаются. А тут — типично выраженная простуда, да еще какая! Глаза у Гришки красные, осовелые... «В постель! Играть? Забудь и думать...» Но он все-таки играл. Не мог не играть в такой день, когда все решалось. Разругался страшно с Вячеславом Петровичем, кричали друг на друга, чего никогда не бывало: «Выйду!» «Не выйдешь!» «Выйду!..» Уламывал Матвея Осиповича: «Поймите, все зависит от нервов, верно?! Так я же только на поле вылечусь враз!..» Словом, играл. И безусловно ни до этой игры, ни после не чувствовал такой чудовищной волевой собранности, такой нацеленности: забить! Ничего не слышал вокруг себя, ничего не видел, кроме стремительно меняющихся ситуаций на поле, предугадывая неистово обострившейся интуицией возможное их развитие. Он не мог не забить гола! Просто не мог... Это, пожалуй, вернее всех уловил динамовский вратарь! Он все время кричал защитникам тревожное: «Следите за Любушкиным!..» Не уследили. Да и как могли? Без мяча метнулся Григорий влево. Кто мог подумать, что именно туда отскочит мяч? Никто! Кроме самого Григория!.. И как ладно лег мяч на ногу, точно на подъем: будь хоть три вратаря — не взять!

...Нет, прав, чего уж там, Вячеслав Петрович. Слишком многое отдано, слишком многое пережито вот в этой футболке, чтобы позволять всяким бражникам, пришедшим на готовенькое, позорить самое для тебя, спортсмена, дорогое. Дурную траву с поля вон. Как тут не согласиться с Вячеславом Петровичем?

Теперь придется работать вместе. И, понятно, надо будет с самого начала повести себя так, чтобы у Вячеслава Петровича не возникло представления, будто он, Григорий, став вторым тренером, будет только поддакивать. Нет уж, при всем почтении к Вячеславу Петровичу, его футбольной эрудиции и все такое есть у Григория свои идеи. Их он будет отстаивать твердо.

Они выходили, как всегда, под звуки футбольного марша, ставшего до того привычным и необходимым, что если б вдруг по каким-нибудь причинам не раздался он на стадионе, все — футболисты и зрители — почувствовали бы, что недостает чего-то очень важного. Замечательно пришелся ко двору этот марш, подчеркнув лишний раз, сколь полно и верно может отражать музыка настроения человеческие. Особая внутренняя приподнятость, собранность, бодрость, предвкушение большого волнения звучали в марше. И, хорошо зная, что придется ему пробыть на поле всего лишь пять минут, что потом уж без него развернутся события, всем телом своим, всем горячим сердцем спортсмена ощущал Григорий Любушкин и эту бодрость, и собранность, и взволнованность, и радость, никогда не проходившую, оттого что именно он ведет за собой соратников, товарищей по борьбе, готовых, как и он, вложить душу, всю без остатка, в предстоящий сейчас трудный, изнуряющий спортивный поединок.

Там, в самом центре ярко-зеленого, в мощном свете прожекторов, футбольного поля ждали появления футболистов судьи сегодняшнего матча. Черные спортивные костюмы и белые воротники придавали судьям, как это и надлежало, строгость и официальность, не чопорную и отрешенную от происходящего, но такую, что невольно и властно вызывает уважение и убеждает в серьезности происходящего.

Сегодня матч должны были судить старые знакомые Григория Любушкина. С одним из судей на линии, Сергеем Витальевичем Евстафьевым, инженером одного из московских заводов, Гриша еще успел поиграть вместе, правда, в самом начале своего футбольного пути. Знал Григорий и судью на поле Андрея Гавриловича Митропольского. И, зная много лет, не переставал удивляться тому, какая сила заставляла этого почтенного, в годах, известного ученого-математика, кажется, доктора наук, судить футбольные матчи, пробегая порой в грязь, в дождь, в холод по многу километров, тратя бездну нервной энергии? Разумеется, не скупой до крайности гонорар, который получают за проведение матча судьи, мог привлечь Андрея Гавриловича! Тогда что же?

Оставалось одно — любовь к футболу. Григорий никогда бы не решился спросить об этом самого Андрея Гавриловича, но подозревал, что ответил бы судья именно так и, наверное, поэтому с особенным, искренним уважением относился к этому человеку.

— Побежали? — сказал Григорий, обернувшись, как он всегда это делал, к капитану команды-соперника.

— Побежали! — кивнул тот.

И даже эта, вовсе не значительная подробность перед матчем показалась сейчас Григорию полной какого-то хорошего смысла, чего и выразить словами нельзя. Было в ней что-то дружеское, мужественное и честное, потому что ведь оба капитана отлично представляли себе, как через две или три минуты начнется непримиримое сражение. Но разве это мешало им быть откровенно приветливыми и расположенными друг к другу?

Все было как всегда. И вместе с тем все было сегодня для Григория необычайным. С необыкновенной остротой воспринимал он громадность стадиона, грохот аплодисментов, пронизанный там и здесь свистом, неизбежным и постоянным, но сегодня каким-то чужеродным и вовсе не уместным. Казались Григорию необыкновенно таинственными и почти весомыми потоки света, с косыми струями дождя, властно выхватившего из скучного осеннего ненастья над городом именно этот клочок земли. И тесно обступившие поле трибуны, почти неразличимые отсюда, но, угадывалось, переполненные до края, рокочущие глухо и беспокойно, и вспыхивающие повсюду быстрые желтые огоньки зажигалок и спичек, и белесые, всплывающие там и здесь слоистые облачка папиросного дыма — все, страшно знакомое, казалось сегодня Григорию в последний его вечер на футбольном поле словно увиденным в первый раз.

Стремителен ход нашей мысли. Пока Григорий Любушкин неторопливо бежал во главе своей команды к центру поля, он успел удивиться, что, пожалуй, никогда с такой жадностью не воспринимал всю эту грандиозную картину стадиона в день футбола и, успев удивиться, успел и пожалеть о том, что никогда почему-то не обращал внимания на то, что делается вокруг, не умел охватить разом красочности и своеобразия шумного, то огорченного, то счастливого мирка откровенных страстей, в котором они, футболисты, эпицентр.

Сегодня чуть крепче, чем всегда, пожали ему руку судьи. Чуть крепче, чем обычно, пожал Григорию руку и капитан команды-соперника лобастый и поджарый Остап Малышко.

— Здорово, Иваныч! — сказал Остап.

— Здорово, Остап! — отозвался Григорий.

Чуткий народ, свой. Знают отлично, что произойдет через пять минут после начала игры, заранее же все обговорено. Однако никакого отклонения от обычного, разве что вот руку пожали теплее и крепче. Все так же серьезно достает из кармана Андрей Гаврилович серебристую монетку.

— Выбирайте! — говорит он Остапу. Его команда гость, ей и право выбора.

— Орел! — не задумываясь говорит Остап.

Андрей Гаврилович ловким щелчком, с неожиданной, какой-то мальчишеской удалью подбрасывает монетку. Она падает в мокрую траву и падает как по заказу — орлом вверх.

Со стороны для не посвященного в футбольные ритуалы человека вся эта процедура выглядит наверняка пустой забавой. Подумаешь, монетка! Какая разница — ляжет она орлом или решкой? Все равно ведь будут играть в футбол, и ясно, что тот, кто играет лучше, победит... Но пятеро стоящих в центре поля вполне взрослых мужчин относятся к монетке с полной серьезностью. Как она того и заслуживает. Они могли бы, между прочим, рассказать непосвященному, иронически настроенному человеку, как такая монетка решала судьбу европейского первенства... Остап был рад, что получил право выбора. Он выбирает ворота, в которых в первом тайме встанет их вратарь. Ветерок сегодня не шквалистый, конечно, однако существенный. Дождь идет, грунт мокрый, скользкий, мяч скоро отяжелеет и тоже станет скользким — тут лучше первый тайм играть по ветру.

— Везет тебе, Остап! — кивает Григорий.— Каждый раз везет.

Что ж, пора начинать. Все на своих местах. Меряют вратари быстрыми шагами давным-давно измеренную ими ширину ворот, поправляют торопливыми движениями перчатки, натягивая их потуже на пальцы.

Не оглядываясь, наверняка знает Григо-

рий Любушкин, как подбирается поближе к центровому кругу, переминается Валерик Мамаев в расчете, что ему через секунду-другую отпасуют центровые мяч. До чего ж Валерка любит игру! Девяносто минут матча кажутся ему, ненасытному, обидно короткими. «Еще бы таймик!» — мечтает он, тогда как и так впору язык на плечо... Азарт его охватывает сразу и не отпускает до тех пор, пока Валерий не протрет как следует под душем свою бедовую белую голову. В раздевалку приходит с поля бледный, с впалыми щеками, что называется, выложился весь, без остатка. С ним тут лучше не заговаривать — все равно ничего толком не поймет. Однако ж при всем своем непобедимом азарте, железной хваткой держит самообладание парень, и видит все, и смекает мгновенно, и, уж если владеет мячом, черта с два отдаст в борьбе один на один, запутает финтами, заморочит голову...

Посмотрел Андрей Гаврилович на табло, потом на свой секундомер. Сейчас он поднимет руку, призывая к вниманию своих помощников и даст сигнал к началу.

Покосился Григорий направо — как всегда, непроницаемо, холодно красивое лицо Виктора Утина, напарника, центрового. Интересно, менялось ли когда-нибудь это холодное выражение на лице Витьки? Что-то не помнит того Григорий. Даже когда забивает гол и все ребята, как это повелось в последние годы, бегут обнять, поздравить друга, Виктор вроде бесстрастен: «Ладно, хватит... Подумают, уж такая редкость...» А ведь на самом деле парень как парень, и никакой он не истукан. И ничуть не холоден. Помнит Григорий, как в раздевалке после глупейшего проигрыша абсолютно своей игры, все повторял и повторял Виктор: «Моя вина... Только моя!» — И слезы стояли в глазах — не забил пенальти.

Сейчас Григорий Любушкин легким движением пошлет Виктору мяч. В последний раз, наверное, если, конечно, не будет забит в эти пять минут гол. Там, в ложе, где сидят тренеры и запасные игроки. глядит, небось, неотрывно на поле тот, почти мальчишка, которому суждено сменить его, Григория Любушкина. Тепло подумал о нем Григорий: то-то ерзает там, стервец, а ведь на поле выбежит как ни в чем не бывало, подтянутый, собранный, будто это вовсе не он только что кусал в забвении губы, будто не ему говорили: «Спокойнее, Валентин, спокойнее...»

Но вот и сигнал к началу.

Коротким движением посылает Григорий мяч вправо, так, чтобы тот лишь слегка пересек белую черту, вошел на чужую территорию.

Виктор быстро, уверенно, не глядя, отдал мяч назад. Мяч у Валерия. Вроде бы без мысли, вроде бы случайно, на самом же деле по строго продуманной импровизации, возможной, вероятно, только в футболе, стремительно задвигались, перемещаясь, овладевая всем немалым пространством чужой половины поля, партнеры Григория. И вовсе забыл Григорий Любушкин об этих проклятых пяти минутах, ему на сегодня отмеренных. Вылетели они в миг из головы!

Игра без мяча... Многие ли из тех, кто сидит на трибунах, хорошо видят ее на поле? Глаз наш, зрительский, привык схватывать то, что происходит в непосредственной близости к мячу. Это естественно. Но как же мы обедняем наши впечатления от матча в целом, сколько интересных замыслов, стремительных игровых эпизодов, возникающих здесь и там, проходит мимо нашего внимания! Поистине, быть может, сотую долю игрового содержания видим мы в своем нетерпеливом желании как можно скорее дождаться кульминации, тогда как именно сложнейшая подготовка к ней и есть футбол. Сколько мгновений футболист касается мяча? Ничтожно мало... И сколько километров пробегает, сколько совершает за девяносто минут атлетической работы? Усилия эти огромны!

Всю свою бурную футбольную жизнь Григорий Любушкин любил эту игру без мяча, игру тонких замыслов, обманных маневров, и, пожалуй, трудно было назвать мастера, умеющего так, как это делал он, запутать своего «сторожа», а то и двух и трех. Отлично понимая, что успех нападения зависит в самой решающей степени от внезапности возникающей опасности, понимая также, что безвозвратно ушло время могучих и несколько медлительных защитников, Григорий ревниво до сварливости требовал от своих партнеров той же любви к постоянному широкому и неожиданному маневрированию без мяча, утверждая, что для этого все футбольное поле, от ворот до ворот, должно казаться тесным. Он не призывал при этом ребят носиться, высунув язык, по всему полю, творя никчемную и бессмысленную работу, после которой и свет не мил. Он звал к коллективному, умному игровому творчеству, к тому, чтобы каждый участвовал в нем, чтобы никто не чувствовал себя сторонним наблюдателем в тот момент, когда кто-то из команды владеет мячом. Он искренне огорчался и надолго становился мрачным, если посланный им, казалось, наугад мяч, не находил адресата, почему-то не понявшего замысла Григория, или попадал к партнеру, когда того уже подстерегал игрок команды-против ника. «Где ж ты был? — негодовал Григорий.— Ведь ясно же, куда я могу отдать пас!.. Он искренне радовался всякий раз, когда посланный им мяч вовремя подхватывался партнером, свободным от досадной опеки, и проходила задуманная им острая комбинация. Как истинный мастер футбола, Григорий Любушкин рассчитывал на три-четыре хода вперед возможное развитие наступательных действий и вел себя при этом так уверенно, словно обладал способностью видеть то, что делается на поле впереди, сзади, сбоку.

...Сейчас Григорий сразу и самозабвенно увлекся представившейся возможностью порядком потерзать старого приятеля и соперника, высокого жилистого защитника Богдана Дичка. Слыл Дичок, и с полным на то правом, защитником, пройти которого не может и невидимка. Кажется, Богдан вообще был не способен принимать всерьез ни один, пусть самый правдоподобный финт. Он просто не замечал их! Он видел только мяч. Дичка вроде бы нимало не заботили маневры и хитрости противника. Но каждый раз, когда к нападающему, за которым он следил, кого опекал без какой бы то ни было навязчивости, попадал мяч, Дичок непостижимым образом оказывался рядом и непомерно длинной своей и какой-то гибкой ногой буквально выцарапывал мяч у соперника, не оставляя тому никаких иллюзий, будто можно, в свою очередь, отобрать мяч у него, Дичка.

Очень ценил Григорий эти встречи на поле с Богданом. Знали они друг друга — лучше некуда. Однако каждый матч был для обоих заново начатым соперничеством, азартным и увлекательным.

И нарочно ли так подстроили ребята или обстановка, сложившаяся на поле, тому причиной, только в самый напряженный момент вновь возникшего страстного единоборства этих двух великолепных мастеров, когда оставалась ровно одна секунда до свистка, Григорий Любушкин оставил за спиной Богдана, и никто и ничто уж не могло помешать ему «выстрелить» по воротам!

Гол!

Мастер поставил точку в конце своего футбольного пути.

И весь в порыве, разгоряченный, побежал к центру поля.

Нет... Прозвучал долгий свисток. Григорий понял: пора передавать майку тому, кто уже выбежал на гаревую дорожку.

Закон времени... С ним спорить нельзя.

„Лицом к огню“

Эльвира ПОПОВА

В течение нескольких месяцев каждое утро возле «Уралмаша» из трамвая выходил коренастый человек с плоским деревянным ящиком через плечо. В ящике — краски и кисти. Владимир Александрович Игошев, народный художник РСФСР, профессор, известный уральский живописец, ехал на работу.

Дорога на завод-гигант совсем не случайно продолжила длинный уже список творческих маршрутов: Ханты-Мансийский национальный округ, Памир, Закарпатье, Забайкалье, берега Оби, Индия, Турция, Югославия, Сирия, Монголия, Объединенная Арабская Республика...

Первая творческая командировка Игошева после окончания в 1951 году Художественного института имени Сурикова была на Дегтярский рудник, к шахтерам, забойщикам. Художник спускался на все горизонты шахты, присматривался к приемам работы, делал бесчисленные натурные зарисовки, чтобы после правдиво, достоверно рассказать о своих героях.

После Дегтярского живописец увлеченно работал у алапаевских металлургов, чей Дворец культуры с тех пор и украшает его полотно «Сталевары», у каслинских литейщиков... И вот знаменитый «Уралмаш»!

Привычным движением раскрыв пропуск, идет художник через проходную в свой цех. Мартеновский. В нескольких шагах от печи — отделенная временной перегородкой от цеха его мастерская, с натянутым на подрамник большим — 2,10 × 3,50 метра — холстом. В короткие перерывы, пока печь справляется с работой сама, заглядывают за перегородку мартеновцы и, еще разгоряченные работой, печным жаром, позируют художнику в привычной, характерной для каждого позе. Ее подсмотрел не одну неделю наблюдавший за своими моделями художник. Так постепенно отлаживался общий для живописца и его героев трудовой процесс.

— Работать с этими парнями было одно удовольствие,— рассказывает Владимир Игошев.— Рядом с ними нельзя было быть слабым, нельзя было уставать. Ведь кого из них и когда ни спроси: «Устали?»,— услышишь в ответ непременное: «Нет, что вы...»

Картину художник писал прямо в холст. Без этюдов. Чтобы не засушить, донести до зрителя живое чувство присутствия возле гигантского мартена. Чтобы величавую правду труда не исказить постановочностью, неудачным домыслом.

— Когда в самом царстве кипящего металла я собственными глазами увидел, как работают эти сильные, умелые, бесстрашные люди, с которыми очень быстро подружился, я понял, что какой бы то ни было сюжет мне будет мешать. Чем крепче я вживался в тему, тем определеннее становился ответ: на моем холсте встанут не сталевары вообще, а знакомые мне парни с настоящими именами и биографиями.

Я как бы остановил моих сталеваров, освещенных пламенем, в последний, самый ответственный момент доводки перед пуском. В центре, разумеется, встал Владимир Иванович Афанасьев — сменный мастер, командир. Сосредоточенно и напряженно он

В. Игошев. ЛИЦОМ К ОГНЮ. МАРТЕНОВЦЫ УРАЛМАША.

В. Игошев. МОЛОДОЙ РЫБАК ХАНТЫ.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Николай СИЗОВ

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Пользуясь теплой погодой и выходным днем, москвичи устремились в парки, на пляжи, за город, а кто постарше — в зеленые уголки дворов, на бульвары и в скверы. Золотые, солнечные блики на песчаных дорожках, зеленые шатры лип и акаций, детский смех, поминутно вспыхивающий то тут, то там, создавали здесь какую-то уютную, почти домашнюю атмосферу. И даже гулкие удары костяшек домино о фанерные столы, доносившиеся из-за кустов, не раздражали людей, не портили их спокойного настроения.

У майора Дедковского тоже был выходной день, и он твердо решил не ходить сегодня на службу на Петровку, а погулять вот так, бесцельно по солнечной летней Москве, потом пойти в кинотеатр и посмотреть новый фильм.

По Тверскому бульвару не спеша шли мужчина и женщина. Сухой, подтянутый, средних лет человек в светло-сером костюме и его спутница в свободном платье с легким воздушным шарфом на пепельных волосах показались ему знакомыми. Сразу вспомнить их он не мог, хотя настойчиво пытался это сделать.

Шли они под руку, лишь изредка обмениваясь двумя-тремя негромкими фразами. Лица были спокойны, но сосредоточены на чем-то для них очень важном, на одной всепоглощающей мысли. И какая-то затаенная боль, глубокая печаль была во взгляде обоих. Только тяжкая, непоправимая беда оставляет такой след на лицах людей.

— Извините, я не могу вспомнить, где мы встречались? — обратился майор к мужчине.

Супруги переглянулись, как бы советуясь, вступать ли в разговор с незнакомым человеком. Затем мужчина, вежливо улыбнувшись, проговорил:

— Кажется, действительно... встречались, но где — тоже не помню. Чернецовы. Леонид Александрович. Валентина Сергеевна... Может быть, это вам поможет?

Да, конечно, фамилия Чернецовых майору была знакома.

Припомнилось вдруг все, что было связано с нею. И уже не надо было доискиваться причин, почему тоска, душевная боль видны были на лицах этих людей, почему они кажутся связанными с каким-то тяжким воспоминанием.

Случилось это пять лет назад. В большом жилом доме, что в Ключевом переулке, начался пожар. Через четверть часа к дежурному по городу поступило новое сообщение: квартира Чернецовых, где начался пожар, ограблена, на диване обнаружен труп мальчика...

Работники оперативной группы Московского уголовного розыска, прибывшие к месту происшествия, были озадачены. Руководитель группы майор Дедковский и его помощник старший лейтенант Агапов осмотрели каждую вещь, каждый уголок квартиры. И ничего существенного, что дало бы хоть малейший шанс для успешных поисков, не обнаружили. Огонь, дым, вода уничтожили все следы.

А убийцу или убийц надо было найти. Найти в кратчайший срок.

Поздним вечером в кабинете начальника МУРа собрался весь состав опергруппы и несколько наиболее опытных оперативных работников из отделов.

Версий было выдвинуто несколько. Все они всесторонне и тщательно обсуждены, взвешены. Временно отставлены в сторону наименее весомые, те, что зиждились на догадках, интуиции, предположениях. Оставалось две.

Версия «Ренита» стояла в оперативном плане под номером первым.

Около года назад из квартиры Чернецовых выехала их бывшая соседка — Ренита Токарева. Трудное это было соседство. Безудержное веселье, песни и танцы чуть ли не до утра, царившие в ее комнате, не очень устраивали тихую семью Чернецовых. И знакомые Токаревой тоже были не из тех, кто мог вызвать симпатию. Развязные, самоуверенные, шумные, всегда навеселе, молодые и не очень молодые люди доставляли Чернецовым немало беспокойства.

Когда в жилотделе Токаревой предложили комнату в другом районе, чтобы улучшить условия и ей и Чернецовым, она долго шумела о «темных махинациях» соседей, писала длинные заявления в район и выше, но в конце концов согласилась на переезд. Приятели, помогавшие перевозить Рените вещи, многозначительно пообещали Чернецовым, что они еще обязательно встретятся.

Было вполне естественным, что возникла версия о возможной причастности Токаревой и ее окружения к трагедии в Ключевом.

Найти адрес Токаревой труда не составляло. Но дома ее не оказалось. Как сообщили соседи, она уехала, кажется, под Ярославль, к родственникам. Точно они, однако, сказать не могли. В ателье меховых изделий, где работала Ренита, подтвердили: действительно, Токарева получила пятидневный отпуск за переработку. Место ее рождения? Пожалуйста. Но туда ли она уехала, никто не знал.

События в Ключевом переулке произошли второго апреля, Токарева ушла в свой

ждет момента, когда пойдет готовая сталь. Рука мастера на плече богатыря Анатолия Серебрякова. Это атлет, смельчак, душа человек и воплощенная энергия, помноженная на отвагу. Во всем на него можно положиться. И мне не было от Анатолия никогда отказа. В выходной ли, после смены — надо, значит надо — приходил он за перегородку, надевал свою видавшую виды робу, клал сильные руки на пояс... Только однажды пришел, гляжу — нос у модели моей весь в ссадинах, лупится, брови, ресницы опалены. Что такое?! Оказывается, понадобилось срочным порядком печь ремонтировать, полез в нее сталевар почти в горящую...

Слева, за плечом сменного мастера, встал у меня, как полагается по трудовому рангу, другой сталевар — Николай Пименов, крепкий, ладный, подтянутый блондин, очень спокойного характера. Флотский ремень надет на нем не для шика и не случайно: примерно в одно время с Анатолием Серебряковым служил Николай на флоте. Море закаляло отвагу, выдержку, дисциплину сталеваров-уральцев.

Добродушный, чуть флегматичный Василий Кузеванов по праву ждет во всеоружии перед печью конца плавки. В нужный момент ему только защитные очки спустить — и откроет первоклассный, на весь Урал прославленный сталевар дорогу огнедышащему потоку новорожденного металла. Фотография Василия Кузеванова уже не один год на заводской доске почета, а недавно его наградили орденом Трудового Красного Знамени. По стопам Василия идет и его молодой подручный Володя Пастухов, у которого, быть может, не меньшая слава впереди.

Но за все пять месяцев, пока работал у мартеновцев художник, так и не одолел застенчивость самый тихий и молчаливый и самый старший из шестерых — Василий Андращук. Все сталевары держались в сторонке, и с лица каждого не сходило удивление: почему меня? Но этот неутомимый работяга, мастер своего дела особенно долго не соглашался позировать.

— Только рукою молча машет,— рассказывает художник.— Одним я его заманил — разговорами о Закарпатье, о родном Ужгороде, откуда приехал Андращук на Урал еще в войну, да здесь и осел. А мне приходилось бывать и работать в его родных местах...

Я вложил в эту картину все самое лучшее, что узнал о людях, что прожил, пережил, перечувствовал с ними. Глядя каждый день на этих богатырей, спокойно и уверенно управляющихся с расплавленной лавиной металла, я невольно вспоминал их отцов и старших братьев, моих фронтовых товарищей. Так же не дрогнув, стояли они, но не перед мирным, трудовым, а перед смертоносным огнем войны. Я не случайно выбрал для картины мажорную гамму — красные, горячие тона. Мне хотелось, чтобы зритель, встретившись с картиной, увидел перед собой не только вот этих шестерых замечательных героев, а всех, кто стоит на передовой линии битвы за человеческое счастье, за счастье Родины. Потому что и в мирные дни есть работа, что сродни бою, есть рабочее место на передовой, на линии огня.

короткий отпуск с первого. Случайное совпадение? Возможно...

На следующий день лейтенант Агапов прибыл в Софрино, что в ста километрах за Ярославлем.

Токарева так удивилась его приезду, что долго не могла прийти в себя. Агапов, видя ее смятение, задавал вопросы, один за другим. Почему ушла в отпуск? Когда уехала из Москвы? Что делала и где находилась второго апреля. Почему оказалась здесь?.. «Нет, нет, расскажите подробнее».

— Где была да что делала? А вам-то, собственно, какое дело? Я человек свободный, куда хочу, туда и еду.

— И все-таки объясните, когда уехали из Москвы?

Видя, что лейтенант никак не реагирует на ее гнев, Ренита стала объяснять более спокойно.

— Сюда я уехала первого. Давно собиралась родственников навестить.— Она стала лихорадочно рыться в сумочке.— Вот доказательство!..— И бросила на стол железнодорожный билет.— Билету не верите — у людей спросите. Знают, когда приехала.

Агапов тщательно осмотрел билет. Да, Токарева выехала из Москвы первого апреля, вечером. Но почему она не могла со следующим поездом вернуться в Москву? Проверка, однако, показала, что из Софрина Ренита в эти дни не отлучалась. Ее алиби, таким образом, подтверждалось.

Но версия «Ренита» с самого начала предполагала, что события в Ключевом не обязательно дело рук самой Токаревой. Скорее всего это осуществлено ее приятелями. И то, что она заблаговременно отбыла из Москвы, ничуть не опровергало это предположение, а скорее усиливало его.

Агапов задумался. Уловив на его лице тень сомнений, Токарева перешла в наступление.

— Вы объясните наконец, в чем дело, или нет? Имейте в виду, я завтра же поеду к прокурору. Я честная советская гражданка. Вам это даром не пройдет.

Лейтенант Агапов долго и невозмутимо слушал ее выкрики, а потом, не повышая голоса, проговорил:

— Не надо так шуметь. Мы выясняем обстоятельства убийства Виктора Чернецова. Если вы не причастны к этому,— будем рады. Но шумом и криком тут делу не поможешь.

— Витю Чернецова? Убили?! Да что вы?! За что же его?.. Бедненький.— Токарева, несмотря на страшную весть, облегченно вздохнула. И уже спокойнее продолжала говорить: — С родителями его мы не ладили, это верно, но он-то, парнишка, был хороший. Когда, бывало, заболею, всегда в магазин или в аптеку сбегает. Очень спокойный и хороший был паренек. Кто же это его? И за что, такого мальца?

— За что — понятно. Чтобы концы в воду. А вот кто? Это пока неизвестно.

— Во всяком случае, не Ренита Токарева. Это ясно как дважды два, товарищ лейтенант. Да и как на меня могли подумать такое? — В глазах и голосе Токаревой опять появились возмущение и гнев.

Агапов, нахмурясь, продолжал задавать вопросы.

— Расскажите о своих приятелях. Кто они, где живут, что делают?

— Они не пойдут на такое.

— Возможно. И тем не менее расскажите. И, пожалуйста, детальнее.

Токарева рассказывала о своих друзьях подробно, тщательно, с удивительным знанием всех мелочей. Знала, где кто работает, живет, сколько получает, есть ли семья, кто в долгах, кто нет, кто что купил за последнее время из вещей. Сообщила, кто где находился все эти дни и где находится в данный момент.

...Мрачный, насупленный явился Агапов в кабинет Дедковского и доложил неутешительные итоги своей поездки в Софрино. Дедковский посоветовал заняться тщательнейшей проверкой всего, что касается приятелей Рениты. Но и проверка ничуть не обогатила версию № 1 какими-либо новыми фактами.

Все рассказанное Токаревой подтвердилось, оказалось правильным до деталей. Один второго апреля весь день находился в цеху у себя на заводе, другой лежал в больнице на улице Радио, третий отрабатывал две недели за какой-то дебош в Сокольниках, да и остальные знакомые Рениты в тот роковой день тоже никак не могли быть в Ключевом. Пришлось на версии номер один поставить крест.

Параллельно с версией первой шла отработка второй. Здесь обнадеживающих факторов вырисовывалось как будто больше.

Родители мальчика при первой же встрече в МУРе сообщили, что у них ночевала приехавшая из Орла племянница Людмила.

Переночевала, оставила свой чемодан и затем несколько дней не появлялась. Конечно, они о ней плохо не думают, нет. Но приезжала-то она с молодым человеком. Парень вроде ничего, но, находясь в квартире, вел себя странно, все внимательно рассматривал, расспрашивал. Да и взгляд у него какой-то цепкий, колючий.

Когда после пожара производился осмотр вещей, то был обнаружен чемодан Людмилы. Но не тот, который она оставляла, а меньший, спортивный. Хозяева же точно помнили, что в передней стоял не этот, а большой чемодан, маленький же, когда она уходила, взяла с собой. Значит, Людмила снова была в квартире? Когда? Где Людмила сейчас?

Чернецовы не знали точно, где учится Людмила: то ли в текстильном, то ли в торговом институте. Работники опергруппы установили, что в торгово-финансовом. Установили и другое: да, Людмила Горячева была в институте, «подтягивала хвосты», но уже несколько дней, как ее не видно. Вероятно, уехала. Куда? Нет, этого в институте не знали. В Орел, как было установлено, она пока не возвращалась.

И все-таки еле заметная ниточка, ведущая по следам племянницы, обнаружилась. Одна из жительниц дома в Ключевом сидела в тот день в сквере против подъезда и видела Людмилу с молодым человеком. Они очень торопливо выбежали из подъезда и все ловили такси. Девушка очень нервничала, поглядывала на часы, а юноша успокаивал:

— Ну, велика важность, опоздаем на самолет, уедем «стрелой».

Значит, молодые люди направлялись в Ленинград? Или, во всяком случае, через него — в какие-то другие края. Если, конечно, у них есть причины для этого. А если ребята поехали в Ленинград просто по своим делам?

Выехали туда и Дедковский с Агаповым.

В Ленинграде найти человека, тем более приезжего, дело трудное. Московские и ленинградские оперативные работники рассудили так: если Людмила и ее приятель приезжали сюда для того, чтобы посмотреть город, то искать их надо на ленинградских площадях, около дворцов, в музеях, на выставках, в театрах. Если же по причинам, имеющим отношение к трагедии в Ключевом, то их пребывание более вероятно в местах иного порядка — комиссионных магазинах, скупочных пунктах, на рынках или около них.

Шел третий день поисков. Людмила задумчиво стояла у одной из могил на литераторских мостках Волкова кладбища, когда почувствовала, что кто-то положил ей руку на плечо. Думая, что это ее спутник, она тихо проговорила:

— Сейчас пойдем.

— Да, пожалуйста.

Услышав чужой голос, она резко обернулась. Рядом стояли два незнакомых человека. Людмила удивленно спросила:

— В чем дело?

И, не ожидая ответа, оглянулась по сторонам, позвала:

— Валерий, где ты?

Увидев около Людмилы незнакомых мужчин, парень торопливо подошел и встревоженно спросил:

— Что такое? Что вам нужно?

Дедковский и Агапов не спешили с ответом. Они наблюдали за обоими молодыми людьми. Наблюдали зорко, неотступно. Ведь это очень важно, как поведет себя человек в первое мгновение, когда его настигает то, от чего он так старательно скрывался. Испуг, неприкрытый страх, минутная растерянность во взгляде неизбежны. Потом, когда это пройдет и человек обретает пусть видимое, но спокойствие, мозг его начинает лихорадочно работать, выискивать или вспоминать придуманные заранее объяснения, версии, удивительно правдоподобные истории, призванные убедить, доказать, что претензии к нему — это ошибка, недоразумение и не больше.

Но если человеку вот так положили руку на плечо действительно по ошибке, случайно, то его реакция совсем иная. Вместо испуга — удивление, вместо многословных с многочисленными деталями историй — спокойные, пусть не всегда охотно даваемые, но уверенные ответы на вопросы.

Дедковский и Агапов знали это хорошо и потому так внимательно следили за лицами Валерия и Людмилы.

Валерий явно начинал раздражаться и, взяв девушку за руку, твердо проговорил:

— Пойдем, Люда.

Дедковский, продолжая в упор смотреть на него, тихо проговорил:

— Мы пойдем вместе.

— Почему? Кто вы такие? — резко спросил Валерий, и явно чувствовалось, что этот парень не побоится постоять и за себя и за свою подругу.

Тогда Дедковский показал ему свое удостоверение.

— МУР? Но при чем тут, собственно, мы? А впрочем, если у вас есть к нам вопросы, пожалуйста. Только зачем вот так, играть в шерлок-холмсов? Скажите прямо, в чем дело? — И, обращаясь к спутнице, с усмешкой проговорил: — Людка, мы влипли в какую-то историю. Они из МУРа. Поедем с ними. Вот нам и попутная оказия. А мы с тобой голову ломали, как будем добираться до центра.

В машине начала возмущаться Людмила:

— Может, вы все-таки объясните, что это значит?

— Обязательно объясним, немного терпения.

— Но это же черт знает что!..

Валерий легонько пожал ее руку.

— Спокойно, Люда, спокойно. С МУРом шутить не рекомендуется. Разберутся. Во всяком случае, должны.

В помещении Ленинградского уголовного розыска обстановка строгая, деловая. Людмила и ее спутник присмирели.

— Были ли вы на квартире Чернецовых?

— Да, были.

— Витю видели?

— А как же? Даже кофе он нас угощал.

— Зачем заезжали туда?

— Ну как зачем? Вещи мои там были, чемодан.

— Сколько времени пробыли в квартире?

— Около часу. Потом уехали. Улетели, вернее. Самолетом.

— Постарайтесь вспомнить, когда вошли в квартиру, в какое время вышли?

Людмила наморщила лоб, посмотрела на Валерия, на свои часы:

— Приехали туда около трех, уехали в четыре.

— В семнадцать часов мы уже поднялись в воздух,— добавил Валерий.

— Именно в этот период времени Витя был убит, вещи похищены, квартира подожжена.

Слова эти Дедковским были сказаны спокойно, без каких-либо особых интонаций, но прозвучали, как выстрел. Людмила и Валерий одновременно вскочили со стульев.

— Как?! Витю?! Не может быть! Он же нас провожал... И все просил купить духовой пистолет. И мы купили...— Людмила говорила все это торопливо, нервно, руки ее дрожали.

Валерий укоризненно посмотрел на нее и спокойно, подчеркнуто спокойно проговорил:

— Люда, ну, что ты? Товарищи и впрямь могут подумать, что к этому кошмарному делу мы имеем какое-то отношение.

— А вы знаете, это недалеко от истины,— пытливо наблюдая обоих, сказал Агапов.

— Да вы с ума сошли! — с расширившимися от гнева глазами вскрикнула Людмила.

А Валерий в ответ на слова Агапова нервно, стараясь скрыть свою взволнованность, заметил:

— Вы с таким же основанием можете считать нас участниками ограбления почтового вагона с золотом, что произошло в Англии.

Агапов суховато ответил:

— Даже шутить можете? Это хорошо. Самообладание завидное. Но разберемся. Во всем разберемся. Вам придется кое-что доказать.

— Что, например?

— Ну, хотя бы происхождение вот этого пятна на обшлаге вашей рубашки, которое вы так старательно прячете?

Валерий автоматически, сам того не заметив, повернул руку, прижав злополучное пятно к столу.

— Видите? Вот то-то.

Но Валерий не сдавался.

— Происхождение этого пятна самое банальное. Открывал банку с консервами и порезал руку. Вот посмотрите.— Он положил левую руку на стол. Между большим и указательным пальцами действительно красным рубцом выступал порез.

— Что ж, возможен и такой случай,— спокойно проговорил Дедковский.— Необходимо все тщательно проверить, все исследовать. Вам придется подождать в соседней комнате.

— Подождать — подождем. Но если мы не уедем сегодня, повезете нас в Москву на казенный счет. На билеты мы потратили все, что у нас было.

Это сказала Людмила. И сказала спокойно. Пример Валерия, который держался так уверенно, благотворно подействовал и на нее.

Агапов, читавший какие-то бумаги, поднял голову.

— А я все меньше сомневаюсь в возможности вашей поездки на казенный счет.

Когда Людмила и Валерий вышли, Дедковский после долгого молчания проговорил:

— Знаешь... мне кажется, что это не те, кого мы ищем. Если даже группа крови совпадет... Все равно не те.

Агапов удивленно спросил:

— На чем же основывается эта ваша убежденность?

— Видели мы с тобой убийц, и не раз. Эти не похожи.

— А вы не исключаете, что все это тщательно продумано и прорепетировано? Бывали ведь и такие случаи, верно? Не забывайте обстоятельства ограбления. Похищены деньги, золотые вещи, шуба, платья, отрезы. Деньги и золотые вещи лежали в ящике серванта, который запирался на ключ. Шуба, отрезы, платья — во встроенном шкафу в передней, который тоже всегда запирался. А ключи и от того и от другого хранились в среднем ящике письменного стола, под бумагой. Кто мог знать это? Только кто-то из близких людей. Где же эти близкие? Других, кроме Людмилы, нет.

— Ну, она тоже не такая уж близкая, чтоб знать такие детали... Нет, кажется, мы с вами не на той дорожке. Но вы правы, что проверить мы должны все, все до последней малости. И поэтому сделаем так: исследование пятна на рубашке — по моей части. А вы... Вы вместе с ними поезжайте в общежитие технологического института. Тщательнейшим образом осмотрите вещи.

— Уверен, что кое-что мы там найдем,— живо откликнулся Агапов.

— Думаете?

— Что-нибудь да отыщется.

В вещах студентов, однако, ничего из чернецовских вещей обнаружить не удалось. Группа крови Валерия, однако, была такой же, как и убитого. Дедковский, хмуро посмотрев на вошедшего Агапова, проговорил:

— Группа сошлась. А как твои дела?

— Впустую.

— Ничего?

— Абсолютно.

— Так я и думал,— и тут же сообщил:— Звонил полковник. Приказано завтра утром всем прибыть в Москву.— Затем после некоторого молчания хмуро проговорил: — Убежден, осечка с вещами не случайна. Нет, дорогой товарищ Агапов, не на той мы стежке...

В Москву уехали в ту же ночь. Чтобы скоротать время, Дедковский расспрашивал Валерия и Людмилу о том, что удалось посмотреть в Ленинграде, в каких театрах побывать, что особенно понравилось. Потом опять вернулся к трагедии в Ключевом.

— Расскажите-ка все еще раз, только подробнее.

— А что рассказывать? — ответил Валерий.— Ведь вы обо всем уже выспросили. Ну вот, мы с Витей варили сардельки. Он в холодильнике их разыскал. Съели, выпили по чашке кофе и поехали.

Людмила добавила:

— Витя провожал нас. Все про пистолет напоминал. Даже, когда прощались, на лестничной площадке. Паренек, что к нему пришел, в квартиру его тянет: пора, дескать, уроки делать, а Витя все твердит: «Тетя Люда, не забудьте, о чем я просил».

Агапов в разговоре не участвовал. Перед отъездом в Москву он настоял, чтобы Дедковский еще раз связался с полковником и получил разрешение оставить его, Агапова, в Ленинграде для розыска вещей. Однако было приказано выехать немедленно и всем вместе.

...Начальник МУРа слушал Дедковского

не перебивая. Потом так же терпеливо выслушал Агапова. И, обращаясь к обоим сразу, спросил:

— Значит, в выводах категорически разошлись?

— Как видите,— пожал плечами Агапов.— Товарищ Дедковский очень уж полагается на свою интуицию. Она у него, конечно, проверенная, не спорю, но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. Группа крови, как известно, доказательство не последнее.

Дедковский устало посмотрел на своего беспокойного помощника и проговорил:

— Что верно, то верно. Но, насколько я помню, у тебя тоже третья группа?

— Третья,— удивленно подтвердил Агапов.

— Вот с таким же основанием и тебя можно заподозрить.

— При условии, если я был вхож в их квартиру, если был в ней в промежуток времени, в который произошло убийство...

Полковник вдруг спросил:

— А где ваши подопечные?

— У меня в кабинете. Завтракают,— глуховато ответил Дедковский.

Агапов так и взвился:

— Вы слышите, товарищ полковник? Они завтракают! В его кабинете. И даже без конвоя.— И, зная, что он уже не в первый раз за эти дни перешагивает рамки служебной субординации, со вздохом добавил: — Извините, но иначе не могу. Как вспомню Витю, лежащего на диване, так все закипает во мне! Очень уж мы миндальничаем да осторожничаем. Действуем по принципу: как бы чего не вышло. А преступник должен сразу понять, где он находится.

Дедковский вскинул на него седоватые брови, сузил глаза:

— Так то преступник. А в отношении этих ребят пока ничего не доказано. Ничего. Потому извольте к ним относиться соответственно. Может, вы уголовно-процессуальный кодекс забыли?

Полковник наклонился к селектору, нажал кнопку.

— Лаборатория? Обработка бутылки и стакана, доставленных из Ключевого, закончена? Нет еще? Поторопитесь.

— Какой бутылки, какого стакана? — встрепенулись Дедковский и Агапов.

— Сегодня в квартиру Чернецовых пришли строители, ремонт производить. Стали выносить вещи, а ненужные мелочи выбрасывать в мусоропровод. А он оказался засоренным. Когда очистили, нашли кое-что из квартиры Чернецовых. Бутылку из-под водки, стакан. Ребята из бригады оказались разумные. Дескать, раз в квартире произошло такое — то все, любой пустяк может иметь значение. Аккуратненько завернули бутылку и стакан в газету — и к нам. Бутылка как и все бутылки, а стакан с каемкой, хозяин его признал.

— И такие предметы не были обнаружены при осмотре квартиры? Какое же безобразие! Какая халатность! — Обескураженный Дедковский нервно мял папиросу.

— Ну, вы напрасно так ругаете себя,— мягко проговорил полковник.— Кому могла прийти в голову мысль, что в мусоропроводе, находящемся на лестничной площадке, есть бутылка и стакан, имеющие отношение к убийству? Надо быть провидцем или комиссаром Мегрэ, чтобы предположить это. Такое бывает только в детективных романах.

— Вы зря меня успокаиваете, товарищ полковник. Это факт возмутительный. И к нему мы при разборе дела еще вернемся.— Затем, помолчав, Дедковский спросил полковника: — А скажите, что еще известно об этой бутылке со стаканом?

— Хозяин помнит твердо, что бутылка в холодильнике была с остатками водки. Значит, ею воспользовался кто-то из посетивших квартиру. На бутылке и стакане есть следы. Может, они принадлежат тому, кого мы ищем.

— Это была бы слишком большая удача,— пробормотал Дедковский и поднялся.

Продолжение следует.

НА ГАСТРОЛЯХ БДТ

Летом Москва превращается в город гастролей. На сценах театров столицы сменяются творческие коллективы один другого интереснее, и уже заранее начинают изучать гастрольную афишу завзятые театралы. Их привлекают и новые коллективы, впервые показывающие москвичам свои работы, и новые спектакли, которые привозят в столицу театры, считающиеся здесь старыми знакомыми.

Хотя надо прямо сказать, и на старые спектакли не было отбоя от зрителей, когда в Москве гастролировал коллектив, хорошо всем известный под лаконичным названием БДТ.

Все гастрольные спектакли Ленинградского академического Большого театра драмы имени А. М. Горького прошли в Москве с аншлагом. Но, конечно, наибольший интерес, а следовательно, и самый энергичный напор зрителей вызвала шекспировская премьера «Генрих IV» в постановке главного режиссера БДТ, лауреата Ленинской премии Г. А. Товстоногова.

Спектакль этот, где заняты крупнейшие мастера актерского искусства: Е. Лебедев, Е. Копелян, С. Юрский, В. Стржельчик, О. Борисов и многие другие (с большинством этих артистов публика знакома вне зависимости от гастролей, по многим и многим кинофильмам),— захватывает внимание прежде всего острой мыслью Шекспира, последовательно и глубоко развивающейся. Мыслью о соотношении честолюбия и человечности. Мыслью, которая целиком подчиняет себе внутреннюю жизнь героев, определяет направление их психики, их побуждений и поступков, формирует их внутренний облик.

Король Генрих IV С. Юрского стар и утомлен жизнью, раздражен беспрерывными распрями своих вассалов, покушениями на его власть. По правде говоря, он утомлен и самой властью тоже. Однако же все еще цепко, все еще властно держит свою корону...

Сколько же здесь на нее претендентов, и тайных и явных! И кому из них она достанется — бесшабашному гуляке Гарри, принцу Уэльскому, в исполнении О. Борисова, или надменному Перси, словно рожденному для трона,— его играет В. Стржельчик?..

Эти двое — смертельные враги — кажутся совершенно несхожими, совершенно разными в начале спектакля, когда принц Уэльский будто весь целиком находится в подчинении у своего старого друга Фальстафа, его непередаваемого обаяния, его смешной, но глубокой и трогательной преданности...

Обжора и жулик, Фальстаф полон огромного значения, как всегда это бывает во всех ролях Е. Лебедева. Он многозвучен и многосторонен. Он сложен настолько, насколько обозначил эту сложность великий сердцевед Шекспир,— думается, выше об игре актера не скажешь.

Отношения Фальстафа с Гарри бесхитростны, душевны, глубоко человечны.

Именно человечность и становится тем пробным камнем, тем оселком, на котором испытываются нравственные качества принца Уэльского, будущего короля Генриха V.

Тайком надев корону возле постели умирающего отца, Гарри — Борисов уже в этот момент перестает быть тем, кем так долго казался.

Куда и девалась простодушная, мальчишеская, широченная усмешка, словно озарявшая худое, нервное лицо принца Уэльского. Словно весь закаменев, сидит он, как живой мертвец, на носилках; корона глубоко, прочно надвинута на его лоб... Фальстаф с недоумением и ужасом, не узнавая, смотрит на Гарри, своего любимца, только что приказавшего заточить старого друга в тюрьму.

Гастроли кончились. Театр уехал. А эти сцены все еще живы в памяти. Все еще звучат в душе.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Е. Лебедев в роли Фальстафа.

Генрих IV — С. Юрский и будущий Генрих V — О. Борисов.

Фото А. Гладштейна.

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ...

К 75-летию со дня рождения Ю. А. Завадского

Вахтангов писал своим ученикам: «Отнимите Студию у Алеевой, Антокольского, Вершилова, Волкова, Завадского, Захавы...— это удар на многие годы, это — пережитая юность, это отнятие ГЛАВНОГО в жизни. Главного. Я подчеркиваю это слово».

Театр стал ГЛАВНЫМ в жизни Юрия Александровича Завадского. Невозможно отнять театр у Завадского, как невозможно отнять Завадского у театра. Он стал гордостью и неотъемлемой частью советского театрального искусства.

Девятнадцатилетним юношей, студентом юридического факультета Московского университета пришел Ю. А. Завадский к Вахтангову. Стал художником, актером, режиссером... Он стал первым исполнителем Антония в «Чуде святого Антония», принцем Калафом в «Турандот». Он был любимым учеником Евгения Багратионовича, его преемником. Он ставил и оформлял спектакли, руководил студией. А затем по приглашению К. С. Станиславского перешел в Московский Художественный.

Константин Сергеевич, высоко оценив талант молодого Завадского, поручил ему главные роли в «Женитьбе Фигаро» и в «Горе от ума», привлекал его в свою музыкальную студию, задумал ставить вместе с ним спектакли. Одновременно Юрий Александрович организовал свою студию на Сретенке, руководил Центральным театром Красной Армии, где с большим успехом поставил классические и современные пьесы.

Двадцать восемь лет Завадский руководит одним из известнейших в нашей стране Академическим театром имени Моссовета. На афише этого театра спектакли, приводившие в восторг взыскательную публику Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Парижа, Софии, Варшавы, Белграда, многих других городов Европы... В составе этого театра ученики Ю. А. Завадского всех возрастов, начиная от прославленных В. Марецкой, Р. Плятта, И. Анисимовой-Вульф и кончая юным Г. Бортниковым. Здесь играли выдающиеся артисты Б. Оленин и Н. Мордвинов. Многие пьесы советских драматургов впервые начали свой путь по стране со сцены театра. По сей день идут и восхищают зрителя «Маскарад» М. Лермонтова, «Шторм» В. Билля-Белоцерковского, «Виндзорские проказницы» В. Шекспира, «Бунт женщин» Назыма Хикмета и В. Комиссаржевского... Совсем недавно Ю. А. Завадский показал новую свою работу — «Преступление и наказание» Ф. Достоевского.

Много лет Юрий Александрович преподает в Государственном театральном институте, воспитывает молодых режиссеров. В десятках городов нашей страны и в других государствах трудятся ученики народного артиста СССР Завадского. В своих путешествиях по Европе я много раз встречал режиссеров, ставивших выдающиеся спектакли и с гордостью заявлявших: «Я ученик Завадского из Москвы!»

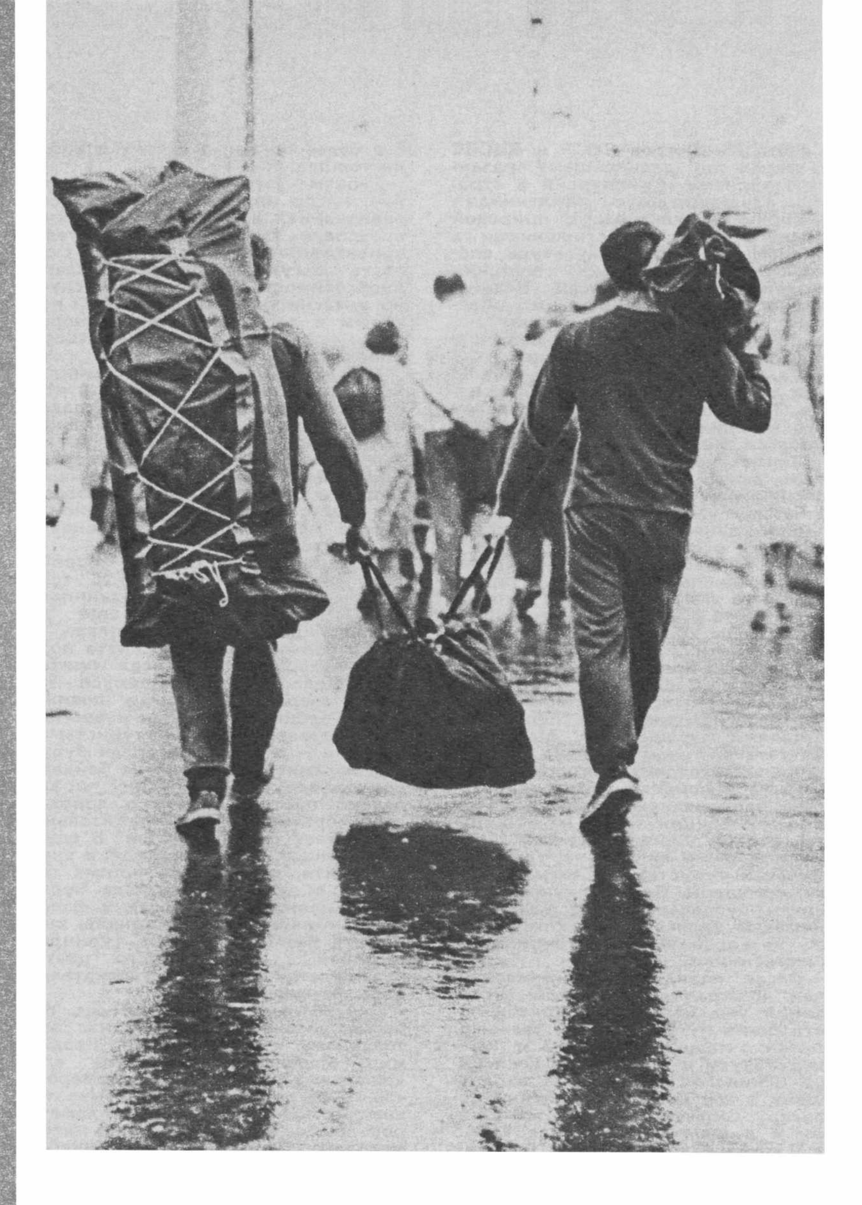
Но не только актеров и режиссеров воспитал этот человек: его учениками следует считать и драматургов, и театральных художников, и музыкантов, и технических мастеров сцены, прошедших его школу.

Любовь к жизни, отрицание рутины и косности, праздничная театральность, стремление проникнуть в самые высокие сферы человеческого духа — вот что отличает всю деятельность Юрия Завадского.

Светлый и чистый огонь искусства несет он людям. И люди благодарны ему.

Исидор ШТОК

СПОРТИВНАЯ АРЕНА — ВСЯ СТРАНА

Евг. СИМОНОВ

Ученые с мировыми именами — частые гости Новосибирского академгородка. Какие только проблемы не обсуждаются здесь на конференциях и форумах, но даже искушенные академические ораторы и полемисты удивились повестке дня одного из научных симпозиумов, открывших год шестьдесят восьмой. Этот симпозиум был целиком посвящен туризму. Казалось бы, какое отношение может иметь туризм к научным проблемам? Но в большом разговоре об индустрии туризма приняли участие академик И. П. Герасимов, член-корреспондент Академии наук СССР (теперь он академик) А. П. Окладников и многие другие ученые.

Человек со складной байдаркой, с рюкзаком встречается теперь везде и особенно в канун выходных дней. В пятницу вечером толпы туристов заполняют вокзалы, пригородные поезда. Прежний образ жизни горожанина, который социологи определяли как статичный, явно стал динамичным. И вот видный геометр Б. Н. Делоне отдыхает в дебрях Чуйских белков, морской инженер Л. В. Графчиков стремится к дальним ущельям Алибека, а слесарь-механик В. М. Кузьмин — к Верхне-Волжским озерам.

Мы упомянули всего трех любителей туризма. Да и как всех назовешь, если их многие миллионы. Они начинали с ближнего похода, а потом уходили все дальше и дальше от родных мест. Большой выбор маршрутов у наших туристов — более двух тысяч! А ведь было иное время...

Вспоминается, как наша группа путешественников одолела устьевую ступень перевала Донторского и перед нами открылось ущелье Адыр-Су... Густейший бархат лесов. Хрустальные колоратуры ручьев. И над всем — седая и мудрая вечность Уллу-Тау-Чаны, Местиа-Тау, других вершин. В те, сорокалетней отдаленности, времена мы и понятия не имели о складных примусах «Фебусах», о надувных матрасиках, сублимированных мясопродуктах. Тянули на собственном горбу дровишки, тащили тяжелые спальные мешки домашнего пошива, из бабкиных одеял, втиснутых в чехлы из подкладной клеенки. Народившееся незадолго до этого ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий), оформив маршрутные книжки, отоварило нас походным харчем. Пеммикан (сейчас не каждый знает, что под этим названием скрывалось обычное сушеное мясо) чем-то сближал нас с мужественными трапперами Фенимора Купера. А повстречавшийся у ледника невысокий, рано поседевший дядя в круглой сванской шапочке-паку поделился с нами свежей бараниной. Уже в Москве мы узнали, что это был Николай Васильевич Крыленко, прокурор республики, соратник Ленина, который шел из Балкарии в Сванети через Местийский перевал с балкарским проводником Саидом Хаджиевым, водившим еще в 1911 году на Эльбрус молодого Кирова. На карте, которую Крыленко подарил нам на дорогу вместе с компасом, в понижении хребта было написано его рукой: «Перевал Элен». Так назван был Николаем Васильевичем новый путь через Главный хребет, которым они с женой — Еленой Федоровной Розмирович прошли первыми из Чегема в Баксан.

Крыленко стал «главковерхом» всех плавающих и путешествующих, на долгие годы возглавив не только ОПТЭ, но и первые объединения шахматистов и альпинистов нашей страны. А тридцать три года назад подписанный М. И. Калининым правительственный акт определил статус всех тех, кто плавает и путешествует: «...туристское и экскурсионное движение являются неотъемлемой частью физкультурного движения». О растущей популярности туризма, насущных его нуждах докладывали на сессиях Верховного Совета СССР депутаты Н. Н. Романов и Т. К. Мальбахов.

И вот теперь опубликовано развернутое постановление ЦК КПСС,

Совета Министров СССР и ВЦСПС о мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране. «Знакомство с памятниками истории и культуры, с природой родного края, с достижениями в экономике, науке и культуре способствует воспитанию у советских людей любви к своей Родине, верности революционным, боевым и трудовым традициям нашего народа» — так оценивается в постановлении роль туризма.

Да, наш век воистину не только век атома и космоса, но и туризма. Так со временем определят его не одни болельщики, но и социологи, историки, экономисты.

Каков же туризм сегодня? Теперь, когда широчайшее развитие физической культуры поставлено во главу угла всего нашего спортивного движения, этот вопрос приобретает особый интерес...

Под руководством директора вечерней школы Даниелюса Штареса возник в Литве сельский туристский клуб... Золотые пески Крыма... Стены хребтов Военно-Грузинской дороги... Сполохи северного сияния над Кольской лыжней... Велопоход по Сибири. Вот он, воистину безбрежный туристский горизонт, раскрывающийся перед любителями путешествий! Могли ли мечтать о таком размахе жители старых литовских хуторов?..

Ныне в поисках новых туристских направлений снаряжаются целые экспедиции. Спрос на маршруты растет. Сейчас Крымом либо Черноморьем никого не удивишь. Подавай туристам и Север, и тайгу, и пещеры. Позарез нужны маршруты-дублеры: перегруженным Домбаю, Селигеру, Золотому пляжу не справиться с потоком путешественников.

После пятидесяти организованных Центральным советом экспедиций уже вводятся в список завтрашних путешествий и таежный Алтай с пещерой Анохина и переход посуху и на воде от Господина Великого Новгорода к входившему в его Деревскую пятину Селигеру. Сможем побывать мы с вами и в шамилевском ауле Гуниб и у преграждающих реку Ленских щек в Якутии и подняться к одному из самых обильных солнцем мест — Армхи, близ Военно-Грузинской дороги.

Паспорта завтрашних маршрутов заполнены. Будем с понятным нетерпением ожидать дальнейшего расширения географии туризма.

Мы говорим: индустрия туризма. Называем внушительно звучащие масштабные цифры. Сорок миллионов рублей на капитальное строительство. Сто семьдесят пять канатных дорог. Но и это лишь частица будущего, которое все более ощутимо входит в наше настоящее.

Туризм — это не только хождение, набор километража, но и соревнование, в котором особенно преуспели за эти годы любители ориентиринга. Абсолютная скорость бегуна осложняется здесь необходимостью отыскивать искусно замаскированные пункты, к которым и должен, не теряя скорости, успевать «привязываться» спортсмен.

Мы начинали с нулевого цикла, но и здесь шагнули вперед. В импровизированном музее Центрального совета по туризму вам покажут резной «Кубок мира и дружбы» — трофей матча четырех стран. Химик Ливия Натра с математиком Рудисом Аболсом стали первыми из наших спортсменов чемпионами на международном соревновании следопытов.

Перенесемся в осенние Карпаты... Крутой, спадающий с гор, весь в пене, словно бы закипевший, Черемош. А тут еще по команде директора лесосплава и ярого болельщика В. Д. Гитта подняли створы плотин всех притоков. Подобно вырвавшемуся из плена зверю, ринулась в долину вода. Гребцы любят, как известно, тихие заводи каналов, туристы с веслами — джигитовку среди бурунов и камней. Легко ли на байдарке, развернув эту посудину параллельно плотине, войти в ворота, если обратная волна стремительно затягивает тебя под устои? В одни ворота надо влететь кормой, в другие зайти, поднявшись против течения. «Слалом-68» на воде Черемоша, неожиданно опередив фаворитов — латышей и эстонцев, выиграли минчане. Водные турниры рыцарей в апельсинового цвета спасжилетах оказались увлекательным зрелищем.

Двукратным чемпионом года по бурно развивающемуся у нас автотуризму стал художник Владимир Медведев. Спидометр его «Москвича-407» под номером «30-6324» пошел уже накручивать шестьсот первую тысячу километров общего наезженного им километража. Первое соревнование — «Интерпрессралли» с хитрыми фигурными разворотами, скрытыми контрольными пунктами, прямыми, как стрела, скоростными участками оспаривали шестьдесят машин по трассе вокруг озера Балатон. Второе — «Седьмой райд Польски» — проходил по дорогам земли Быдгощской.

Мы упоминали выше о симпозиуме по туризму в Академгородке Сибири. Надеемся, что сейчас читатели поймут взаимосвязь между наукой и туризмом. Но попробуйте ответить на другой вопрос: какая связь между новосибирской школой, где пестуют будущих математиков, и туризмом? И как же был удивлен автор этих строк, когда узнал, что один из виднейших академиков-лауреатов, отбирая пополнение для такой школы, повел ребят в трудный поход. «В пути-дороге, в трудностях ярче выявляются склонности и характеры, чем у доски»,— объяснил нам ученый...

Увы, эту всеобъемлющую роль туризма понимают еще не все. Не принимали до последнего времени во внимание нужды туристов инстанции планирующие, производящие и торгующие. В стране самой разветвленной в мире речной сети элементарная походная байдарка — до сих пор трудная, а порой неразрешимая проблема. Например, для Эстонии разнарядкой положено 10 байдарок на год. Не лучше и с походными продуктами, с не пропускающими влагу штормовками, с легкой, но прочной обувью.

А давно ли кануло в Лету то время, когда ни одна из спортивных и профсоюзных инстанций Украины не хотела брать на свой баланс хаты-колыбы (туристские приюты в Карпатах)? Теперь хаты в почете, сегодня турбазы воздвигают уже более двухсот «СМУ» и трестов, строят не колыбы, а многоэтажные базы, но, увы, ту нагло лезущую в глаза стройхалтуру, что видим мы в отелях Приэльбрусья, не прикроешь даже переходящим знаменем, под сенью которого бодро трудится управляющий трестом «Каббалкпромстрой» Б. А. Левич.

А разве это правильно, что, любуясь отлично разработанными «Ленгипрогором» панорамами и макетами нового туристского центра на Селигере — пластик, стекло, сплошная геометрия,— не находишь ничего от тверского да новгородского зодчества, которым так восхищались в этих краях А. Н. Островский, И. И. Шишкин, А. Н. Толстой?

Дальние походы, маршруты высокой трудности. Словно магнит, притягивают они и молодых и более зрелых. Но многочисленные «ЧП» последнего времени на склонах Эльбруса, таежной Мане, пещере Кугун-Сумган, реках Казахстана и Кавказа убеждают нас в том, что не наведено еще должной дисциплины на туристских тропах, неблагополучно и со службой безопасности.

* * *

Миллионы туристов — это цифры, это масштаб. Миллионы требуют серьезного внимания, и они его получают от партии и правительства.

Широкую дорогу туризму!

КОСМОНАВТ В ГОСТЯХ У КОСМОНАВТОВ

МОХНАТЫЙ БОЛЕЛЬЩИК

Кто бы мог подумать, что футбол найдет поклонников среди животных. Белый медвежонок из Мюнхенского зоопарка, расположенного вблизи футбольного поля, часами наблюдает за игрой.

ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

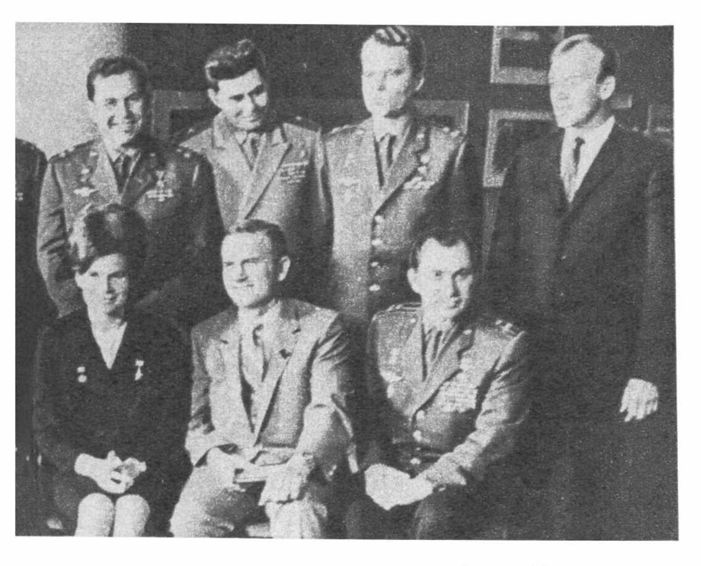
В доме Желю Ташева, живущего в городе Ямбол (Болгария), можно увидеть модели известных архитектурных памятников многих стран. Все они сделаны из дерева разных цветов. На этом снимке — храм Василия Блаженного.

РЕЛЬСОБУС

Недавно в Австралии демонстрировался опытный образец автобуса, который может передвигаться по шоссе и по рельсам.

В Советский Союз приехал американский космонавт Фрэнк Борман, командир корабля «Аполлон-8», совершившего полет к Луне. В один из этих дней Фрэнк Борман был гостем Звездного городка.

Для того, чтобы прокладывать трассы в космосе, нужны не только мощные ракеты, точнейшие приборы, труд ученых и рабочих. Для этого необходимо еще и человеческое мужество. Об отваге людей, совершающих полеты в космическом пространстве, говорил, приветствуя Фрэнка Бормана, заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Военно-Воздушными Силами, маршал авиации П. С. Кутахов. Он напомнил также, что эра завоевания космоса была открыта полетом первого советского спутника в 1957 году.

О полете спутника сказал и Фрэнк Борман. Он был преподавателем в американской военной академии в Уэст-Пойнте, когда на весь мир прозвучали сигналы из космического пространства, переданные спутником.

— И тогда я понял,— говорил Фрэнк Борман на встрече в Звездном городке,— что судьбы человечества перестали быть ограничены земной атмосферой. И я решил стать космонавтом.

Фрэнк Борман дважды совершал рейсы в космическом пространстве, и участники встречи с интересом слушали его ответы на вопросы, заданные журналистами. Говоря о работе в условиях невесомости, Фрэнк Борман отметил, что хотя эти условия и создают трудности, невесомость, по его мнению, скорее союзник человека в космосе, чем препятствие. Он высказал мнение, что широкое освоение космоса начнется с создания крупных станций-лабораторий в космическом пространстве, где будут работать ученые.

— Тогда мы, космонавты, превратимся в водителей такси, чтобы привозить с Земли на эти станции ученых и увозить их обратно,— пошутил Борман.

Американского гостя спросили о предстоящем полете «Аполлона-11».

— Мне не нравится, когда этому полету заранее предсказывают полный успех. Мы, космонавты, знаем, что каждый полет представляет собой сложную задачу. Думаю, что у «Аполлона-11» есть восемьдесят шансов из ста, что его программа будет выполнена полностью. Самая трудная часть ее — переход на лунную орбиту,— ответил на этот вопрос Фрэнк Борман.

На встрече генерал-майор Г. Береговой передал Фрэнку Борману подарок от советских космонавтов — модель космического корабля «Восток», на котором совершил свой исторический полет Ю. А. Гагарин.

Потом Фрэнк Борман осмотрел в Звездном городке кабинет Ю. А. Гагарина, комнату, где собраны документы и реликвии о первом космонавте мира, музей, на стендах которого подарки, полученные советскими космонавтами из разных стран.

— Это хорошая идея — собрать вместе все подарки,— сказал Фрэнк Борман.— У нас такого музея нет, но, может быть, он будет. Только вот ваш подарок, самый дорогой для меня, я в музей, пожалуй, не отдам.

Среди тех, кто встречал Фрэнка Бормана в Звездном городке, были также маршал авиации С. И. Руденко, генерал-полковник Н. П. Каманин, космонавты В. Николаева-Терешкова, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский, К. Феоктистов, П. Беляев, В. Шаталов, Б. Волынов, А. Елисеев, Е. Хрунов. Обращаясь ко всем, кто присутствовал на встрече, американский космонавт отметил теплоту, с которой его встречают в нашей стране, и дружелюбие советских людей.

— Из космоса Земля кажется очень маленькой, и тогда особенно остро понимаешь, что все мы жители одной планеты, и нам нужно сотрудничать на Земле и в космосе,— сказал Фрэнк Борман.

А. СЕРБИН, В. ФИЛАТОВ

ПИСЬМОНОСЦЫ НА МАРШЕ

У парижских почтальонов существует интересная традиция: в начале лета они устраивают на улицах города соревнования по спортивной ходьбе.

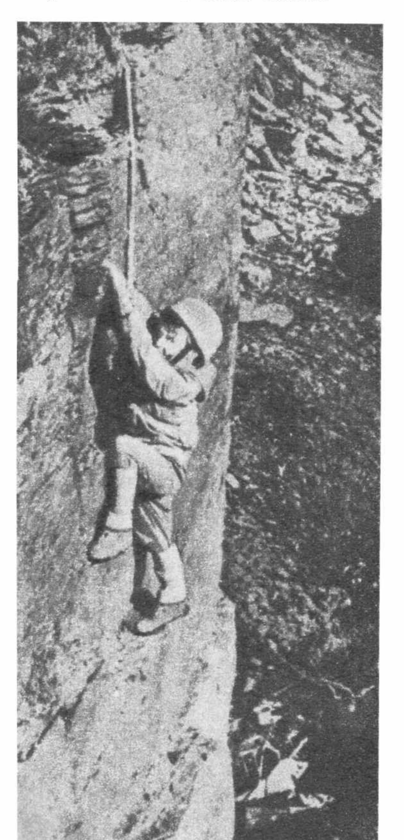
БРЫЗГАЮЩИЕ КАСКИ

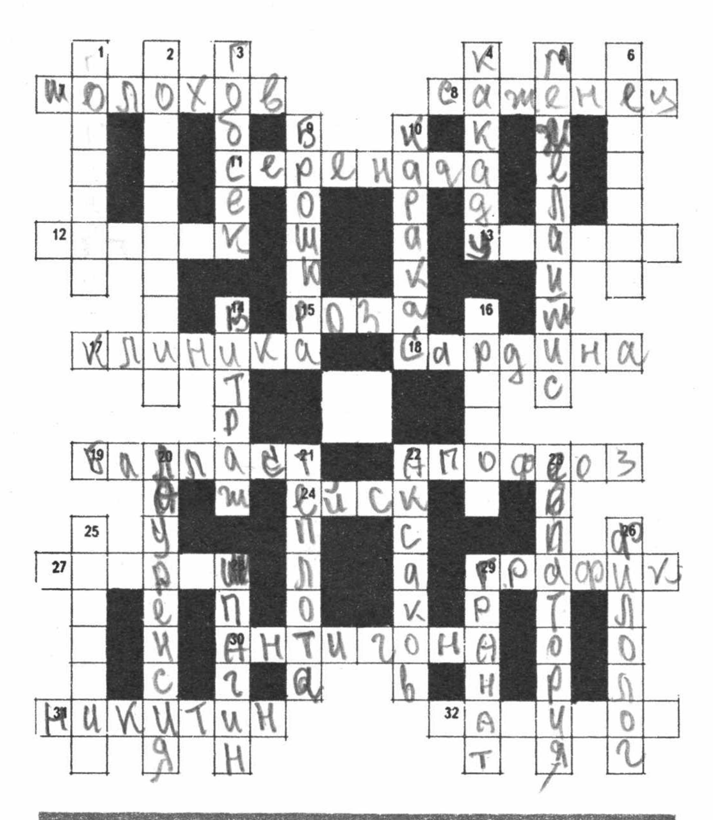
Пожарные города Кусиро (Япония) снабжены новыми касками с трубками, из которых бьют фонтанчики воды, защищающие человека от жары и огня.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ СКАЛОЛАЗ

Шестилетний англичанин Рой Кларксон под руководством своего отца стал хорошим альпинистом. Мальчик легко взбирается на отвесные скалы.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Советский писатель. 8. Дерево, выращенное в питомнике. 11. Жанр камерной музыки. 12. Шерстяная ткань с ворсом. 13. Река в Центральной Африке. 15. Цветок. 17. Медицинское учреждение. 18. Морская рыба. 19. Груз для увеличения веса судна. 22. Заключительная торжественная сцена спектакля. 24. Порт на Азовском море. 27. Масличный лен. 29. Схема движения поездов. 30. Трагедия Софокла. 31. Русский путешественник XV века. 32. Опера Б. Сметаны.

По вертикали: 1. Спортивная игра. 2. Раздел геодезии. 3. Роман Бальзака. 4. Попугай. 5. Литовский поэт. 6. Приток Волги. 9. Небольшая книга. 10. Столица Венесуэлы. 14. Каргина или узор из цветных стекол. 16. Артист МХАТа. 20. Балет А. Крейна. 21. Форма движения материи. 22. Автор произведения «Семейная хроника». 23. Курорт в Крыму. 25. Один из Курильских островов. 26. Специалист, изучающий язык, литературное творчество. 28. Советский изобретатель стрелкового оружия. 29. Драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. Белоруссия. 8. Персик. 9. Рельеф. 12. Санд. 14. Маховик. 16. Городки. 17. Гроссмейстер. 18. Баклуша. 21. Ингулец. 24. Боян. 26. «Марица». 27. Алупка. 28. Монография.

По вертикали: 1. Хельсинки. 2. Косеканс. 3. Астероид. 4. «Риголетто». 6. Лекало. 7. Жерико. 10. Катализатор. 11. «Воскресение». 13. Нигерия. 15. Каска. 16. Гусли. 19. Лампас. 20. Шампиньон. 22. Настурция. 23. Улитка. 24. Батальон. 25. Наманган.

На первой странице обложки: Маймунат Магомедова — самая молодая работница Унцукульской художественной фабрики имени Дахадаева. Дагестан. (См. в номере репортаж «В Чохе, на Годекане».)

Фото А. Награльяна.

На последней странице: Утро.

Фото И. Туннеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00377. Сдано в набор 24/VI-69 г. Подписано к печ. 8/VII-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1402. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1760.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПАРАД САМОВАРОВ

К. КОСТИН

Фото Г. МАКАРОВА.

«Золотой петух» — самовар особый, заказной.

Вот уж не предполагал, что самовары, обыкновенные, в общем-то самовары, с трубой — жаровые, со спиралью — электрические, могут стать участниками столь привлекательного смотра. Более того — парада! Такова выставка «Русские самовары», открытая в московском филиале Государственного исторического музея. Все, что здесь собрано, восхищает, еще раз напоминает о яркой богатой истории и самобытности русской материальной культуры.

Пращуром самовара, его предшественником было незатейливое сооружение—самовар-чайник, раскаленные угли в котором не давали остыть сбитню. На выставке есть несколько таких сбитенников — вместительных, рассчитанных на многие литры напитка, без которого, кажется, не обходилось в России ни одно зимнее народное гулянье, ни одно торжище.

Сначала самовары не имели нынешней формы, их делали как бог мастеру на душу положит — и шарообразными, и похожими на кубок, и даже квадратными; сундучок с трубой да и только. Есть тут и небольшой дорожный, стаканов всего, может, на пять-шесть кипятка, а то и меньше. Такой самовар был необременителен и в дальнем путешествии. Принадлежал он видному историку, знатоку российской старины И. Е. Забелину, а сделан на тульской фабрике.

Но не только Тула делала прекрасные самовары. Даже знаменитые железных дел демидовские предприятия исполняли самоварные заказы. Завод в Суксуне сделал чудо-самовар — может, один из первых в России. Кто был его автором? Кто скрывается за инициалами И. Н.? Самоварное производство развивалось быстро. Появились небольшие и побольше предприятия в Москве, в Петербурге, на Ярославщине, а в Туле к концу XIX века оказалось около пятидесяти самоварных заводов, заводиков и мастерских.

Интересен был самоварный счет — только лучшие самовары шли на штуки, а те, что были попроще, имели другую меру: «пуд самоваров». Так на пуды и продавали, а если был нужен один, приходилось взвешивать...

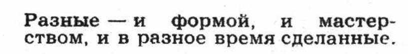
Лучшие мастера тульских фабрик состязались в искусстве. У одного самовар закипал со своим, только ему присущим шумом, у второго накладка была отменной, третий отличал свое дело чеканкой или какой-то замысловатой формой. Делались и особые самовары, по заказу. Один такой, «золотой петух» — он наведен и выкован в 1873 году,— и впрямь похож на петуха. По сверкающей позолотой поверхности — надписи: «Где есть чай, там и под елью рай», «Самовар кипит, уходить не велит».

По форме и назначению самоваров в какой-то то мере можно проследить историю нравов и обычаев. Было время, когда в больших, красной меди самоварах-кухнях, разделенных на три отделения металлическими же перегородками, и воду кипятили и в то же время готовили щи да гречневую кашу. Затем нахлынул спрос на самовары-кофеварки — их на выставке три. Но любовь к чаю возобладала, и стали появляться самовары в том классически отработанном стиле, какими они дошли до нашего времени.

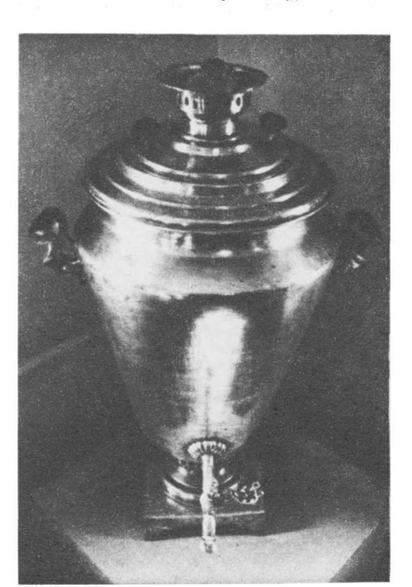
Гладкие самовары сменяются более сложными, гранеными, ампирными, в виде бочонков и шаров;

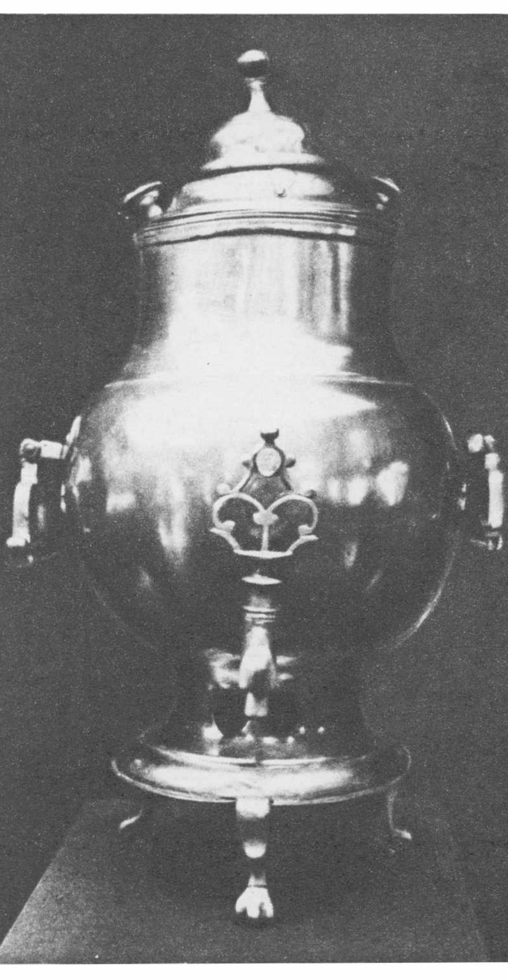

Разные — и формой, и мастерством, и в разное время сделанные.

Самовар — произведение искусства.

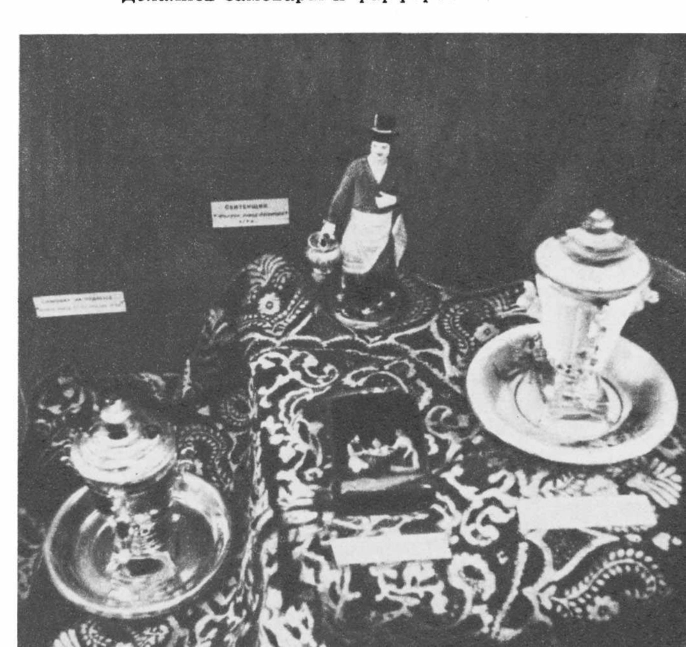

особенно привлекают те, что были сделаны на заводе Ваныкина. На Урале ладили самовары не только из меди или латуни, но даже из железа. А этот вот небольшой самовар верно служил семье писателя М. М. Пришвина.

На выставке есть уменьшенная копия самовара, которым пользовался Л. Н. Толстой. Тут же огромный, на много ведер самовар. Он был выкован в Туле в 1936 году.

От посетителей на выставке отбоя нет. Идут москвичи и приезжие, на узенькой улице Разина останавливаются интуристские автобусы. Полнится книга отзывов записями на многих языках. Парижанка восторгается русскими самоварами, а совсем юный москвич, ученик второго класса Егор Жигарев, замечает: «У моей бабушки тоже есть старинный самовар с подносом. Приеду, отчищу, устрою дома выставку...»

Делались самовары и фарфоровые...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.